

Геннадий Толмачев

50 ВСТРЕЧ С Д. А. КУНАЕВЫМ



КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ

Возвращена не позднее

указанного срока

27/IV 2008

28/I 2009

ГЕННАДИЙ ТОЛМАЧЕВ

**50 ВСТРЕЧ С
Д. А. КУНАЕВЫМ**

АЛМАТЫ 1997

Толмачев Г.

**50 встреч с Д. А. Кунаевым: Воспоминания.— Алматы:
РПО „Китап”, 1997 — 160 стр.**

ISBN 5-7667-4016-6

—40260—

ISBN 5-7667-4016-6

© Г. И. Толмачев

ОТ АВТОРА

Выражаю сердечную благодарность за помощь при написании этой книги академику Аскару Ахмедовичу Кунаеву, ученому-филологу Диару Кунаеву, президенту международного фонда имени Д. А. Кунаева — Эльдару Купаеву, государственному деятелю, **Санджару Уразовичу Джангосову**, писателю Сашу Муратбекову, генеральному директору РПО „Китап“ Нурлану Туебекову, фотомастеру Иосифу Будневичу.

Глубоко благодарен всем, кто поделился своими воспоминаниями о Динмухамеде Ахмедовиче Кунаеве. Вдумчивый читатель наверняка заметит, что какие-то события, эпизоды авторы трактуют со своей точки зрения, и я намеренно не корректировал их (да и не имел права) и оставил от строчки до строчки неприкосновенными.

Большое спасибо Марату Юлусовичу Раджибаеву, одному из воспитанников Д. А. Кунаева, за материальную поддержку при издании этой книги.

Автор будет признателен всем, кто пришлет свои отзывы, критические замечания, напишет о своих встречах с Д. А. Кунаевым по адресу: Алматы, РПО „Китап“.

ПРОЩАЙТЕ, ВЕЛИКИЙ ЧЕЛОВЕК

Тот печальный день, 25 августа 1993 года, войдет в историю Казахстана, как день необъявленного национального траура. Хоронили Динмухамеда Ахмедовича Кунаева. Десятки тысяч алматинцев прошли через скорбный зал театра оперы и балета. Еще многие тысячи не смогли проститься с Д. А. Кунаевым: получив приказ, милиция прервала людской поток.

Катафалк и скромный (строго по списку!) автомобильный кортеж направился к кладбищу. На всем пути по обеим сторонам улицы процессию встречали и провожали горожане: казахи и русские, уйгуры и татары, корейцы и евреи. Кто плакал, кто осенял себя крестным знамением, кто молча склонял голову. Никогда раньше (я не помню и никто не помнит), чтобы под катафалк от театра и до самого кладбища легли миллионы живых цветов.

Народ прощался с главным коммунистом республики.

Весь мир узнал о кончине Д. А. Кунаева. Широко, не без помпезности печать, радио и телевидение Казахстана растиражировали некролог о трижды Герое Социалистического Труда. Сообщали, что Д. А. Кунаев крупный, известный деятель... и лишь одна газета „Народный Конгресс“ рядом с его портретом напечатала две фразы: „Умер Динмухамед Ахмедович Кунаев. Прощай, Великий Челонек“.

Это не я придумал. Просто газета выразила мысли тех, кто был благодарен ему за нескучный стол, уютную квартиру, надежную работу, за дела и планы его, которые, по его мнению, улучшили бы благосостояние всех казахстанцев. Сказано это не ради красного словца: в последние годы я часто встречался с Димашем Ахмедовичем и, думаю, имею моральное право поделиться своими мыслями об этом удивительном человеке. В скобках замечу, что племянник Д. А. Кунаева Диар Кунаев и я помогали Димашу Ахмедовичу в его работе над книгами „О моем времени“,

„От Сталина до Горбачева“ и поэтому в памяти еще свежи наши откровенные, а часто и задушевные беседы.

Так случилось, что с Димашем Ахмедовичем в пору его первосекретарства я практически не встречался. Первый раз, помню, представился ему, как корреспондент „Комсомольской правды“ по Казахстану. Поговорили минут пять и с пожеланием успешной работы я тихо и надолго испарился. Следующая встреча выдалась покруче. На Бюро ЦК обсуждали книгу Олжаса Сuleйменова „Аз и Я“; а мне, как главному ответчику за выпуск этой книги, грозило исключение из партии. Об этом мне сообщили накануне заседания. Но Олжас не из тех, кто оставляет товарищем в беде и речь шла не только обо мне. Под партийный обух могли попасть и министр, и главный цензор, и директор издательства. Шутка ли, сам Суслов требовал суровых наказаний! Олжас написал членам Бюро ЦК: мол, книга моя — мне и отвечать, ну и прочие доводы впридачу. Подействовало. Бюро не было разгромным. Поразился я тогда эрудиции Димаша Ахмедовича, его такту, теплу в голосе, когда он разговаривал с Олжасом. И вот „приговор“ Д. А. Кунаева:

— От Олжаса мы ждем новых стихов и поэм. Ну, а тем, кто выпускал книгу... с проектом все согласны?

По новому проекту Толмачеву объявлялся строгий выговор с занесением в учетную карточку. Как говорится, и на том спасибо.

Спустя пятнадцать лет Димаш Ахмедович как-то сказал мне:

— Почему я вас раньше не знал?

— Ну, во-первых, меня к вам не пускали,— просто-душно ответил я,— а, во-вторых, Вы мне, правда, от имени Бюро ЦК объявили „строгача“.

— За что? — удивился Димаш Ахмедович.

— За книгу „Аз и я“.

— Вон оно что! — задумался Д. А. Кунаев.— Припоминаю смутно. (Д. А., конечно, скромничал. Память у него до последнего дня жизни была феноменальная. Я еще расскажу об этом). Димаш Ахмедович продолжил мысль: „Если бы вы знали, дорогой, (“дорогой” — любимое слово Д. А.) какие тогда события развернулись вокруг книги Олжаса. Какие бои велись. К Брежневу в доклад (на съезде КПСС!) чуть не попала книга его, а с Сусловым сколько ловоевать пришлось.

— Димаш Ахмедович расскажите об этом поподробнее, — и я включил диктофон.

На ночь глядя расшифровал запись, слегка подредактировал текст и вот что из этого получилось.

Вспоминает Д. А. Кунаев:

— в 1975 году мы чуть было не получили своего казахского диссидента, Олжаса Сuleйменова. В издательстве „Жазушы“ вышла его книга „Аз и Я“. К сожалению, в Москве выход этой книги вызвал бурную отрицательную реакцию. Многие известные русские ученые и критики поспешили объявить ее националистической. В журнале „Москва“, „Молодая гвардия“, „Звезда“, „Русская литература“ и других изданиях хлестко и зло критиковали О. Сuleйменова. Я прочитал книгу Олжаса. Прочитал с интересом и удовольствием. Талантливая работа! Правда, кое-где автор не совсем почтительно отзыается о трудах известных академиков, иронизирует, насмехается над учеными, но ведь и понять его можно. Со всеми бывает, что в пылу спора вырвется неосторожное слово. А в целом, повторяю, книга мне понравилась. Я тогда еще подумал, поругают-попугают Олжаса, да и угомонятся. В литературных кругах такие драки не редкость.

Но однажды я пришел к Суслову поговорить об открытии новых издательств в Казахстане. Обратил внимание, что слушает он меня впол-уха, а потом и вовсе прервал.

— Димаш Ахмедович, — хмуро сказал он (он всегда был хмурый). — У вас в республике вышла книга Сuleйменова с явной антирусской и националистической направленностью.

— Я читал эту книгу...

— Слушайте дальше, — Суслов не дал мне договорить. — В книге искажены исторические факты, автор глумится над великим памятником „Слово о полку Игореве“. Министерство обороны изъяло эту книгу из всех военных библиотек. И правильно, думаю, поступило. Разберемся с книгой, автором и как следует накажем виновных! Чтоб неповадно было.

Я вновь попытался высказать свое мнение. Но Суслов был непримушен.

— Здесь справки отделов ЦК, — он рукой показал на толстую папку, — письма ученых, рецензии.

Спорить было бесполезно. Я ушел от Суслова и направился в кабинет Брежнева. И как бы между прочим предложил ему прочитать книгу Сuleйменова. Он кивнул

головой, оставь, мол, будет время — почитаю. С тем я и уехал из Москвы.

Но Суслов не был бы Сусловым, если бы остановился на поддороге и спустил это дело на тормозах. По своим мощным каналам, а это все идеологические секретари и отделы страны, он развернул бурную деятельность. Как мне докладывал С. Имашев — секретарь ЦК КП Казахстана по идеологии, книгу О. Сулейменова предполагалось обсудить на совещании трех отделов (пропаганды и агитации, культуры и отдела науки и учебных заведений) ЦК КПСС. Чем бы кончилось это обсуждение, предугадать было нетрудно. А если еще учесть, что за год до этого мы по настоянию Суслова обезглавили журнал „Простор“, освободив от редакторства большого писателя Ивана Шухова, то станет ясно, что наши идеологические отделы во главе с секретарем ЦК были изрядно напуганы нажимом из Москвы. Чтобы устраниТЬ неясности с И. Шуховым, скажу, что он пострадал за публикацию детективного романа „День Шакала“, где якобы детально расписан сценарий политического убийства главы государства. (Брежнев 8 раз наведывался в Казахстан). Тогда трудно было противостоять грозному тандему Суслов и КГБ. Но на этот раз я твердо решил: за Олжаса буду бороться. И в этом намерении я еще более укрепился, когда О. О. Сулейменов пришел ко мне на прием.

— Димеке,— сказал он,— я принес Вам „Открытое письмо“. Прошу размножить его для всех членов Бюро ЦК.

Я познакомился с этим письмом. Олжас не оправдывался, он защищался. Но больше всего мне запомнились вот эти строки:

„В прожитые годы у меня были минуты и часы, которых я стыжусь,— писал Сулейменов.— Но в этом открытом письме я хочу заявить:

Как человек и мужчина, горжусь тем, что всегда был честен в поступках своих, никогда, ни при каких обстоятельствах не предавал ни убеждений, ни дела, которому клялся в верности, ни слова, данного человека. Более всего я страдал, когда из-за меня страдали другие невинные люди, и порукой тому — единственная моя собственная жизнь“.

Я позвонил Брежневу и спросил: удалось ли ему прощать книгу Сулейменова?

— Читал-читал, — ответил Брежнев.— Никакого национализма там нет.

— А вот Михаил Андреевич считает...

— При чем здесь Михаил Андреевич? Сами разбирайтесь.

Остальное было, как говорится, делом техники. Мы провели Бюро ЦК, кое-кого пожурили, кое-кому всыпали, а спустя полгода XV съезд Компартии Казахстана избрал О. О. Сулейменова членом ЦК. Вот так в общем-то, благополучно закончилась эта история".

На своем журналистском веку я немало повидал крупных деятелей: и министров, и академиков, и генералов. И признаюсь; равного Д. А. Кунаеву я не встречал. Море обаяния, блестательный ум, удивительная память, добрый, веселый нрав. К слову, о памяти. Он без запинки назвал учителей, которые познакомили его с букварем и другими науками семьдесят лет назад Л. А. Федулову, С. И. Соколова, А. А. Астраханцева, И. П. Масленникова, Б. Н. Войцеховского. И еще, помню, я был потрясен, когда после кончины Зухры Шариповны он сказал: "Мы с ней прожили 50 лет 6 месяцев и 2 дня".

12 января 1996 года Димашу Ахмедовичу исполнилось бы 84 года. А я вспоминаю его юбилей, и другие праздники. Его искрометный юмор, вальс, который от танцевал под баян, его красивую задумчивость, когда он слушал казахские, русские, уйгурские песни в исполнении божественной Бибигуль и других именитых и не очень именитых гостей. Приглашенных было много, скажем, человек сто. А были дни (в эпоху ульяновского партийного гастролера), когда в дом Д. А. Кунаева приходили самые-самые... Одни боялись, других охрана не пропускала.

Интересна в этом смысле статья, которую опубликовала небезызвестная в мире „Вашингтон пост". Она пишет о Д. Кунасве:

„Советская либеральная интеллигенция относится к Леониду Брежневу так, как в некоторых домах Манхэттена относятся к Ричарду Никсону. То есть одна его фотография вызывает воспоминание о презренном прошлом, иронический смех и резкие высказывания.

Но среди тех, кого пропагандисты прошлых времен называли „массами", часто можно встретить ностальгические воспоминания об „эпохе застоя". По крайней мере, тогда были продукты, говорят эти люди. Во всяком случае,

в столице Казахстана многие тоскуют по прежнему руководителю Динмухамеду Ахмедовичу Кунаеву.

Кунаев правил этой республикой — по территории равной Западной Европе — на протяжении 34 лет и входил в состав брежневского Политбюро почти 20 лет. Один из самых красивых парков Алма-Аты по-прежнему выходит на площадь Кунаева. Символом его правления стал гранитный монумент бывшему его руководителю.

Сейчас 78-летний Кунаев живет в роскошном двухэтажном доме по улице Тулебаева 119. В этом доме, похожем на средней руки мотель в Майами, живут также премьер-министр и второй секретарь ЦК Компартии.

Во дворе дома растет ива и располагается охранник КГБ. Оказалось, что Кунаев, безраздельно правивший Казахстаном более 30 лет, не может теперь встречаться с иностранцами в собственном доме.

Через казахского журналиста я обратился к Кунаеву с просьбой о встрече. Иного пути не было. В прошлом журналисты пытались проникнуть к нему без договоренности, но путь им преграждал сотрудник КГБ.

Кунаев ответил, что мы должны составить список вопросов. Казахский журналист, знакомый с партийным жаргоном, настаивал на том, чтобы в этом списке фигурировал такой вопрос: „Каковы основные достижения Казахстана за 70 лет Советской власти?“

В ожидании ответа Кунаева мы ужинали в доме родственников этого журналиста, что само по себе было достаточно интересно. Глава семьи с нежностью вспоминал о сталинской „железной руке“, а основным блюдом служили конские сердца с вермишелью. Как уверяли меня хозяева, они по вкусу ничем не отличаются от цыплят. Они ошиблись.

Раздался звонок, и Кунаев сообщил, что готов встретиться со мной завтра в 11 часов утра. В четвером мы прибыли к его дому за 5 минут до назначенного срока. К нам поспешил сотрудник КГБ.

„Куда вы идете?“ — спросил он.

„У нас встреча с Кунаевым“.

„Это невозможно“.

„Он назначил нам встречу на 11. Он ждет нас.“

„Документы!“

Мы предъявили свои документы. Охранник отправился в свою будку к телефону. Затем он пошел в дом Кунаева. Вышел оттуда улыбаясь. Это плохой признак.

„Американцу встреча запрещена”.

„Почему? Разве Кунаев не может встречаться с тем, с кем захочет?”

„Хватит разговоров”.

Затем начался разговор по-казахски, которым делалась неудачная попытка скрыть от американца то, что КГБ запретил встречу с Кунаевым. Слово „КГБ” время от времени раздавалось среди казахских слов.

Наконец охранник повел двух казахов, взявшим с собой мои вопросы, по тропинке. Спустя час они вернулись: „Кунаев был потрясен. Он не мог поверить, что вас не пустили. Он надел парадный костюм и даже подготовил для нас завтрак. (опять конские сердца?). Но он ответил на все вопросы”.

Но смысл был не в том, что скажет Кунаев, — за политическую карьеру он произнес бесчисленное число речей. Слова были не главным. Что он за человек?

„Кунаев огорчился, что вас не было,— объяснил мой спутник.

— Он сказал: „Кажется, я не хозяин в собственном доме”.

Позднее осведомленный казах объяснил, что ни советское, ни нынешнее казахское руководство не заинтересованы в том, чтобы Кунаев привлекал к себе внимание. Алиев уже вернулся на политическую арену, став депутатом республиканского парламента. Возвращение его заключенных противников совершенно не нужно Горбачеву.

Спустя несколько часов во время беседы с депутатом Верховного Совета один из казахских журналистов наклонился ко мне и прошептал: „Мы должны уйти через 5 минут. Кунаев встретится с вами на улице”.

Через 15 минут мы стояли у ворот дома отдыха ЦК. Подъехала белая „Волга” Кунаева. Всем своим видом он напоминал большого начальника — казахский вариант африканского диктатора. Он был одет в голубой дорогой костюм, на глазах у него были черные очки, а в руках красивая трость, украшенная сплетенными змеями и потрясающей работы рукояткой. Одной этой трости было достаточно для того, чтобы властвовать над людьми.

„Дорогой мой!” — сказал он при знакомстве.

В течение следующих 10 минут Кунаев рассказал об урожаях пшеницы в 70-е годы, сравнивал „Правду” и „Известия” и говорил о необходимости сохранения коммунистических памятников. „Я никогда не колебался,— сказал

ои.— Я всегда придерживался ленинской партийной линии. Об этом нельзя забывать".

Казахи улыбались, гордые тем, что они стоят рядом с великим человеком.

Вернется ли он к политической жизни завтра?

„Я буду не против. Пусть люди решают. Но должен сказать, что завтра я занят. Я еду охотиться на уток. Я люблю утиную охоту". (Конец статьи.)

Вот такие были нравы у нас в самый разгар перестройки. И лишь после того, как Колбина выдвинули (или задвинули?) в Москве, новый руководитель республики Н. А. Назарбаев снял все запреты. Сотни людей, если не тысячи побывали в гостеприимной квартире Димаша Ахмедовича. Всех он привечал, для всех у него находилось доброе слово и пиала чая. До последнего дня своей жизни Д. А. Кунайев был счастлив.

УМЕРШИЕ ОТКРЫВАЮТ ГЛАЗА ЖИВЫМ

В одной из наших бесед Димаш Ахмедович напомнил одну восточную мудрость: живые закрывают глаза умершим, а умершие открывают глаза живым. После ураганной шоковой терапии мы склонны верить и недавно умершим и совестливым живым. Черным крестом наши дела и прошлое на зачеркнешь. И будущее по всем законам должно быть светлым. Но без нас.

„Рашидовщина", „медуновщина", „кунаевщина", „алиевщина"— взахлеб писали газеты: теледикторы краснели за площадно-исковерканный русский язык. Прошло пять лет. Куда подевался этот шипяще-змеиный язык и эти языки?

Однажды поэт написал:век двадцатый, век необычайный: чем он интересней для историка, тем для современника печальней".

Да, история рассудит. Но мы, печальные современники, должны сказать свое слово о самых ярких личностях нашего времени.

И один из них Динмухамед Ахмедович Кунайев. Повторяюсь: добрейший, интеллигентный человек. И великий. Эту мысль я вынес из десятков встреч с Д. А. Кунайевым, разговоров с родными и близкими, с теми, с кем он встре-

чался часто и теми, кого радушно принимал лишь по праздникам. Всегда сдержанный, подтянутый, улыбчивый.

Начитавшись за последние годы пуды лживой, за редким исключением, литературы-макулатуры, я иногда вставал в тупик: как мог человек в этой клоаке подлостей, предательства, подсиживания друг друга, сохранить себя в чести и достоинстве? Соглашайся, не соглашайся, но именно с приходом Горбачева к власти, открылась крышка кремлевского горшка и вонь разнеслась по всему миру. Ладно бы измазались в дерьме одни лишь правители: весь народ, лучшую его часть лишили и лишают общечеловеческих идеалов. Был пионером, значит — малолетний предатель Павлик Морозов, вступил в комсомол — молодой карьерист (в вуз захотел или в военное училище), член партии — подлец, пробу ставить негде. И это обо всех нас, обо всем нашем прошлом.

Однажды Кунаев после прочтения разгромной статьи против коммунистов с горечью в голосе сказал:

— Ну почему они не понимают, что расстреливая прошлое из ружья, будущее им ответит залпом из пушки. Ведь у них есть дети, есть или будут внуки...

С особой неприязнью, если не сказать брезгливостью, Димаш Ахмедович относился к перевертышам, партийным хамелеонам. Ведь все эти новоявленные демократы-горбачевы, ельцины, яковлевы и иже с ними — еще вчера с жаром вдалбливали в головы решения очередного (и обязательно исторического) съезда КПСС, а сегодня без тени стыда в пух и прах развенчивают дело всей своей жизни. Кунаев подчеркнул строки в газете „Правда“: „Судить партию — это унизить 18 миллионов человек, а если учесть их друзей и близких, то цифра достигнет половины населения страны. Ведь такое не привиделось в бредовом сне даже Берии и Ежову...“

До распуска партии в Казахстане Димаш Ахмедович регулярно, день в день приходил в домоуправление и платил взносы с пенсии.

— Я был, есть и до последнего дня останусь коммунистом, — заявил он мне в одном из интервью.

Да, по своим делам, мыслям, поступкам он до самого смертного часа оставался непоколебимым коммунистом. Смею утверждать: самым авторитетным коммунистом в истории Казахстана.

Я ничуть не покривил душой, потому что Д. Кунаев бесчисленное количество раз совершал великие поступки.

До последнего дня. Зря он, конечно, по августовской жаре поехал на встречу с друзьями-товарищами за многие сотни верст от дома. Но он обещал другу юности приехать и твердо сдержал слово. Километрах в двухстах от Алматы на средину дороги вышла женщина и, благодаря узункулаку, знала, что скоро здесь будет проезжать пенсионер Д. Кунаев. Беспроволочный телеграф не подвел. Появилась машина, женщина молитвенно сложила руки, легковушка резко затормозила. Из машины вышел Кунаев.

— Димеке,— сказала женщина,— убедительно прошу зайти в мой дом.— И, боясь получить отказ, скороговоркой добавила:— на пять минут.

Димаш Ахмедович улыбнулся женщине в небогатой одежонке и согласился:

— С удовольствием! Показывайте свой дом. По пиале чая найдется?

Димаш Ахмедович чуть помрачнел, когда увидел не дом, а подслеповатую глиняную избушку, с земляным полом.

— Не разувайтесь, Димеке,— сказала женщина.— Пройдите в следующую комнату.

В другой комнате на полу лежало восемь... белоснежных подушек.

— Зачем это? — удивился Кунаев.

— Димеке, я мать восьмерых детей, и я хочу, чтобы вы наступили на каждую подушку. Пусть они засыпают и думают, что по их подушке прошел самый уважаемый аксакал Казахстана. У детей будут добрые мысли, а, значит, и поступки будут всегда честными.

Кунаев слегка прикусил губу, поднял с пола первую подушку и бережно приложил ее к лицу. Подержал недолго и сказал:

— Спасибо за честь, карындаш, но ногой я не могу наступить на детскую подушку, пусть они по очереди спят на этой. И пусть будет светлой у них жизнь.

Когда машина отъезжала от избушки, у порога стояла удивительная женщина и навзрыд плакала. Вот так величие и скромность сочетались в одном человеке.

Увы, я знаю десятки людей, которые с удовольствием, как павлины, промаршировали бы по детским подушкам.

Сейчас мне хотелось бы вспомнить о поездках с Димашем Ахмедовичем в близлежащие города и районы. Инициатива всегда исходила от Д. А. Кунаева. Дня за два, за три до поездки, а то и за неделю, он звонит и спрашивает:

— Как планируете провести субботу?.. Свободны? Приглашаю поехать в Чилик. Отъезд в семь тридцать от моего дома.

Обычно на двух машинах и ровно в семь тридцать (точность — вежливость королей!) мы отправлялись в путь. Форма одежды полуспортивная, настроение у всех приподнятое и сама возможность провести целый день в обществе Димаша Ахмедовича придавала путешествию особый настрой. Вместе с Кунаевым места в машине обычно занимали Олжас и я. Ни разу дорога и в триста, и в четыреста километров не показалась мне утомительной. А открытия начинались чуть ли не от порога дома Кунаевых. Он помнил Алма-Ату дореволюционную и довоенную. Когда машина выезжала на улицу Кирова, Димаш Ахмедович отмечал:

— Раньше эта улица называлась Офицерской. Фурманова — Лепсинской, Коммунистический проспект — Старокладбищенской, Дзержинская — Узун-Агаачской, Интернациональная — Солдатской... Ну, а все памятные сооружения располагались вокруг Гостинодворской площади или Зеленого базара. Тут и гостиница „Европа“, и Русско-китайский банк, и памятник Александру II.

Я в эти минуты ловил себя на мысли, что еду не по городу, в котором родился, а, как турист, по неведомой мне загранице. Хорошего в этом мало. У города, как и у человека должны быть видны его древние корни. Сегодняшний зуд правителей столицы сплошь и рядом переименовывать проспекты и улицы не делает им чести. Чем, скажите, простились перед казахстанцами Пастер, Горький, космонавты, уйгуры, дунгане?..

Мы выезжали за город и снова „включается“ необыкновенная память Д. А. Кунаева. Где кто жил и творил, чем богаты сады или поля, какие события происходили в окруже.

— Однажды у шлагбаума остановились,— вспоминает Димаш Ахмедович,— я вышел из машины, подозвал к себе

двух пареньков. Как, спрашиваю, зовут. Тот, кто постарше, отвечает: Максим. Младший добавляет: а меня зовут Горький. Я даже опешил. Надо же, как по-братьски поделили пролетарского писателя! Много чудных имен в довоенное время появилось. Испанских, китайских, немыслимые аббревиатуры, а то и целиком фамилии. Я, например, встретил как-то мальчишку, которого звали Каганович. В честь любимого наркома родители расстались.

Димаш Ахмедович задумался и неожиданно его губы тронула улыбка:

— Время было очень трудное, тревожное и... красивое. Молодость! Я тогда еще студентом был, практику проходил на Балхаше. Приехали к нам как-то английские шахтеры, у них на Западе много предприятий позакрывалось. Как положено, организовали митинг солидарности. Выступает один англичанин и говорит: дескать, мы настолько обнищали, что наши дети не могут утром выпить чашечку горячего шоколада. Наши молча соглашаются; действительно, капиталисты обнаглели, коли ребятишек впроголодь держат. Поможем, мол, братьям по классу. И однодневный заработок перечислили безработным шахтерам. Беда ведь у них, дети без горячего шоколада живут, понимать надо.

— Димаш Ахмедович,— не выдержал я,— ну почему Вы о таких случаях в своей книге не рассказываете? Ведь это сама жизнь!

— Цель у книги другая, дорогой мой,— спокойно ответил Кунаев.— Удобно ли мне, пожилому человеку, подтрунивать над наивными англичанами, когда у нас в те годы от голода, без хлеба умирали тысячи людей. Вот так-то. А вам журналистам-писателям, как говорится, и перо в руки.

И еще одну очень интересную историю рассказал Димаш Ахмедович по дороге в Баканас и, которая, конечно же, не попала в книгу „О моем времени“. На мое настырное „почему“ и „ведь такие эпизоды украсили бы книгу“ Димаш Ахмедович неизменно повторял: „Я себе такую задачу не ставил“. Словом, за бортом осталось много историй, слышавших, которых я, по праву пусть и далеко неглавного биографа, обязан рассказать читателям. Добавлю лишь, что не всегда, к сожалению, я включал свой диктофон, потому что этот миниатюрный аппаратик иногда смущал рассказчика. Было и такое: я задавал какой-нибудь очень острый или личностный вопрос, Димаш Ахмедович, показывая пальцем на диктофон, говорил:

„Выключите эту штуку“. Отвечал на вопрос и предлагал: „А теперь можете включить“. Поэтому многие ответы хранят только моя память.

Так вот, возвращаюсь к интересной истории. Я бы её назвал „Как исчез царский вагон“. Дело было так. Голощекин сыграл свою зловещую роль в расстреле царской семьи в ипатьевском доме, в Екатеринбурге. Его перевели на работу в Москву, а потом направили в Казахстан, первым секретарем ЦК. Для служебных разъездов предоставили ему царский вагон, на котором некогда раскатывал по фронтам Николай II. Прошло время, Голощекин сгинул, а роскошный вагон изредка служил новым правителям республики. За какие-то особые заслуги (Д. А. Кунаев не уточнил за какие) царский вагон предоставили в распоряжение Кунаева — зампреда Совнаркома и он вместе с Зухрой Шариповой отправился в Москву.

Вагон был обшит красным деревом, атлас, бархат, начищенная медь, современная (по тем временам) телеграфная и телефонная связь, короче, небедно жили цари. Увидев на одной из станций знаменитого артиста К. Кунашбаева, Димаш Ахмедович пригласил его отобедать в свой вагон. И только они расположились на атласных сидениях, как откуда-то из угла, сверху потянуло горьким дымком. Следом — панический крик проводника: „Пожар!“ Проводник сорвал стоп-кран, состав замер посреди стоянки и едва-едва гость, Зухра Шариповна, Кунаев, проводник соскочили на землю, как над вагоном занялось яркое пламя. Десять минут понадобилось огню, чтобы до колес сожрать царскую собственность, а заодно и личную собственность, уложенную в чемоданы, совслужащих Кунаевых.

Так что в Москву Кунаевы приехали налегке и прямо с Казанского вокзала вместе с встречающими отправились в ЦУМ.

— Партбилет, надеюсь, не сгорел? — в шутку спросил я.

Димаш Ахмедович опустил руку в нагрудный карман и достал красную книжечку.

— Он всегда при мне, — сказал Д. А. Кунаев.

Я взял книжку в руки и обратил внимание на номер партбилета: 00000011. Билет за номером 1 был выписан на имя В. И. Ленина. Получается, что Д. А. Кунаев входил в первую десятку главных коммунистов страны...

Важные вести разносятся быстро. Выезд Кунаева из Алма-Аты, безусловно, относился к неординарным событиям. На границах районов, хозяйств, в городах его часто встречали акимы — главы администраций, директора и председатели совхозов и колхозов, люди без званий, мечтающие перекинуться с Кунаевым парой слов, попросить совета, пожелать аксакалу крепкого здоровья. Он никогда не проезжал мимо. Выходил из машины, почтительно здоровался, принимал из чьих-то рук пиалу чая или кумыса и завязывал добросердечный разговор. Многих называл по именам, шутил по-казахски и по-русски, заинтересованно спрашивал о делах и планах. Держался очень просто, с гордым достоинством. Щурил добрые глаза, искренне смеялся над острым ответом, шуткой, хмурился, сдвигая морщины, услышав недобрую или печальную новость. Десять-пятнадцать минут разговора и мы ехали дальше. Но как светели, а при прощании туманились лица дорожных хозяев. Они разговаривали с великим человеком, для многих — святым. В мороз, и в жару они часами несли добровольную вахту, чтобы увидеть и услышать Его.

Какое-то время после таких встреч Кунаев сосредоточенно молчал, мысленно раскладывая на полочках имена новых знакомцев, фразы, ситуации. Для его возраста, сердца — это были трудные разговоры, требующие колоссального напряжения, и он чувствовал это своим здоровьем и незддоровьем, но никогда не уклонялся от шумных и неожиданных встреч.

Первый раз мы ехали по этой трассе в канун восьмидесятилетнего юбилея Д. А. Кунаева. Балхашский район он называл „моим“ районом. А балхашцы, правда, не в открытую, а „за глаза“ называли район кунаевским. Хоть и просторным, но убогим принял под свою опеку Димаш Ахмедович этот край. Как писал поэт: „Степь бескрайняя, солнчаки, небосвод пропылился весь, если родина есть у тоски, то, наверное, где-то здесь“. Но все это в прошлом. Сегодня район один из признанных лидеров в республике: крупный производитель риса, толково здесь занимаются животноводством, в плотную и успешно обустраивают райцентр и совхозные поселки. В Баканасе своя телефонная связь, телевидение, гостиница, больница, лучами бегут во все совхозы асфальтированные дороги. В двух-трех совхозах мы побывали вместе с Димашем Ахмедовичем. Встречали его здесь по-королевски, только роты почетного караула не было.

— Он для нас ни первый секретарь ЦК, ни пенсионер, ни трижды Герой,— делились своими мыслями руководители района Т. Ордабаев и Т. Досымбеков,— он для нас был и есть — Динмухамед Ахмедович Кунаев.

Ах, какого красавца-коя подарили Димашу Ахмедовичу! Белый, как снег, с пышной гривой, глаза, как молнии — два джигита еле-еле удерживали его за длинную узду. Кунаев поднял руку, шум на площади стих.

— Я не отказываюсь от подарка,— сказал Димаш Ахмедович,— но я хочу, чтобы этот красавец завоевал много призов на скачках во славу вашего совхоза. И мы никому не откроем наш секрет, что это скакун принадлежит Кунееву. Договорились, друзья?

Площадь восхищенно зааплодировала.

Мы возлагали цветы к бюстам Ленина, погибшим фронтовикам, побывали в юртах чабанов и коттеджах начальников, на банкете в райцентре и на замечательном концерте, посвященном юбилею Д. А. Кунеева. Кунаев, по-моему, был счастлив. И еще я в тот день понял: Димаш Ахмедович обладал таким громадным и мощным биополем, что заряжал своим настроением буквально весь зал. Все были в восторге.

А если кто и плакал, то от счастья. Бывает и такое...

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН Н. А. НАЗАРБАЕВА

На рубеже 70-х — 80-х годов назрела необходимость кардинальной смены высшейправленческой элиты, и здесь для внимательного наблюдателя становилось ясно — на этот типично внутренний вызов времени система не смогла ответить. С другой стороны, еще одним показателем внутренней слабости системы становится сугубо декоративная роль формального лидера. 18 лет человек руководил страной, в общем-то не тиран и не злодей, а во всей стране, кроме узкого круга близких, никто не только не плачет, но и просто не жалеет покойного. Это страшно.

Мне приходилось в тот период в составе государственных делегаций неоднократно выезжать за рубеж, и самое оскорбительное было в том, что насмешки над Л. Брежневым превращались в насмешки над страной, над народом, облик которого связывался с физическим обликом его ли-

дера. Я помню последний приезд Л. И. Брежнева в 1980 году в Казахстан. Тогда на 60-летие республики прибыли почти все члены Политбюро. Физическое состояние Генерального секретаря было угрожающим. Я сам наблюдал, как охрана помогала ему передвигаться, потому что самостоятельно ходить он не мог. Во Дворце им. В. И. Ленина проходило торжественное собрание. В перерыве мы отдыхали в гостевой комнате. Я обратился к Л. Брежневу с несколькими вопросами. Запомнил его глаза... Глаза безнадежно больного человека.

А время было неспокойным. Л. Брежnev несколько раз по специальной связи говорил с польским руководством. Ситуация там была чрезвычайно сложной. Именно в Польше в те годы обозначилось начало краха социалистической системы. И сейчас, постфактум, задумываешься, как же можно было справиться с такой сложнейшей и совершило неординарной ситуацией, складывающейся не только в СССР, но и в странах восточного блока в целом, человеку, которому было трудно физически справиться с самим собой.

22 марта 1984 года меня назначили Председателем Совета Министров Казахстана. Я оказался самым молодым премьером в СССР. Близкое вхождение во власть в тот период вызвало двойственное ощущение. С одной стороны — желание использовать практический опыт, а школу перед тем я прошел неплохую, для улучшения экономической ситуации в Казахстане. С другой стороны, должен откровенно сказать, именно тогда мне открылись новые стороны управлеческой жизни, жизни властивующих элит.

Когда-то остроумный Жан де Лабрюйер говорил: „Если смотреть на королевский двор с точки зрения жителей провинции, он представляет собой изумительное зрелище. Стоит познакомиться с ним — и он теряет свое очарование, как картина, когда к ней подходит совсем близко. Двор похож на мраморное здание: он состоит из людей отнюдь не мягких, но отлично отшлифованных“.

Я должен сказать, что психологически мне было достаточно сложно адаптироваться к „дворцовым“ правам. А ведь по существу двор французских королей, и „двор“ генеральных секретарей или республиканских партийных лидеров мало чем отличается друг от друга в силу некоторых особенностей нравов любой властивющей элиты. Мой производственный, человеческий опыт был несколь-

ко иным. Работа в коллективах металлургов, близкое знакомство с шахтерским трудом сформировали во мне иные жизненные установки. Демократизм и прямота рабочего коллектива отторгают любое доктринерство. И для меня в общем-то не было проблемы выбора между делом и приспособлением ко нравам „двора“. Я выбрал дело, и, как оказалось впоследствии, это привело к очень сложным коллизиям.

Думаю, нет необходимости вспоминать все детали того времени. Было у нас немало серьезных а часто и „громких“ дел в Совете Министров. Но это вызвало несколько неожиданные и непредсказуемые последствия.

Динмухамед Ахмедович Кунаев... Всегда относился к нему с искренним уважением, даже в самые трудные периоды наших отношений. Максимализм, с которым мне хотелось изменить ситуацию к лучшему и в экономике, и в кадрах, и в политике, не встретил понимания. Тогда я искренне считал, что выступаю на стороне Д. Кунаева, подвергая жесткой критике и пресекая безобразия, творимые некоторыми первыми секретарями обкомов партии и руководителями министерств. Я искренне надеялся, что Первый, убедившись в моей правоте, разгонит всех негодяев, и мы сможем действительно провести серьезные реформы в жизни Казахстана. Ведь этого требовали решения уже прошедшего Апрельского (1985 г.) пленума ЦК КПСС. Тем более необходимо иметь в виду и тот энергетический настрой, который оставил после себя Ю. Андропов. Но я не учел другого — того, что Динмухамед Ахмедович Кунаев, действительно крупный политик своего времени, почти треть века занимавший разные высшие государственные посты в Казахстане, психологически, да и, наверное, физически (к тому времени ему уже было за 70 лет), по-видимому, не смог адаптироваться к новой ситуации. К тому же в Центре к власти только что пришел К. Черненко...

Я думаю, что позиция Д. Кунаева объяснялась не столько инерцией мышления, не столько стремлением сохранить так называемую стабильность, сколько простой усталостью много испытавшего в своей жизни человека. Ведь за плечами у Д. Кунаева стояли очень сложные и напряженные годы работы в той системе. Приходилось слышать, как он сам говорил: „...устал, надоело все, доработаю до 75 лет и уйду...“

Любой управленец согласится со мной, что находиться тогда на высших постах в системе государственной власти человеску, не обладавшему административными, управленческими способностями, навыками, искусством, практически было невозможно. Жизнь показывает, что эти качества необходимы и сейчас для управления страной. Я думаю, в известном смысле это была и личностная драма, когда руководители в старческом возрасте, прекрасно осознавая свою, мягко скажем, функциональную беспомощность, сидели десятилетиями на своих постах. Помню и такой, очень интересный штрих. К. Черненко, став Генеральным секретарем, принял решение, по которому члены Политбюро старше 70 лет могли работать пять дней в неделю, к тому же с девятыи до пяти часов. Не раз приходилось слышать: "Мы можем не работать, партия все сделает". Вот так.

Момент психологического несовпадения и, наверное, большая возрастная разница тоже сделали свою роль в этих непростых отношениях. Я сделал свое замечание о нравах "двора", вспомнил фразу Лабрюйера не случайно. Свою роль в обострении моих отношений с Д. Кунаевым в то время сыграли, конечно, некоторые первые секретари обкомов, аппаратчики, достаточно близкие и вхожие к Д. Кунаеву. Прошло много времени. Конечно, прежние напоминания обо мне, совершенно невероятные истории о моих замыслах и проектах уже не имеют никакого значения. Зла я на этих людей, настраивавших против меня Д. Кунаева, не держу. Более того, многим из них впоследствии помог.

После того как я стал руководителем республики, мы не раз встречались. Зашел к нему, когда умерла его жена. Он сам зажигал по разным житейским вопросам и никогда не знал отказа. Не в пример отдельным "бывшим" Д. А. Кунаев полностью отошел от политики, вел себя солидно, мудро, поддерживал проводимую сложную работу в республике, делился своим мнением об отдельных руководителях. Вспоминается такой случай начала 80-х годов. Однажды летели мы в его самолете из Алма-Аты в Петропавловск, с юга на север республики. Вдруг он меня подозвал и шепотом говорит: "Какая у нас республика. Вот бы стать самостоятельным государством". И приложил палец к губам. Такие вещи он всегда говорил шепотом, даже в самолете. Думается, знал, что и члены Политбюро "ходят под колпаком". В год его смерти в мае звоню домой и при-

глашаю его полететь со мной на праздник в Ордабасы. „Зачем,— говорит,— ты хочешь меня, старика, таскать в жару. Умру еще в дороге”. Посмеялись...

Много воды утекло с тех пор. Примерно за месяц до кончины Д. Кунаева я с ним доверительно беседовал. Действительно, много проблем было в наших отношениях, расходились наши взгляды на происходящие события, оценки разных людей. Но я запомнил в нашей последней беседе такие слова Динмухамеда Ахмедовича. Он сказал: „То, что ты говорил и делал, Нурсултан, оказалось правильным. Я поддерживаю твой курс...” И мне стало грустно от того, что тогда, десять лет назад, мы не пошли вместе.

Сегодня во многих республиках СНГ продолжают клеймить недавних руководителей, возбуждать дела и принимать постановления, которые оскорбляют достоинство многих бывших крупных государственных деятелей. Не понимаю некоторых политиков и журналистов, которые с восторгом чернят наше совсем недавнее прошлое. К счастью, нам удалось избежать этого. Я помню, как вся столица провожала его в последний путь. Сегодня в Алматы есть улица Д. Кунаева, указом Президента его имя присвоено предприятию, институту, где он трудился. Сегодня работает фонд Д. Кунаева, издана и переиздана книга его воспоминаний. Мы сохранили его памятник в центре города...

Кстати говоря, мало кто знает, чего мне это стоило, особенно когда сносили памятники бывшим руководителям в других республиках. Для того чтобы читатель понял, о чем я веду речь, достаточно вспомнить конец 80-х годов в Казахстане, особенно период с 1986 по 1989 годы.

Пытаться забыть свое прошлое, каким бы сложным и трудным оно ни было, постоянно кивать во всем на предшественников — недостойно уважающего себя человека, особенно недостойно уважающего себя политика. Это не ностальгия по старым временам, это уважение к своей пусть непростой, но родной истории. Д. Кунаев в истории Казахстана, безусловно, останется как крупная политическая фигура. Разговор о нем — это отдельная тема. Здесь же ограничусь сказанным...

„На пороге XXI века”

ОН ЗАВЕЩАЛ — ГОРДИТЕСЬ КАЗАХСТАНОМ

В начале пятидесятых годов „черный смерч“ закружил над республиканской Академией Наук. Предполагалось, что 17 апреля 1952 года Д. А. Кунаева изберут Президентом АН Казахстана. А 16-го апреля лишили званий действительных членов АН КазССР М. Русакова, А. Жубанова, члена-корреспондента К. Джумалиева. Чуть раньше арестовали и осудили на длительный срок историков Е. Бекмаханова, Б. Сулсайменова, ученых-филологов Е. Исмайлова и К. Мухамедханова. Формулировки для тех лет провокационно-дежурные: „За деятельность, направленную во вред Союзу ССР“, „за националистические ошибки“, „за потерю связи с АН КазССР“...

Крепко сцепив руки, сорокалетний Президент Академии (он им стал на другой день) поклялся, что настанет день и он добьется, что эти чудовищные решения будут отменены. Так оно и произошло впоследствии. Вспомним, расправы творились при живых Сталине и Берии.

С Ж. Шаяхметовым, первым секретарем ЦК у Димаша Ахмедовича сложились своеобразные отношения. Отдавая должное его напористости, кругозору, Д. Кунаев не мог понять — почему Шаяхметов столь робок во взаимоотношениях с Москвой, почему он беспрекословно принимает любую директиву из Центра. Доводы, которыми он умел оперировать на заседаниях Бюро ЦК, вдруг в однажды после звонка из первопрестольной приобретали противоположную окраску. „Неужели из Москвы виднее? — недоумевал Кунаев.— Дисциплина дисциплиной, но и мы тут ведь не пешки“.

Колотей метлой смели часть интеллигенции — ни слова, добротные земли забирают под десятки военных баз — опять молчок, рабочие города строились как общежития — Москве виднее. И совершенно расстроился Д. Кунаев, когда Ж. Шаяхметов как бы мимоходом спросил:

- Что делает сейчас Ауэзов?
- Кунаев пожал плечами:
- Наверное, пишет новый роман.
- Он сейчас в Москве и фактически оторвался от Казахстана. Надо вывести его из состава академиков.
- Нас не поймут, — заупрямился Кунаев.— Академик — это пожизненное звание.

— Кому надо — поймут. Кроме того, на этом настаивает секретарь ЦК по идеологии Суржиков.

Кунаев остался при своем мнении. Он немедленно вылетел в Москву, побывал в отделе науки ЦК, привес свои доводы и... Мухтара Ауэзова оставили в покое. Вскоре Мухтар Омарханович вернулся в Алма-Ату, продолжал работу в Академии наук и в Казахском государственном университете. Конечно, этот поступок Кунаева не улучшил его отношений с первым руководителем республики, но...

— Убежден, что я поступил правильно,— со вздохом сказал Димаш Ахмедович и улыбнулся.— Мировых классиков надо беречь.

Я далек от мысли считать, что во всех своих поступках Д. Кунаев руководствовался правилом: пришел, увидел и резанул в глаза правду-матку. Ему бы тогда выше бурового станка не подняться. Политикам, государственным деятелям первой величины многое дозволено, но и спрос огромный. И часто — безжалостный. Как и всякому смертному ему приходилось соглашаться, не соглашаясь, голосовать, протестуя всем сердцем, скрывать мысли, когда хотелось кричать... И, да простится мне столь кощунственная мысль, получая глуповатые директивы из Центра, он мог сказать об этом друзьям, единомышленникам, но не Пленуму или съезду. Таковы были железные правила кремлевской игры.

К чести Динмухамеда Ахмедовича бездумной машиной для голосования он не стал. Случались поражения — верил, что они временные. Приходил успех — не зазнавался. И самое главное: если на карту ставилась судьба Казахстана — боролся в открыто, не признавая авторитетов.

Скромно, очень скромно написал об этом в своей работе Димаш Ахмедович. Цель у книги другая, пояснял он мне.

— Хочу, чтобы все гордились Казахстаном, его свершениями,— часто говорил он.— Ну а нашим перепалкам-перебранкам — место в семейном архиве.

Я молча не согласился с Димашем Ахмедовичем, потому что считаю, что от взаимоотношений подчиненного и руководителя, дело, которому они служат, страдает или выигрывает. Но случилось так, что чуть ли не с первых месяцев правления Хрущева они не всегда находили общий язык. Склонен думать, что виной тому вздорный, неуправляемый характер Хрущева. Нетерпимость к чужому мне-

нию, грубость, выдаваемая за прямоту, бескультурье, выражющееся в том, что не дается возможность до конца высказаться оппоненту, всезнайство, яканье. И прочая, и прочая...

— Считал и считаю,— это кредо Кунаева,— что высказать свое мнение, не согласиться, возразить имеет право любой коммунист любому руководителю, какой бы он пост ни занимал...

Хрущев в Алма-Ате, 24 июня 1963 года. Приведу лишь три штриха, характеризующие „нашего дорогого“ Никиту Сергеевича.

Центральный стадион города. Хрущев гневается: зачем такой большой отгрохали. Подходит к микрофону и на весь мир оповещает, что валютчиков Рокотова и других надо расстрелять, хотя накануне Верховный Суд „отмелил“ им максимальные сроки. Расстреливают.

Вечером многолюдный банкет. Первый тост произносит Кунаев. Хрущев неоднократно прерывает его: почему ни слова не сказано о Сталине?

Похоже, согласитесь, на провокацию. Хрущев до срока уходит с приема и в машине устраивает еще одну сцену. По обычаяу ему подарили красивого коня — ахалтекинца. Хрущев повеселел и приказывает офицеру-порученцу: „Коня отправить в моем поезде, в вагоне-гараже“. Офицер возражает: „В вагоне — гараже нет места“. Через три-пять минут Хрущев повторяет: „Коня — в вагон-гараж“. Офицер отвечает: „Нет места“. Едва машина подкатила к резиденции, Хрущев выскочил из лимузина и стал кричать на офицера. Если убрать бранные слова, то речь Хрущева звучала так: „Кто тут главный — ты или я?“

Вот в таком, прямо скажем, неожиданном ракурсе предстал перед партийным соратником единоличный руководитель крупнейшей супердержавы мира. И понятным становится его поведение в Нью-Йорке, когда он сорвав свой башмак, грохочет им в Организации Объединенных Наций. И когда в меру послушный Н. Чаушеску с обидой жалуется на Хрущева: „Но нас-то, румын, не надо учить выращивать кукурузу!“

Димаш Ахмедович сидел за своим письменным столом, лицо было задумчивым, в кабинете ненадолго воцарилась тишина. Я менял кассету в диктофоне и думал: продолжить разговор или перенести его на завтра? Как-никак, а два часа минуло с начала нашей встречи. Все-таки решил рискнуть:

— Димаш Ахмедович, хочу задать сложный вопрос, можно?

— Легких пока не слышал, — отпарировал он.

— Начну издалека. Юсупов, как первый руководитель, не состоялся. Члены Бюро и первые секретари обкомов не приняли его стиль работы. Мог Хрущев переиграть свое решение и снова назначить Вас первым?

— Нет. Безусловно, нет, — прозвучал категорический ответ. — Никита Сергеевич был очень злопамятным человеком. И я со своим характером был ему явно не по душе.

— Говорят, своим возвращением на пост первого Вы обязаны лично Леониду Ильичу?

— Однозначного ответа дать не могу. Ситуация к концу ноября в республике сложилась напряженная. Брежнев вызвал членов Бюро ЦК и заместителей главы правительства в Москву. Сказал об отставке Юсупова и спросил: „Кого будем рекомендовать первым секретарем ЦК КПК?“ Юсупов предложил направить кого-нибудь из членов Президиума ЦК КПСС. В кабинете поднялся недовольный шум. Словом, все собравшиеся, кроме Юсупова, решили рекомендовать первым секретарем... вашего покорного слугу...

Никогда не забуду обаятельной и чуть смущенной улыбки Динмухамеда Ахмедовича Кунаева...

ДОМА И В ПОЕЗДКАХ.

Повседневные обеды у Димаша Ахмедовича Кунаева проходили очень скромно и строго по времени в 13.00. Димаш Ахмедович садился во главе стола, по краям — его брат Аскар Ахмедович со своими сыновьями Эльдаром и Диаром. Иногда в трапезе принимал участие и я. Меню, как правило, без излишеств. Два-три овощных салата, тарелочка с конскими копченостями: на первое овощной суп или бульон, далее плов или гуляш с гарниром, под занавес чай или кофе с нехитрыми кондитерскими изделиями и сушеными фруктами.

Разговаривали за столом мало, обменивались лишь репликами. Думаю, что смуту за трапезой порой вносил я. Однажды, например, спросил:

— Димаш Ахмедович, вы объездили полмира, встречались с президентами, королями, премьер-министрами. Интересно было с ними обедать или ужинать?

— Интересного было мало,— ответил Д. А. Кунаев,— обед — это ведь продолжение официального визита, дань традиции. Стол, конечно, накрывался побогаче нашего, но ведь не голод утолять я садился с королями или президентами. Кстати, и разговоры за столом не поощряются.

— Ну а тосты?

— Бывают. Премьер-министр говорит: „За ваше здоровье, господин Кунаев, и передайте господину Косыгину наилучшие пожелания“. Я в ответ: „За ваше здоровье, господин премьер-министр“. Пригубили бокалы и все.

— Наши братья-грузины онемели бы от таких тостов.

— Одно дело — дружеское застолье,— сказал Кунаев,— другое дело — работа. Вспоминаю, во время работы XXVII съезда КПСС жил в резиденции вместе с Н. Чаушеску. Вместе обедали, ужинали и, знаете, он ни разу не притронулся к нашим блюдам.

— Голодовку что ли объявил?

— Нет. Из Румынии доставили обслуживающий персонал, посуду. Воду и ту ему привозили из Румынии. По-моему ясно, чего он боялся.

Вновь включаю диктофон и слышу голос Димаша Ахмедовича: „Я неизменно приходил к выводу: да, у нас, партийных руководителей, было немало привилегий: дача, самолет, машина, охрана и тому подобное. И за все блага плата была одна — работа. В большинстве своем партийные, советские работники, как сейчас говорят, были "трудоголиками". 16-18 часов работы в сутки — обычное явление. Замечал „работаешь“ за обедом, на концерте или спектакле — вдруг уходишь в себя и „возвращаешься“ в зал бюро ЦК, отыскивая аргументы „за“ или „против“. Да и в санатории не было дня, чтобы отрешиться от забот: встречи, пленумы, сессии, уйма документов, командировки, беспрестанные разговоры по ВЧ. Все это было. Когда ушел на пенсию, жизнь поначалу как бы остановилась“.

... В августе она остановилась навсегда.

Спустя месяца три-четыре институт Гиллера провел социологическое исследование на тему: „Симпатии и антипатии к правителям социалистического прошлого“. И вот какая картина получилась: к Ленину по-прежнему с симпатией относится 41,4% опрошенных казахстанцев, к Сталину — 17,7, к Хрущеву — 11,4, к Брежневу — 19,7, к Андропову — 34,3, к Горбачеву — 13,2. Личности Кунаева симпатизируют 53,7% наших земляков, 20,3% отно-

сятся к нему скорее положительно, чем отрицательно, нейтрально — 16%, отрицательно — 4,9%.

Однажды мне позвонил Димаш Ахмедович Кунаев. В доме переполох.

— Звонил Кунаев, — выговаривала мне жена, разыскавшая по телефону у друзей, — просил срочно позвонить ему.

— Эх, если бы он позвонил десять лет назад! — попытался я сострить.

Да, десять лет назад я не знал или почти не знал Д. А. Кунаева. Видел его на съездах, пленумах, встречах с интеллигенцией республики. Мимолетно два раза встречался лично, но он этих встреч вроде бы не запомнил.

Итак, я звоню Димашу Ахмедовичу и почтительно интересуюсь, дескать, зачем я ему понадобился.

— Вы завтра свободны? — спросил Кунаев. — Не хотели бы вы поехать в Баканас?

Да хоть на край света! Конечно, хотел бы. И мы поехали. Как и тогда (и всегда!) ранним утром. Димаш Ахмедович в полуспортивном элегантном костюме, появился на крыльце в 7 часов 30 минут. Здороваемся, рассаживаемся в его личной „Волге“ с номерным знаком 77-77 и устремляемся на загородную трассу. Господи, какая поразительная память, думаю я, у Димаша Ахмедовича! О каждой улице, маленьком поселке, холме или лощине он рассказывает так, словно жил здесь вчера. Проезжаем Тургень. Димаш Ахмедович улыбнулся и сказал:

— Жил здесь один старик. Чудак! Сочинил как-то частушку. — Кунаев на секунду замолк и выдал текст: „Я на тракторе сижу, а земелька сохнет, скоро наша беднота с голоду подохнет...“ Пятидесятять лет дали ему за эту поэзию, — тяжело вздыхает он.

Я понимаю, что сижу рядом с членом Политбюро, первым секретарем ЦК партии Казахстана, при котором за инакомыслие людей сажали в лагеря, психушки, выталкивали за границу. Но я знаю (слово Кунаева тому порукой), что он был ярый противник грязных расправ. При Кунаеве у нас, в республике, не было „своих“ солженицыных, сахаровых, растроповичей. Более того, он противился этому, негодовал, спорил с самим Генеральным. На диктофонной пленке есть такая запись:

— Вопросы о высылке и лишении гражданства Политбюро решало без участия секретарей из республик и поэтому я не располагал той информацией, которая

докладывалась на его заседаниях Андроповым, Председателем КГБ. Но не располагая полной информацией, я знал конечные результаты борьбы с инакомыслящими. Прямо скажу, ведомство Андропова развернулось не на шутку. Республиканское КГБ сообщало, что среди интеллигенции Казахстана эти акции вызывают недоумение, а то и раздражение.

Однажды академик АН КазССР Ш. Ибрагимов, который был тесно связан с ведущими физиками страны, сказал мне:

— Сослать академика Сахарова в Горький — неимоверная глупость. И это не только мое мнение.

Случилось так, что в скором времени я встретился с А. Н. Косыгиным и, когда деловая часть нашей встречи закончилась, я напрямик спросил его:

— Алексей Николаевич, как вы относитесь ко всем этим высылкам, психбольницам?

Немногословный А. Н. Косыгин спросил в свою очередь:

— А вы?

— Я этого не понимаю.

— Вот тогда пойди и скажи обо всем Генеральному.

При разговоре с Л. И. Брежневым я высказал ему свои сомнения. Брежnev долго не отвечал, а потом, глядя в сторону, проговорил:

— Ну, а что делать? Мутят они воду. Вредят. Народ будоражат.

— Леонид Ильич, но ведь за границей и в психушках они куда больше вредят. Шуму-то сколько!

— Это так, конечно, но с Андроповым спорить — себе дороже. Он говорит, что только так надо с ними поступать. И другие товарищи его поддерживают.

— Я бы сделал вид, что не замечаю их. Пусть себе говорят, что хотят.

Брежнев выпрямился в кресле.

— Нет, так не пойдет, — сказал он. — Они ведь обс... нас. Всю нашу жизнь и всю нашу политику.

На том наш разговор с Брежневым закончился.

Это был честный поступок Д. А. Кунаева. Да и что он мог сделать в то время?! Напрямую высказаться на съезде? Смешно...

— Димаш Ахмедович, — спросил я, — а как вы относитесь к партии Народный Конгресс Казахстана?

— Запомните, друзья,— сказал он,— я был, есть и останусь коммунистом. Я буду голосовать за вашу партию, если вы в своей программе главными пунктами запишите: подъем экономики, борьба с коррупцией, борьба с преступностью, борьба с нищетой. Ты согласен со мной, Олжас?

— Конечно, Димеке,— ответил О. О. Сулейменов,— мы это в своей программе предусмотрели, но не столь четко. Спасибо за совет.

В другой раз и, наверное, на других страницах я расскажу вам об этой удивительной (они все были удивительными) поездке в Баканас, и откровенных, задушевных разговорах.

Упомянул слово „откровенность“ и задумался. Пять, десять раз, помню, просил я Димаша Ахмедовича рассказать мне о многозвездном, краснобровастом Леониде Ильиче Брежневе. Ведь они симпатизировали друг другу, более того, дружили. Кое-что он мне рассказал, но ни разу не сказал ни одного дурного слова о Брежневе. Ни о его болезнях, беспамятстве, анекдотичном шамканье. Вся информация только со знаком „плюс“. Записал я как-то одну из историй о Брежневе, вставил в книгу. Димаш Ахмедович категорически вычеркнул эту страницу:

— Не надо, сказал он мне,— чтобы над ним смеялись.

Я не соглашался, спорил. Но у Кунаева не высоришь. Сегодня я осмелился рассказать одну из баек о Брежневе. И снова призываю на помощь диктофонную запись.

Брежnev в Kokчетаве провел совещание толково, по-боевому. Приструнил кое-кого за склердейство (секретари обкомов порой хитрили, называя цифры поменьше, чтобы потом при окончательных расчетах удивить руководство: мол, зной, наших!), но в целом был очень доволен видами на урожай. После совещания он позвонил Косыгину и сказал: „Казахи взяли обязательство продать государству миллиард пудов хлеба... Вот и говорю: молодцы!“

За прощальным обедом Брежнев был весел, много шутил. Заметив на ком-то из шоферов кожаную фуражку, неожиданно ударился в воспоминания:

— Всегда мечтал иметь такую,— с улыбкой сказал он.— Молодой был, хотелось покрасоваться перед девчатаами. И как-то выкроил я денег и купил себе кожаную фуражку. Рад был до невозможности, только спать в ней не ложился. А тут в городок приехал фокусник. Мы пришли на его выступление, а он берет у зрителей шапки, шляпы,

наливает в них воду из стакана, покрутит руками и возвращает шляпы сухими. Какая нелегкая меня дёрнула, не знаю, но подошел я к сцене и подаю ему свою фуражку, показывай, говорю, свой фокус. Артист набрал полный стакан воды и начинает выливать ее в мою фуражку. Вижу и слышу, что булькает вода в моей фуражечке и думаю: „Ну и дурень же ты, Ленька, что такую обновку угробил“. Потом фокусник возвращает мне мою драгоценность, а я не знаю, что делать: не возьмешь — засмеют, деньги взамен потребуешь — еще хуже. Беру фуражку и, не глядя, рукой подкладку шупаю: сухая. Понимаете, совершенно сухая. Но я ведь своими глазами видел, как в ней вода булькала. С той поры, наверное, полсотни лет прошло, а я, верите, генеральный секретарь сегодня, до сих пор не могу понять, как он проделал такой фокус,— закончил Брежнев свой рассказ.

История с кожаной фуражкой Брежнева, конечно же, не единственная. Я мог бы привести еще и три и пять забавных и не совсем скромных историй о Леониде Ильиче. Но знаю: Димаш Ахмедович не одобрил бы такую „утечку информации“. Поэтому умолкаю...

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ БАЙКЕНА АШИМОВА, БЫВШЕГО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ КАЗАХСКОЙ ССР.

Динмухамед Ахмедович Кунаев прожил большую и плодотворную жизнь. Он останется в истории Казахстана и в памяти народа, как одна из ярких личностей. Вместе с Кунаевым я проработал более 15 лет, из них 14 лет Председателем Совета Министров республики. Могу с удовлетворением сказать, что в период нашей совместной работы, особенно в 70-е годы, интенсивное развитие получили многоотраслевая индустрия и сельское хозяйство. Значительно укрепилась материальная база высшей и общеобразовательной школ, здравоохранения, учреждений науки и культуры, предприятий торговли и коммунально-бытового обслуживания населения. А это в свою очередь положительно сказалось на содержании их работы. Широкий размах получило и жилищное строительство. В год вводилось в эксплуатацию 5-6 млн. квадратных метров жилья.

Единство и согласованная работа в руководстве республики всегда способствовали сплоченным и активным действиям республиканских министерств и ведомств, руководящих органов областей, городов и районов. На развитие инфраструктуры республики ежегодно расходовались крупные суммы денежных средств как из союзного, так и республиканского бюджетов, и большие материально-технические ресурсы.

Мне приходилось к концу каждого календарного года ездить в Москву специально для окончательного формирования плана экономического и социального развития республики на очередной год и утверждения его в союзном Правительстве. После возвращения из одной из таких поездок мы с Димашем Ахмедовичем вдвоем подробно рассматривали одобренный в Москве план, были удовлетворены его показателями. Отметив, что Союз много предусматривает капитальных вложений, дает большие денежные средства и материальные ресурсы, он подчеркнул: и страна от нас получает не мало... И мы с ним начали перечислять. Казахстан производил от общесоюзного объема — одну треть меди, более 40 процентов цинка и свыше 70 процентов свинца. Он был основным поставщиком в стране хромитовой и урановой руд, желтого фосфора. От четырех экибастузских ГРЭС суммарной мощностью 16 млн. квт планировалось передать дешевую электроэнергию для снабжения центральных регионов России. Крупнейший Соколовско-Сарбайский горнообогатительный комбинат в то время производил более 8 млн. тонн железорудных окатышей. И это ценнейшее сырье для металлургического производства полностью отгружалось Магнитогорскому комбинату в Челябинской области. Все эти и другие сырьевые ресурсы после переработки в готовые продукты на предприятиях вне республики конечно же давали союзному бюджету большие прибыли.

Неослабное внимание уделялось сельскому хозяйству, ему оказывалась всенародная поддержка. Известно, как высоко ценилась наша целинная сильная пшеница с высокими хлебопекарными качествами, с содержанием клейковины 28-35 процентов. Дело в том, что казахстанскую пшеницу, по нарядам Москвы, отгружали во многие области и края Российской Федерации, другие республики Союза. Там она использовалась для подсортировки с местной пшеницей с низким содержанием клейковины. Тогда только получалось нормальное хлебопечение. Поэ-

тому в Союзе следили, какие виды на урожай в Казахстане, и с удовлетворением воспринимались урожайные годы.

Каждый год, перед уборочной страдой, мы с Д. А. Кунаевым бывали в областях, встречались с руководителями районов, колхозов и совхозов. На месте рассматривали вопросы, связанные с проведением уборки урожая и перевозки зерна, по возможности стремились оперативно их решать.

Однажды, возвращаясь в Алматы из очередной поездки, в самолете говорили о том, что союзный бюджет получает немало доходов после переработки нашей пшеницы в готовый продукт — муку, хлебобулочные и кондитерские изделия. При этом я рассказал, как однажды главный бюджетник страны — министр финансов В. Ф. Гарбузов наставлял своих работников, что Казахстан своей ценной пшеницей кормит страну и надо его поддерживать финансовыми ресурсами. Поэтому Л. И. Брежнев каждый год приезжает к нам, требуя миллиарды пудов зерна, сказал Димаш Ахмедович.

В республике сооружалось много крупных производственных объектов для промышленности Союзного подчинения. Они требовали сосредоточения на стройках больших сил строительных и монтажных организаций, а также материально-технических ресурсов. Руководство республики проводило такую линию, чтобы этими стройками больше занимались центральные органы — Московские министерства, Госплан и Госснаб Союза. В своевременном вводе в эксплуатацию этих промышленных объектов прежде всего заинтересованы союзные министерства и планирующие органы для формирования и сбалансирования сырьевыми ресурсами единого народно-хозяйственного комплекса страны. И на эти стройки направлялись из других регионов страны строители, монтажники, целевым назначением выделялись оборудование, материальные ресурсы. Мощности же местных строительных организаций максимально использовались для сооружения республиканских объектов, имеющих важное значение для благосостояния народа. Требовалось изыскивать в пределах плана и вне плана необходимые денежные средства и материальные ресурсы. Согласовывать ежегодные объемы в Госплане Союза, размещать их по исполнителям — строительным и монтажным организациям. Вся эта большая и кропотливая работа осуществлялась

Советом Министров, членами Правительства — министрами и руководителями республиканских ведомств, проектными организациями, исполнителями областных, городских и районных Советов. До сих пор помню, как непросто решались сложные вопросы финансирования строек. При составлении проектно-сметной документации нередко занижалась стоимость объекта, чтобы облегчить утверждение. А по существовавшему порядку смета стоимостью до трех миллионов рублей утверждалась Совмином республики, свыше — Москвой.

В процессе строительства происходило значительное (иногда в два раза) удорожание первоначальной сметы. Банк прекращал дальнейшее финансирование, останавливались строительные работы. Так было при сооружении банно-оздоровительного комплекса „Арасан“, дворца пионеров и школьников, республиканского концертного зала, драматического театра им. М. О. Ауэзова и ряда других, так называемых уникальных объектов в Алматы, о которых в то время часто говорили и писали.

Мне приходилось находить решения этих сложных вопросов на месте или решать их в Москве.

В Госплане Союза чаще всего получал поддержку у Председателя Н. К. Байбакова, его первого заместителя по вопросам капитального строительства В. Я. Исаева, в Госгражданстрое — у его руководителя Г. Н. Фомина. А вопрос о неплановом строительстве комплекса „Арасан“ стал предметом обсуждения на одном из заседаний Совета Министров СССР. Меня на этом заседании не было. Д. А. Кунаев позвонил в санаторий „Барвиха“, где я находился на отдыхе, и сказал, что этот неприятный разговор дошел до ЦК КПСС. Подумай, как его уладить. Он всегда остро реагировал на негативные высказывания в Москве в адрес республики. Мне пришлось дважды бывать с объяснениями у Председателя Совмина Союза Н. А. Тихонова, только тогда прекратилось дальнейшее обсуждение этого вопроса.

За эти годы много было сделано по застройке городов и сельских населенных пунктов, их благоустройству. Проложены автомобильные дороги с твердым покрытием, соединяющие областные центры между собой, а сельские райцентры с областными центрами. Телевидение дошло до отдаленных районов республики.

Население республики с удовлетворением восприняло ввод в эксплуатацию аэропортов во всех областных цент-

рах для приема современных авиалайнеров типа ТУ-154 и ИЛ-86. Решение этой большой и дорогостоящей проблемы облегчило транспортное сообщение внутри Казахстана и за его пределы. А в настоящее время это создало возможность для организации авиаобщения со странами ближнего и дальнего зарубежья.

Наша республика, развитию которой посвятили свою многогранную деятельность Динмухамед Ахмедович Кунаев и люди старшего поколения, в настоящее время находится на новом историческом пути своего развития. Строятся суверенное, независимое, демократическое государство. Объявление суверенитета, взятие народом в свои руки собственной судьбы — это естественный процесс общественного развития. Экономический и научно-технический потенциал, рост самосознания, образовательного и профессионального уровня народа позволяют Казахстану самостоятельно строить свою государственность, развивать экономику, науку и культуру, обеспечить рост народного благосостояния, всемерно расширяя свои деловые контакты с республиками бывшего Союза, со странами капиталистического мира.

Первый Президент Казахстана Нурсултан Абишевич Назарбаев является непосредственным участником и одним из активных организаторов экономического развития республики. Длительное время работал в Темиртау — городе металлургов, химиков, энергетиков и строителей, трудился на Карметкомбинате, приняв непосредственное активное участие в становлении этого металлургического гиганта. Работая секретарем, II секретарем обкома партии, занимался развитием индустриальной Карагандинской области. Начиная с конца 1979 года руководит республикой, будучи секретарем ЦК, председателем Совета Министров и теперь Президентом страны. Накопленный богатый практический опыт хозяйственной и государственной деятельности дает возможность нашему Президенту руководить страной со знанием дела.

Трудности, возникшие при переориентации экономики с плановой на рыночную, преодолимы. Требуется время, слаженная работа трудовых коллективов в городе и на селе, ответственность каждого на своем месте.

Всемерной поддержки заслуживает политика Президента и Правительства, направленная на обеспечение общественной стабильности, единства и сплоченности многонационального народа республики. В этом залог на-

ших будущих успехов. Нет сомнений в том, что наш родной Казахстан в своем развитии достигнет укрепления экономического и научно-технического потенциала, роста народного благосостояния, займет достойное место среди развитых стран мира.

СЕКРЕТНЫЙ ЦИРКУЛЯР

После автомобильной катастрофы, в которой погиб первый секретарь ЦК КП Белоруссии П. Машеров, Москва разослала секретный циркуляр, вызвавший легкую панику в правоохранительных органах. Суть документа сводилась к тому, чтобы исключить для высших сановников страны даже малейшие намеки на автопроисшествия. И появились в ту пору пустые проспекты, словно вымершие загородные шоссе, по которым на бешеной скорости мчал бронированный „ЗИЛ“ с сопровождающими машинами.

Димаш Ахмедович о грозном московском циркуляре, видимо, ничего не знал. Но однажды выехав из Алма-Аты, поразился, что трасса совершенно безлюдна. Кунаев с начальником охраны А. И. Горяиновым вышел из машины. Подбежал подполковник ГАИ М. Акуев.

— Как это понимать? — рукой показав на пустынное шоссе, спросил Димаш Ахмедович.

— В целях безопасности из МВД СССР получено...

— Соедините с Платаевым, — распорядился Кунаев и через минуту выговаривал министру-генералу: — Андрей Григорьевич, предусмотрительность — дело хорошее, но ведь нельзя её доводить до абсурда. По этой трассе за час проходят сотни машин — куда они все подевались? Люди спешат на работу, по делам, в больницу, наконец, а вы им шлагбаумы наставили. Нет, так дело не пойдет... Приказы пишутся для умных и исполнять их надо с умом.

Димаш Ахмедович был откровенно раздосадован, но поправить положение и ему было не по силам. Центральный государственный аппарат очень бдительно следил за тем, как исполняются его указания на местах, особенно, когда дело касалось высших партийных чиновников. Без охраны — ни на шаг, аэропорты замирали, когда взлетал или приземлялся самолет с членом Политбюро на борту, многие продукты питания проверенные и перепроверен-

ные доставлялись из Москвы, при появлении партийных вождей в многолюдных местах КГБ буквально стояли на ушах, не зная ни сна, ни покоя, ни отдыха. К примеру, во время праздничных демонстраций на площади Л. Брежнева в кабинетах, квартирах, на чердаках близлежащих зданий укрывались сотни скромных с виду, но очень тренированных сотрудников с простым приказом: „смотри в оба“. А во время приезда в город „самых-самых“, из города выселялись, а то и задерживались на какой-то срок рецидивисты, психи, бузотеры.

Однажды мы разговорились на эту тему с Димашем Ахмедовичем: знал ли он об этом?

— Служба безопасности есть во всех странах, — ответил он. — А как они решают свои проблемы — я никогда не вникал. — И с улыбкой добавил: — Мне своих проблем хватало.

Удалось мне поговорить и с Андреем Григорьевичем Платаевым, тогдашним министром МВД.

— Димаш Ахмедович понимал, что я не мог нарушить приказ из Москвы. Нарушь я его, и в лучшем случае полетел бы с должности. А могли принять меры и покруче. Словом, проигнорировать приказ я не мог, о чем прямо сказал Кунаеву. И тогда, я заметил, Димаш Ахмедович пошел на хитрость. Он чаще стал выезжать из ЦК внезапно, никого не предупреждая. Кроме протокольных, запланированных встреч мы не знали где и когда он появится. При этих встречах мы были начеку. Ну а чаще, конечно, не успевали перекрывать улицы. Он на своем лифте спускается с шестого этажа за двадцать секунд, десять секунд до машины и — вперед. А что можно сделать за полминуты? Поэтому он ездил в сопровождении лишь одной машины ГАИ. — И совсем не по теме Андрей Григорьевич добавил: — Он всегда чувствовал настроение народа. Знал, как это раздражает людей, до мата доходило, когда мы тормозили общественный транспорт, прижимали машины к бордюрам, изменяли маршруты автобусов.

И опять не по теме: будучи министром, шестидесятилетний А. Г. Платаев очень любил играть в волейбол... До последнего дня.

ЕДИНОГЛАСНО ОСВОБОДИЛИ. ЕДИНОГЛАСНО ИЗБРАЛИ

Никита Сергеевич Хрущев сыграл особую роль в судьбе Димаша Ахмедовича. Он его и возвысил, он его и спустил по лестнице, когда убедился в „неизлечимой“ строптивости Кунаева. За время правления Хрущева Димаш Ахмедович досконально изучил правила кремлевской игры, поднаторел в политических интригах и, по-моему, на всю оставшуюся жизнь понял, что тот прав, у кого больше прав. А права всегда была Москва.

С эдаким презрительным высокомерием она относилась к руководителям республики любого ранга. И до Кунаева и при Кунаеве, а повелось это еще со сталинских времен, в Алма-Ате не знали — не ведали, что творится на земле Казахстана. Руководители республики не имели права знать, когда в Курчатов или на другой полигон прилетел или прилетит Берия, министр обороны, или его замы, когда взметнется атомный гриб на земле Абая, когда и насколько эвакуируют или специально забудут эвакуировать население, чтобы на живых наглядных пособиях изучать воздействие ядерных взрывов.

Высокоплюстровство Москвы выражалось и в том, что без всяких договоренностей, условий, консультаций она направляла в Алма-Ату депеши с безоговорочным приказом типа: до 20 мая или июня освободить 100 тысяч гектаров от людей и животных. Об исполнении доложить тогда-то. Все исполнялось тютелька-в-тютельку. Понятно, что никому и в голову не могло прийти оспорить повеление Центра.

Когда сорокатрехлетнего Кунаева назначили Председателем Совета Министров республики, он не предполагал по каким запутанным дворцовым коридорам проведет его судьба. Думаю, в годы правления Хрущева Кунаев на всегда избавился от идеалистических мыслей, что руководителя можно переубедить, доказать ему свою правоту, из противника сделать союзника. Не раз и не два, о чем я расскажу позже, обжигался Димаш Ахмедович, отстаивая свою точку зрения перед Никитой Сергеевичем. Обжигался до тех пор, пока не постиг одну из самых главных заповедей руководителя: „Соглашайся с начальником и делай по-своему“.

Когда мы разговаривали о Хрущеве, я не раз обращал внимание на то, что Димаш Ахмедович и в мыслях не держал унизить, оглуширить Генсека, посетовать, что именно он принял решение отстранить Кунаева от руководства республикой. Если он и таил обиду на Хрущева, то внешне никогда не высказывал своих чувств. По эпизодам — да, по экстравагантности или дремучести Хрущева проходился метко и остроумно, но в целом Кунаев весьма объективно относился к Хрущеву.

Никита Сергеевич — личность неординарная и несомненно талантливая. Вспомните целинную эпопею — главная тут заслуга Хрущева. Или доклад на XX съезде партии о культе личности Сталина. Против Хрущева тогда выступили Молотов, Каганович, Ворошилов, Маленков и, что удивительно, Микоян. Но Хрущев не дрогнул, не поддался на уговоры и вышел на трибуну. Всех добрых дел его не перечислить и, конечно же, не последнюю строку в них занимает особое отношение Хрущева к Казахстану (прежде всего к Целинному краю), которому он крепко помогал.

Целинники, как говорится, в ответ на заботу очень уважительно относились к Первому. Даже с любовью. Дружно смеялись шуткам Хрущева, неистово били в ладоши, когда Никита Сергеевич вворачивал в свои речи скатерти меткое, народное словцо или прибаутку.

Но никто не мог подумать, что повышенно-пристальное внимание Хрущева к целине наведет однажды павлодарцев на конгениальную идею. Эти земли прославились безудержными „черными бурями“, срывавшими с пахотных угодий самый плодородный слой. Хрущеву это очень не нравилось. И чтобы как-то заслониться от карающего перста „первоцелинника“, бюро павлодарского обкома решило переименовать свой родной, старинный город в Хрущевград.

Замирая от счастья, доложили об этом Д. А. Кунаеву. Кунаева трудно было удивить, но на этот раз его достали.

— Москва об этом знает? — спросил он.

— Пока нет.

— Слава богу! — сказал атеист Кунаев...

Павлодар и поныне Павлодар.

Но это к слову...

Поначалу отношения между Никитой Сергеевичем и Кунаевым складывались вполне благополучно. Был даже случай, когда в один из визитов в Казахстан, Хрущев и Ку-

наев вместе провели 13 дней. Решали и государственные проблемы, были и доверительные, душевые разговоры. Расходясь по своим вагонам, Кунаев долго не мог заснуть, прокручивая в голове минувший день, вспоминая интонации, жесты, подкупающий негромкий голос Хрущева, когда тот жаловался на упорное противодействие своих соратников по Президиуму ЦК. Кунаев восхищался и сочувствовал Хрущеву. Восхищался потому, что главные решения принимались именно в том виде, какими они представлялись Никите Сергеевичу, сочувствовал, а то и жалел потому, что от многих начинаний Хрущева кoeffициент полезного действия равнялся... паровозу. А у паровоза, как известно, КПД составляет в лучшем случае 5 процентов. И еще одна мысль не давала покоя Кунаеву. Он помнил, как Никита Хрущев расправлялся со своими самыми „гарными“ друзьями. С Л. Г. Мельниковым, работавшим Первым секретарем ЦК на Украине, и переведенным в Казахстан председателем Госплана, и легендарным Пономаренко, партизаном, заместителем Верховного в годы войны, Первым секретарем ЦК в Белоруссии, потом, перед уходом в политическую тень, возглавлявшим ЦК Казахстана. Мельникова добил-таки Никита Сергеевич звонком из Москвы, приказав Кунаеву дать тому должность поменьше, а Пономаренко Хрущев „задвинул“ по слом в Польшу. Опального Пономаренко провожал в аэропорту один Кунаев. Пономаренко сказал на прощанье:

— Вам придется работать под началом Хрущева. Он очень злопамятный. Он помнит все и ничего не прощает. Оговорился человек, даже по пьяному делу, Никита навсегда запишет этот промах в свой мозговой кондукт. Вместе с тем, Хрущев — натура увлекающаяся. Родив какую-нибудь идею, он пробивает ее, как бульдозер, и в это время он не желает слушать возражения, аргументы „против“, а кто их высказывает, попадает в разряд неугодных и рано или поздно поплатится должностью. Никита органически не выносит людей более способных и более знающих, чем он сам. Он умеет избавляться от людей с твердыми взглядами, которые перечат ему. Хрущев, как правило, не сразу лишает человека высокого поста, а скатывает его по служебной лестнице. До пенсии.

В правоте этих слов Кунаев убеждался не раз. Лишь в Казахстане Хрущев поломал более десяти судеб — людей неординарных, основательных, думающих. Взять хотя бы

академика Александра Ивановича Бараева, когда он в Шортандах умно и достойно возражал Первому, доказывая, что пятую часть земли следует отдавать под чистые пары. Хрущев взбеленился, топал ногами, матерился и, сядясь в машину, потребовал немедленно снять с работы академика-бузотера. В Казахстане не успели выполнить волю „дорогого“ Никиты Сергеевича. Сняли самого Хрущева.

Но не будем забегать вперед. Трения между Хрущевым и Кунаевым начались в общем-то с обычного рабочего эпизода. Хрущев проводил в Ташкенте региональное совещание работников сельского хозяйства и потребовал, чтобы хлопкоробы сдавали с каждого гектара по 25 центнеров продукции. На трибуну поднимается Кунаев.

— Мы, — сказал он, — по южной зоне Голодной степи произведем по 28-30 центнеров с гектара, а по северной урожай будет гораздо ниже. Но в среднем...

— Что значит в среднем? — вспыхнул Хрущев. — Я ведь ясно сказал: не ниже 25 центнеров.

— Никита Сергеевич, на этих землях отродясь не получали более 20 центнеров.

— Послушайте, Кунаев, вы намерены выполнять директивы ЦК КПСС?

— Но если они взяты с потолка...

— Я еще раз спрашиваю, — загремел Хрущев, вскакивая с кресла. — Дадите 25 центнеров или нет?

— В среднем по двум зонам — да.

— Опять в среднем? — Хрущев побагровел. Трудно сказать, чем бы закончилась эта перепалка, если бы с места не поднялся заслуженный и очень известный среди хлопкоробов аксакал.

— Никита Сергеевич, — сказал он, — Кунаев прав. Я вдоль и поперек прошел те земли. Чуда ждать не надо.

Хрущев пронзил взглядом аксакала, Кунаева, шумно вздохнул и сел.

Первый звонок... Кунаев знал, как скоро бывает на расправу Никита Хрущев. И за примером далеко ходить не надо. Хрущев побывал в Ижевском совхозе и ему очень не понравилось, как здесь строится птицеферма. Возвращаясь в Целиноград на машине, Хрущев хмуро сказал Кунаеву:

— Соколов (первый секретарь крайкома) край не поднимет. Откомандируйте его в Москву.

В следующий раз на „ласковый“ взгляд Хрущева Кунаев напоролся в Пицунде, где тот решил повсеместно упразднить сельские райкомы партии. Кунаев выступил против этой реорганизации, Хрущев грубо отчитал его с грозно поднятым пальцем.

Второй звонок... Мудрый Димаш Ахмедович иногда чесчур буквально понимал уставные отношения в партии. И в книге „О моем времени“ Кунаев категорически заявил: „считал и считаю, что высказать свое мнение, не согласиться, возразить имеет право любой коммунист любому руководителю, какой бы он пост не занимал“.

До последних дней Димаш Ахмедович не отступал от этого железного, навсегда принятого им, принципа. Даже будучи пенсионером он не раз и не два — в глаза и заочно — распекал чиновников любых рангов за ограхи или головотяпство в работе. Не удалось Хрущеву подмять, сломать своевольного, твердого в поступках Динмухамеда Ахмедовича.

Он не строил иллюзий когда вступал в спор с Первым секретарем. Порой он заведомо знал, что проиграет в диспуте и ничего кроме шишечек в противоборстве не заработает. Но как опытный руководитель Кунаев понимал, что его аргументы, если они логичны, научны, в какой-то степени пошатнут железобетонную позицию руководителя страны, заронят червь сомнения в непогрешимость его истины и он однажды спросит себя: „А может, Кунаев прав?“ Ведь стыдно вспомнить: сколько накуролесили, ради хлеба насущного, сколько дров наломали при Хрущеве?

Прямо какой-то зуд нападал на Хрущева, когда он со всей партийной мощью вбивал нешибко зрелые идеи в головы своих подчиненных. Если например, кукурузу сажать, то сразу до Архангельска, если партию расколоть надвое, то сделать немедленно „от Москвы до самых до окраин“... И никаких локальных экспериментов, научных проработок, социологических исследований, референдумов. По принципу: пусть, мол, на местах суетятся, авось, что-нибудь полезное и про克люнется. Как у Троцкого: „Движение — все, цель — ничто“.

Однажды Кунаева пригласили в кабинет Хрущева. Он вошел, видит в креслах сидят Микоян, Козлов, Брежнев, Косыгин, Первухин, еще кто-то. Хрущев с места в карьер:

— Есть предложение,— объявил он,— передать Карагандинскую область Целинному краю.

Кунаев слегка опешил. Обвел глазами присутствующих, подумал, что это мнение, видимо, не одного Никиты, но не отступил и сказал:

— Этого делать никак нельзя. Хлебом некогда будет заниматься.

— Опять Кунаеву не утодили,— картино развел руками Никита Сергеевич и поднажал голосом,— без промышенности мы целину не вытянем. И потом мы ведь Караганду не капиталистам отдаем. Я думаю, Кунаев должен снять свои возражения.

Назревал спор. Но тут неожиданно за Кунаева вступился Микоян:

— Не нервничай, Никита Сергеевич. Если мы Караганду передадим целинникам, то сами заставим этот край заниматься углем. А ведь Целинный край, как я понимаю, создан чтобы добывать хлеб, а не уголь.

Хрущев грузно заворочался в кресле и промолчал. Кунаев чуть ли не наяву услышал очередной предупредительный звонок. Он возражал и отстоял свое мнение, когда Хрущев хотел передать Мангышлак Туркмении (им, мол, поближе и сподручнее, да и кадры геологов-нефтяников здесь покрепче). Звонок... Возражал и проиграл Хрущеву, когда Узбекистану передали хлопкосеющие районы Казахстана. Это, как потом выяснилось, был последний звонок.

— Я понимаю, Димаш Ахмедович, что сыплю соль на раны, но ответьте, пожалуйста. Хрущев освободил Вас от работы. Обидно ведь было?

— Обидно, не то слово. Несправедливо. А произошло это так. В середине декабря 1962 года наши артисты давали концерт в Кремлевском дворце съездов. Я приехал к Хрущеву и пригласил его на концерт. „Буду,— сказал Хрущев,— и все члены Президиума ЦК КПСС приедут. Кстати,— добавил он,— ко мне сегодня заходил первый секретарь Южно-Казахстанского крайкома партии Юсупов и внес очень дальновидное предложение о передаче трех хлопкосеющих районов Узбекистану. По-государственно-му мыслит человек”. — Похвалил он Юсупова.

— Вы возражали?

— Гм... Возражал... Да я был в ярости.— Увидев, что я закусил губу, Кунаев улыбнулся.— Ну, конечно, не в ярости, со мной такого не бывало. Но это, дорогой мой, был один из самых горьких дней в моей жизни. Я горячился, приводил, на мой взгляд, несокрушимые доводы, но когда

сторону Хрущева принял Микоян, я понял, что мои аргументы для них — пустой звук. Покоробило меня и то, что утром я встречался с Исмаилом Юсуповым и он мне ни слова не сказал о своей „государственной“ идее.

— Представляю, какое наслаждение Вы испытали на концерте.

— Вот именно. Артистов не видел и не слышал. А тут еще в антракте Хрущев протягивает мне какие-то листки и говорит: „Это записка Юсупова. Передаю для исполнения“.

— Вы советовались с членами Бюро?

— Конечно. При мне все важные решения принимались только коллегиально. Бейсебаев, Шарипов были в Москве и они мне сказали: „Это все равно, что против ветра... Согласись, мол“. Я не мог согласиться. Вскоре позвонил секретарь ЦК Козлов и сказал, чтобы я 25 декабря созвал Пленум. Я заверил его, что Пленум будет созван.

— И Вас освободили от работы?

— Это было ясно, как день.

— Единогласно?

— Единогласно.

— А через два года снова избрали Первым секретарем? И снова единогласно?

— Единогласно.

— И голосовали те же самые люди?

— Те же самые. Время, дорогой, было такое.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОЛЖАСА СУЛЕЙМЕНОВА

(диктофонная запись)

Впервые я встретился с Димашем Ахмедовичем Кунаевым летом 1962 года. Жил он тогда в доме на пересечении проспекта Коммунистического и улицы Кирова. Сейчас в этой четырехкомнатной квартире живет наш старейший писатель Альжапар Абишев.

В те годы Димаш Ахмедович ходил на работу пешком, без охраны. Охрана, может быть, и сопровождала его, но я её не замечал. Я шел в Союз писателей, он — к Дому правительства. И по-моему, мы оба были рады этой неожиданной встрече. Я тогда часто читал свои стихи по телевидению и потому Димеке сразу узнал меня. Впрочем, в поле зрения Кунаева попадали многие молодые таланты и

он заботливо-нежно следил за их творческим ростом. Такой у него был характер. Разговорились. Димеке спрашивает: "Как живешь, где живешь? Есть какие-нибудь проблемы?" Отвечаю: "Все нормально, Димаш Ахмедович. Отец, мама, я с женой и дочкой живем в хорошей трехкомнатной квартире. Проблем нет".

— Дружно живете? — спрашивает он.

— Дружно.

Прошло столько лет, а у меня и сегодня перед глазами стоит наша первая встреча. Поразила, нет даже не поразила, а искренне порадовала меня простота Димаша Ахмедовича, участливый тон в разговоре. Он сохранил эти черты до конца своих дней.

Следующая наша встреча произошла в том же году в Москве. В большом Кремлевском Дворце открывалась декада литературы и искусства Казахстана. Праздничный концерт должен был открывать я. (Читал отрывок из поэмы "Земля, поклонись человеку"). Выхожу на сцену и вижу слева правительенную ложу, заполненную членами Президиума ЦК КПСС во главе, как тогда говорили, с Н. С. Хрущевым.

И справа — правительенная (или директорская) ложа. В ней один Кунаев. Позже в воспоминаниях Димаша Ахмедовича я прочитал, что он сидел с членами Президиума — наверное, это так. Но я видел его одного и почему-то в ложе напротив Хрущева. Кунаев и в жизни, в своей работе, несмотря на строжайшую партийную дисциплину, часто выступал против Никиты. А последней каплей, помоему, было то, что Кунаев резко возражал против передачи наших хлопкосыющих районов Узбекистану. Но повторяю: в моей памяти запечателось, что Кунаев, опечаленный, грустный, сидел один, в ложе напротив. Вот такое свойство у поэтической памяти.

Это было 16 декабря. А на другой день Хрущев встречался с творческой интеллигенцией страны. Было нас человек триста. От Казахстана, помню, были Шакен Айманов, Габиден Мустафин, министр культуры Лейла Галимжанова и еще кто-то. Встреча, как известно, была очень бурной. В историю культуры она вошла, как историческая: редкое невежество продемонстрировали руководители партии и правительства.

В тот день я узнал от Лейлы Галимжановой, что Кунаев освобожден от должности первого секретаря ЦК и на его место придет Исмаил Юсупов. Для меня это была очень

неприятная новость. Да и весь день 17 декабря оставил на душе горький осадок.

Вечером в гостиницу позвонила жена. Радостная, возбужденная сообщила, что её пригласили в ЦК и вручили ордер на трехкомнатную квартиру. Думаю, это было последнее распоряжение Димеке на посту первого секретаря ЦК.

Казалось бы, в те дни до меня ли ему было? Тем более, я ведь не просил у него квартиры. И вообще за тридцать лет ты-то, Толмачев, знаешь, я ни разу не обратился к Кунаеву с личной просьбой. За других — было дело, особенно за собратьев-писателей. Да и наказы избирателей, как депутату, надо было выполнять...

Что было — не вернешь. Но очень меня тогда смущали и расстроили выступления отдельных, скажем так, писателей и неписателей. Сильно они упражнялись в словоблудии, критикуя Димаша Ахмедовича. Самое противное: на трибуны с кулаками лезли те, кто совсем недавно пресмыкались и заискивали перед Кунаевым. Они хорошо изучили нашу систему: если ушел с поста, значит, навсегда ушел в политическое небытие. И наперегонки начали макать свои кисти и перья в черную краску.

На одном из совещаний выступил и я. Сказал: «Не согласен я с хамелеонами. Не согласен с теми, кто чернит Кунаева». Вечером встретился с мамой. Она была расстроена. Отец, вернувшись с работы, сообщил ей, что вот, мол, у Олжаса нет никакого политического чутья и какая нелегкая сила занесла его на трибуну защищать Кунаева. И продолжал: сегодня у руля такие люди, что и его могут попросить с работы. Отец был тогда редактором областной газеты „Жетысу“ и его зарплата порой выручала нас всех. Мои гонорары в те годы были весьма не надежны.

Отец был прав по-своему. Но и я по-своему был прав. Я никогда не играл и не играю в закулисные игры. Но глубоко убежден: самая лучшая политика — честность. Политика не облегчает жизнь, она облегчает душу.

С того декабря я хотел бы переместиться в декабрь 1986 года. И снова несчастливое для Кунаева число — 16. В тот день его освободили от обязанностей первого секретаря ЦК КП Казахстана. Тогда и начались известные, теперь уже исторические, события на площади. Какие-то, я думаю, не очень башковитые начальники придумали удобную для них схему: Кунаев — организатор событий, Олжас — исполнитель. Газеты, телевидение, радио сорев-

новались, кто побольнее и желательно в спину ударит Димекена и Олжаса. Ни ему, ни мне не разрешили выступить перед молодежью на площади. Да еще кое-кто подбивал меня: „Олжас, заяви прилюдно, что Кунаев, мол, такой-сякой, и все будет хорошо. Перед тобой откроются все двери, а прессы замолкнет“.

— Нет, это не по мне,— ответил я.— Подличать я не умел и не умею. Честь, как говорит Кунаев, всего дороже.

Мы прошли те испытания. Достойно прошли. Те жизненные уроки, которые мне преподал Димаш Ахмедович, я никогда не забуду...

(Пауза). Вот что, стариk. Больше я говорить на диктофон не буду. Даст Бог, я сам напишу книжку о Кунаеве. Мне есть что сказать.

(Я выключил диктофон и пожелал ему: „Иншалла!“).

25 ЛЕТ ДРУЖБЫ С Л. И. БРЕЖНЕВЫМ

Странное дело: в книге „О моем времени“ Д. А. Кунаев взаимоотношениям с Леонидом Ильичем Брежневым уделил гораздо меньше места, чем, скажем, Хрущеву или Горбачеву. Почему? Я долго думал над этим, а потом пришел к выводу: Димаш Ахмедович просто-напросто стеснялся выпячивать свою дружбу с Генеральным секретарем. А они дружили и, как товарищи по партии, и, как мужчины, глубоко симпатизирующие друг другу. Дружба носила характер бескорыстный, ибо у Кунаева, как шутят, все было, а когда он позволял себе построить в Алма-Ате еще один Дворец, ему за это ничего не было.

— Ты главное, Димаш Ахмедович,— напутствовал его из Москвы Брежnev,— закон не нарушай. И своим, и центральным писакам на крючок не попадайся.

Думаю, если бы эти строки прочел Димаш Ахмедович, он бы стал резко возражать. Дескать, мы по-партийному, по-деловому дружили с Леонидом Ильичем и никаких поблажек он мне не делал. Тут бы я позволил себе не согласиться с Димашем Ахмедовичем и привел бы пару-тройку примеров, когда Брежнев явно благоволил и к Казахстану и лично к Кунаеву.

Никогда и никому Леонид Ильич не посвящал столь прочувствованных строк, какие он посвятил Кунаеву в книге „Целина“. Хоть и обвиняют его сегодня, что он не

писал „Целину“ (согласен, не писал), но концепцию книги, характеристики главным действующим лицам несомненно давал сам Брежнев. Ну а „темные лошадки“ насытили книгу ярким и полуяркими картинками и фактами, скрупулезно поработали над текстом, получили гонорары и ушли в небытие. В „Целине“ написано:

„Почти четверть века продолжается моя дружба с Динмухамедом Ахмедовичем Кунаевым. Тогда он был президентом Академии Наук Казахской ССР, и, естественно, нам пришлось познакомиться в первые же дни моего пребывания в Алма-Ате. По образованию горный инженер, специалист по цветным металлам, он не был человеком узкой сферы, мыслил по-государственному, широко, смело, высказывал оригинальные и глубокие суждения об огромных ресурсах и перспективах развития Казахстана. Этот спокойный, душевный, обаятельный человек обладал к тому же твердой волей, партийной принципиальностью. Вскоре он стал Председателем Совета Министров республики, а ныне возглавляет партийную организацию Казахстана, является членом Политбюро ЦК КПСС. Димаш Ахмедович, так по-дружески к нему все обращаются в обиходе, никто не употребляет его полного имени Динмухамед“...

Весьма скромно, думается, обозначил свое отношение к Брежневу Д. А. Кунаев в книге „О моем времени“. Он пишет: „Перед отъездом в Алма-Ату в гостинице „Москва“, в 419 номере мы тепло попрощались с Брежневым (Л. Брежнева избрали секретарем ЦК КПСС), пожелали друг другу здоровья и успехов в работе. Начатая еще в 1954 году дружба продолжалась до последних дней его жизни“.

Напомню, это был 1956 год. Кунаев работал Председателем Совета Министров и логично предположить, что он займет пост первого секретаря ЦК. Но нет, этого не случилось. Первым секретарем ЦК избрали И. Д. Яковleva.

— Димаш Ахмедович, вы обиделись, что не вас избрали первым секретарем? — спросил я.

— Не обиделся, — ответил он. — Но горький осадок остался. В который раз Москва назначала в Казахстан первого руководителя. И, как всегда, с эдаким пренебрежением: „Кого, мол, хотим, того назначим. А ваше дело единогласно проголосовать „за“. Ладно бы путевых присыпали, а то ведь часто действовали по принципу:

бери боже, что нам негоже". За сорок лет кого только не перебывало в Казахстане? Вот вы, например, знали, что первым секретарем у нас работала женщина. Это была некая Коростылевская.

— Первый раз слышу.

— А Ненашвили? — Увидев, как я пожал плечами, Кунаев сжался: — Я и сам всех не помню. А из казахов первыми работали лишь Арганчиев да Шаяхметов. Ну, а потом я.

— Димаш Ахмедович, а могло случиться, что Брежнев порекомендовал вас, а Хрущев не пропустил?

— Не знаю. — Кунаев неожиданно улыбнулся и про никновенно сказал: — Дорогой мой, запомните одну истину: настоящие партийные руководители никогда не рассуждают в сослагательном наклонении — кабы, да если бы... Получилось — скажи, не получилось — молчи в тряпочку. Поэтому я никогда не спрашивал, кого рекомендовал Брежnev на свое место, когда переехал в Москву.

В Казахстане Брежнев проработал недолго, но память о себе он оставил добрую и прочную. Нельзя сбрасывать со счета и то, что он правил республикой в то время, когда взоры всей страны были прикованы к Казахстану: начался штурм целинных и залежных земель. Руководители республики дневали и ночевали в кабинетах, мотались по целине на самолетах и вездеходах, решали сотни проблем, связанных с обустройством новоселов. А неурядиц, хаоса целина преподносila, как говорят, выше крыши. Не все, далеко не все приезжали в Казахстан за "розовым туманом". Хватало здесь "летунов", рвачей, подонков всех мастей и расцветок, которые, бунтуя, требовали и жратвы и водки. Кстати, после одной из многочисленных стычек у Брежнева случился первый инфаркт. Врачи привезли его в Алма-Ату на поезде и, сохранив болезнь в тайне, поставили Брежнева на ноги.

Когда Леонида Ильича избрали секретарем ЦК КПСС, он, видимо, настолько прикипел к Казахстану, что восемь раз наезжал в наши края, побив рекорд Хрущева, который наведывался в республику шесть раз. Как-то я обратил внимание Димаша Ахмедовича на одну неувязку.

— Хрущева, как известно, назвали первоцелинником, — сказал я. — А когда Леонида Ильича избрали генсеком, первоцелинником стал он. Не многовато ли у нас первоцелинников?

Вопрос, конечно, был заковыристый, но Димаш Ахмедович ничуть не смущился.

— Оба они сыграли,— ответил он — громадную роль в подъеме целины: один в Москве, другой в Алма-Ате и я считаю, что они самые настоящие первоцелинники.

В последние годы мы имеем возможность чуть ли не в стенограммах читать выступления западных и заокеанских парламентариев, сенаторов и конгрессменов. И ни разу я не встретил до боли привычных „нашениских“ словосочетаний: „Как указывал президент Рейган (или Клинтон)“; „в своем глубокосодержательном докладе Маргарет Тэтчер“... Наши руководители без лести, без круглосуточного подхалимажа жизнь не представляли. Начиная со Сталина. Когда ему представили на утверждение его биографию к семидесятилетнему юбилею, он, полистав ее, с гневом отшвырнул: „Много лести!“ Редакторы-составители бросились к академику И. И. Минцу.

— Ох-хо! — посмотрев рукопись, вздохнул мудрый Минц.— Тут ведь ясно, рукой товарища Сталина написана фраза: „Сталин — это Ленин сегодня“. Поэтому действовать надо в этом ключе. Вы пишете: „мудрый вождь советского народа“, А надо по-другому: „гениальный вождь всего прогрессивного человечества“. Согласитесь, для слуха это гораздо приятнее.

Сталин оценил отредактированный труд биографов и всех наградил орденами.

Ниспровергатель культа личности Сталина Никита Сергеевич Хрущев вскоре и сам, кряхтя и ничтоже сумняшися, взобрался на пустующий пьедестал. Громадные портреты, длиннющие речи во всех газетах, книги, фильмы о „нашем дорогом Никите Сергеевиче“ и, наконец, геройские звезды — всерьез вскружили голову млеющему от лести Хрущеву и, как следствие, он потерял бдительность и лишился всех постов.

Охмурили кремлевские подхалимы и генерала Брежнева. Слово „охмурили“ — это из лексикона Кунаева. Он искренне сокрушался, когда „москвичи“ (московских членов Политбюро Димаш Ахмедович называл москвичами) установили вокруг государственной и личной жизни Брежнева столь непроницаемый частокол, что честное, правдивое мнение пробиться сквозь него никак не могло.

— Ну, если народ считает, что я достоин,— говорил катастрофически стареющий человек своим соратникам и

покорно разводил руками,— то мне сопротивляться не к лицу.

— Достоин, достоин,— хором голосили соратники.

На любопытные строки наткнулся я в „Аргументах и фактах“, которые написал П. Абросимов в отрывке из книги „Четверть века послом Советского Союза“. Брежнев вместе с Черненко засобирался на празднование 30-летия ГДР. Леонид Ильич звонит послу: „Ты там поговори с Хонеккером — не мешало бы немцам наградить Черненко своим орденом“. Приехали. В перерыве между заседаниями в комнату советской делегации зашел Хонеккер. Леонид Ильич сходу: „Эрих, что тебе жалко Черненко орден дать?“ На следующий день Хонеккер торжественно вручил Черненко орден Карла Маркса — высшую награду ГДР.

В этом отрывке умилляет фраза „что тебе жалко“. Будто речь идет не о высшем ордене, а о разменной монете. Многим государственные награды доставались кровью и потом, а кому-то, как бесплатное приложение к должности.

Грешным делом в те годы я дважды проигрывал спор Олжасу Сулейменову. Накануне дня рождения Брежнева я стоял на том, что Леониду Ильичу „навесят“ Героя Труда, Олжас считал и угадывал — Героя Советского Союза.

— А где подвиг? — раскупоривая проигранное шампанское, спрашивал я.

— У него каждый день подвиг, — многозначительно отвечал Олжас.

Нет, не умеем мы и, видно, не скоро научимся жить в прямом смысле без царя в голове. Ладно бы святым мощам в пояс кланялись, а то ведь живым нехристям, вчерашним разнорабочим и землемерам поклоны бьем и лишь потому, что в политической лотерее они выиграли главный приз. И пошло-поехало: как указывал, как отмечено в историческом докладе...

— Димаш Ахмедович, говорят рыба с головы гниет, но ведь и на нашем, республиканском уровне подхалимов хватало. Помните? — однажды спросил я.

— Как не помнить? Хватало, и давайте уточним, хватает. А насчет рыбы верно подмечено. Думаю, что словословия в свой адес я научился пропускать мимо ушей.

Я молчал. Ответ мне показался половинчатым и я знал, чувствовал, что это понимает и сам Димаш Ахмедович. Он после довольно внушительной паузы продолжал:

— В молодости, помню, откровенная лесть коробила, порой вызывала чувство брезгливости. С годами как-то смирился с этим, претерпелся, что ли, ну, а будучи пожилым воспринимал похвалу, как должное. Что скрывать: люди в моем возрасте очень чутки и восприимчивы к добруму слову. Добавим к этому, что это был повсеместный и негласно узаконенный стиль работы, своеобразный ритуал. Порочный, сейчас думаю, ритуал.

— Наверное, льстецам многое сходило с рук?

— Вот тут вы, дорогой мой, ошибаетесь. Никаких скидок, никаких поблажек никому не делалось. Более того, когда руководитель начинает заливаться соловьем, это всегда настораживало. И часто не без причины. Надо было — снимали с работы с треском.

Дело прошлое, но в последние годы жизни ажиотаж вокруг личности Брежнева достиг невиданного размера. По случаю 60-летия Казахской ССР в Алма-Ату прибыл Леонид Ильич. Коврами улицы не застилали, как в Азербайджане, но встречу ему устроили весьма пышную. Кунаев на торжественном заседании выступил с полуторачасовым докладом и, как он потом признавался, ни „до“, ни „после“ он не видел столь бурных проявлений эмоций. Журналист Борис Самсонов не поленился и перечитал стенограмму того сорокастраничного доклада. (29 августа 1980 года.) Так вот, пятьдесят три раза прерывали слушатели доклад Кунаева „апплодисментами“, продолжительными „апплодисментами“, „бурными, переходящими в овацию“ и, когда „все встают“.

Сам Брежnev ограничивался вежливыми аплодисментами да и по причине слабого здоровья не мог неистово хлестать ладонями. Приветственное слово сказал кратко, удобными для речевого аппарата предложениями. Потом под наблюдением врачей отдохнул на диване в комнате президиума.

И на банкете Леонид Ильич слегка удивил присутствующих. Минут пятнадцать-двадцать молча посидел за главным столом, а затем поднялся и по-английски направился к выходу. Вместе с Кунаевым приехали они на дачу, Леонид Ильич попросил показать ему документальный фильм о Казахстане и, утонув в глубоком кресле, дремля и бодрствуя смотрел на экран. Димаш Ахмедович не подавал вида, но очень расстроился, встретив и воочию увидев своего очень большого друга.

Хочу особо подчеркнуть, Димаш Ахмедович весьма высоко ценил дружбу с Брежневым. И никогда не позволял себе дурного, грубого или насмешливого слова по адресу Леонида Ильича. С удовольствием вспоминал встречи с генсеком, долгие разговоры, охоту, совместные чаепития. Не раз и не два отмечал: Брежnev умен, проницателен, любил острое слово, розыгрыши, был душой любой компании. Смеялся раскатисто, от души, когда рассказывал о себе анекдоты: товарищи по застолью травить анекдоты о Брежневе почему-то стеснялись. Кунаеву импонировали в Брежневе его решительность, находчивость, бесстрашие. Леонид Ильич сам напросился на фронт и войну прошел не в белых перчатках: достаточно вспомнить взорванный катер и то, что лишь полтора часа спустя матросы выловили в море своего полковника.

Когда в Темир-Тау начался бунт, Брежнев и Кунаев приехали на стройку и вели переговоры с зачинщиками не через мегафоны под охраной снайперов, а пришли в штаб бунтарей и Леонид Ильич командирским голосом объявил:

— Я генерал Брежнев. Готов выслушать ваши требования.

Димаш Ахмедович вспоминает:

— Никто тогда из забастовщиков и не пикнул. А нас запугивали: мол, это такая публика — в клочья разорвет. Брежнев, как секретарь ЦК КПСС, имел тогда неограниченные полномочия, но он ими не воспользовался. Снял с работы первого секретаря обкома партии, начальника строительства, еще кого-то и, разобравшись с требованиями бунтарей, во многом помог им и улетел в Москву. Другой бы, боюсь, устроил нам в Темир-Тау свой расстрельный Новочеркасск.

Когда Брежнева избрали генсеком, а потом и главной государства, наша страна вступила в эпоху стабильности, уверенной стабильности. Делом правил энергичный, думающий политик, прошедший многотрудную жизненную школу. Прекратились бесплодные шараханья, крепла экономика, СССР не только боялись, но и уважали. И кто знает, отцартствуя Брежнев два срока — 10 лет (сто раз хотели записать эту строку в Устав) и сегодня бы мы с теплом и благодарностью вспоминали годы правления Брежнева. Чехословакия, правда, в этот благостный ряд не ложится. А у Америки — Вьетнам, Гренада и т. д. А у Англии — Фолкленды...

Советников-наушников резко бы поубавилось. Награды бы в коробочке, а не в сундуке умещались. И знал бы партийный избранник, что трудиться надо много и честно, чтобы завтра, когда он станет уважаемым пенсионером, ему не стыдно будет смотреть в глаза детям и внукам.

В последние годы, чтобы разобраться в ситуации, Брежневу своих сил не хватало, но на любой запрос, как черти из табакерки, высакивали полуживые заместители-соратники-помощники и напичкивали такой информацией, что Брежnev под конец потерял дар речи и только согласно кивал головой. Он был тяжело болен, если не сказать, смертельно болен. И его мастерски использовали, как Образцов своих кукол. Афганистан, Нечерноземье — промахов до бесконечности. Но мы считаем, что и диссиденты, — на его совести. И случилось в стране то, что должно было случиться: хаос, застой, депрессия.

Запомнился Кунаеву и последний юбилей Брежнева. На свое торжество он пригласил Димаша Ахмедовича вместе с супругой Зухрой Шариповной.

Банquet проходил в Георгиевском зале Большого Кремлевского Дворца при огромном стечении самых известных людей страны. Председательствовал, а проще, тамадой на юбилее был М. Суслов. Ну, а в тостах слова „великий“, „мудрый“ повторялись не менее часто, чем само имя Леонида Ильича... Когда Кунаевы возвращались домой, Зухра Шариповна, имея в виду гостей, неожиданно сказала:

— Неужели все эти люди потом набросятся на Брежнева?

— Когда „потом“? — спросил Кунаев, хотя понимал, что жена подразумевает. Зухра Шариповна вздохнула:

— Они не простят ни золотых звезд, ни юбилеев.

Права оказалась Зухра Шариповна... Они, гости, первыми и подняли вселенский вой у праха покойного. О своих тостах они, конечно, напрочь забыли.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ АСАНБАЯ АСКАРОВА бывшего первого секретаря Джамбулского, Алма-Атинского, Чимкентского обкомов партии

Когда я говорю о Димаше Ахмедовиче Кунаеве, я вспоминаю мудрое изречение казахского народа: нельзя рвать колодец рядом с океаном. Кунаев для нас был и наве-

ки останется океаном. Никогда еще природа не была столь щедра к казахам, как в XX веке, подарив народу уникального человека — Динмухамеда Ахмедовича Кунаева. Что он уникальное явление природы — с этой мыслью я не расстанусь до последних дней. Скажу больше: если на этой земле останется один казах (не дай Бог, конечно!), то и он с благодарностью будет помнить его имя.

26 лет я работал первым секретарем Джамбулского, Алма-Атинского, Чимкентского обкомов партии и поэтому с Димашем Ахмедовичем встречался очень часто. Он был непревзойденный организатор, его отличали глубокий ум, широчайшая эрудиция и, я назову одну из его характерных черт: он очень любил людей — любых чинов и званий, вероисповеданий, любой национальности. Кунаев был великим интернационалистом. И народ это видел, чувствовал, знал. Одно слово Кунаева — люди готовы были бороться с любыми трудностями. Вспомните хотя бы знаменитый алма-атинский сель, который мог принести страшную беду городу?!

Мы были тогда с Димашем Ахмедовичем на селезащитной плотине — люди каждоминутно подвиг совершали и отвели беду от Алма-Аты. Нет ни одного поселка, аула, города в Казахстане, где бы он не оставил доброго следа своей деятельности. Не было при нас, как сейчас говорят, „партократах“ тысяч и миллионов нищих от Кремля до самых до окраин, не было такого, чтобы дети не могли пойти в школу из-за отсутствия одежды, не боялись тогда люди выходить вечером на улицу. Не так быстро, как хотелось бы, но год от году жизнь народа улучшалась, всего народа, а не по-нынешнему вольчьему закону: побеждает сильнейший. Я далек от мысли видеть прошлое только через розовые очки. Были и у нас промахи, ошибки, безусловно, нужны были реформы и экономические и политические. Но не в один же день и даже не в 500 дней, чтобы, заjmурившись, броситься в капитализм.

Что бы сегодня о партии не говорили, но она всегда во главу угла ставила благополучие и благосостояние народа. Жилье строили? Театры, школы, больницы, Дворцы культуры? А сегодня? Строятся только офисы, а детские сады занимают под совместные предприятия. Кто сегодня в состоянии заработать 5-10 тысяч долларов на квартиру? Тот и оно...

Когда Димаш Ахмедович приехал в Чимкент, я ему показал ипподром, зоопарк, детскую железную дорогу, де-

ндрарий, городскую зону отдыха. Он спросил: „В Алма-Ате деньги просил?“ Я ответил: „Ни копейки“. Ему, я видел, понравились наши новостройки, тем более, что все то, что мы создавали — было для простых людей, для их здоровья, полноценного отдыха.

Были, к сожалению, в окружении Димаша Ахмедовича персоны, которым не нравились наши взаимоуважительные отношения. Они всегда стояли наготове с ложкой дегтя. Доверительно докладывали Кунаеву: Аскаров, мол, на десять лет моложе вас и не метит ли он на ваше место? Такие разговоры велись, я знал о них и, наверное, очень бы удивились шептуны, если бы узнали, что об этом мне рассказывал сам Кунаев. Он всегда говорил открыто, честно — никаких закулисных говоров, обид. Однажды он сказал:

— А я бы и не возражал, если бы ты пришел на мое место.

Имя Димаша Ахмедовича будет жить в веках. И он, как никто другой, достоин такой памяти.

История знает много личностей. Сейчас же я веду речь о современнике. Я знал его не только как руководителя республики, крупного политического деятеля, но и как человека. Служба — есть служба. Там сохраняются официальные отношения.

Я знал Димаша Ахмедовича не только по службе, но и в быту. Я далек от того, чтобы фетишизировать его. Ничто человеческое не было ему чуждо и, как любой, человек он имел свои маленькие слабости и недостатки. Я не буду подробно излагать жизненный путь Д. А. Кунаева, он известен всем. Отличительной особенностью характера Димаша Ахмедовича было умение ставить себя на место того, кто обращался к нему с просьбой. Умел выслушать человека. Много раз бывая с ним на объектах народного хозяйства, видя его умение общаться с людьми, восхищался его ровным отношением ко всем, без исключения, людям. Самое ценное качество руководителя — умение расположить к себе собеседника. Этим качеством в полной мере обладал Д. А. Кунаев.

Димаш Ахмедович был не просто политическим лидером в республике, он был также духовным наставником нации. Он умел радоваться жизни, умел с достоинством переживать и горести. Был очень тактичным в отношениях с людьми. Особое отношение было у него к людям искусства, науки и литературы. Он проявлял о них постоянную

заботу, остро реагировал на их нужды и запросы. Не раз поднимал он вопросы развития науки и культуры в республике. Не раз говорил о необходимости обогащения казахской литературы и искусства достижениями мировой культуры. Мы должны всегда помнить о том, что без развития культуры, науки и искусства ни одна нация не сможет называть себя цивилизованной. Прагматизм, который лежит в основе программы сегодняшних демократов сам по себе не может дать необходимых положительных результатов. Судите сами, как можно быть равнодушным, когда представители науки, искусства, культуры вынуждены бросать работу и заниматься бизнесом. Они вынуждены заниматься бизнесом, то-есть мелкой спекуляцией для того, чтобы выжить. То, чем вынуждены заниматься врачи, учителя, писатели трудно назвать бизнесом. Чтобы стать настоящим участником рыночных процессов, нужно стать производителем и коммерсантом высокого класса. Само собой разумеется, что падение уровня производства ведет к обнищанию народа, нищий народ не способен вступать в рыночные отношения, но и далек от понимания сути рыночных отношений. Можно обвинять прошлую систему, но нельзя же разрушать материально-техническую базу. Разрушение материально-технической базы, созданной руками миллионов людей, преступление. Материально-техническая база способна служить любой системе, нужно менять лишь производственные отношения. Так зачем же нужно было разрушать созданное?

Почему же независимые государства, возникшие на обломках СССР, не воспользовались теми техническими, экономическими связями, классически организованными прежней системой? В этом немалую роль сыграли национализм и шовинизм. Носители шовинизма и национализма есть в любой нации, в любом народе. Великодержавный шовинизм одних порождает национализм других. Оба течения вредны, опасны и являются тормозом на пути развития человечества.

История сохранила много имен выдающихся личностей. В истории развития человечества эти личности остали глубокий след. Несмотря на то, что каждый из них шел своим путем и жили они в разные исторические эпохи, имена их остались в памяти людей. Динмухамед Ахмедович Кунаев — выдающаяся личность XX века. Многих людей природа от рождения наделяет многими способностями. Но не каждый человек способен их реализовать.

Мне приходилось встречаться в жизни с самыми разными людьми: некоторые уже в молодости вялы и безинициативны, другие, будучи людьми среднего поколения, преждевременно причисляют себя к старикам. Молодость — самая лучшая пора. В этом возрасте человек свободен от многих предрассудков, он смел и упорен в достижении цели, иногда беспечен и безрассуден, ведь, как ему кажется, он никогда не состарится. Человек среднего возраста более сдержан в своих поступках, придает значение всему, что его окружает, задумывается о будущем. Люди пожилого возраста осторожны в действиях и словах, их отличает взвешенный подход ко всему. Очень немногие люди пожилого возраста способны сохранить свежесть ума. Одним из тех, кто до последних дней жизни сохранил бодрость, свежесть ума — Димаш Ахмедович Кунаев. Его уникальная память на всех производила неизгладимое впечатление. Он помнил множество имен тех людей, с которыми приходилось встречаться в жизни. Мне не раз приходилось встречаться с ним, когда он был уже на заслуженном отдыхе. Не раз он откровенно рассказывал мне о том, что пришлось пережить в первые годы перестройки. Никому не разрешали посещать его, было установлено негласное наблюдение за квартирой. „Понимаешь, Асанбай,— говорил он мне,— как было тяжело воспринимать все это?“ А что делалось в прессе? Невероятная шумиха вокруг „кунаевщины“. Какую силу воли нужно иметь, чтобы выдержать такое в преклонном возрасте?

История фиксирует все и вся. В Истории бывают моменты, когда ничтожества торжествуют над величием, оскорбляя и всячески унижая его. В то же время не надо забывать, что История не терпит лжи и фальсификации. Что касается Колбина, то этот „руководитель“ в стремлении выслужиться перед Центром, пошел еще дальше. Он приkleил Д. А. Кунаеву ярлык „политического преступника“, приписывая ему роль организатора декабрьских событий 1986 года.

Молодежь, впервые за всю историю советского Казахстана, собралась на площади перед зданием ЦК, чтобы задать один вопрос: почему и за что освобождают Д. А. Кунаева от должности? У каждого народа есть личность, которой гордится нация. Колбин и другие, считали, что организаторами декабрьских событий были Кунаев и Аскarov. Это была настоящая клевета, они и сами не верили в

это, но на основании этой лжи им удалось изолировать от общества Аскарова, а через него хотели выйти на Кунаева. План был гнусен и коварен. После моего возвращения, сам Д. А. Кунаев во время одной из встреч сказал мне, что „все произшедшее с тобой — дело рук тех, кто опасался, что после ухода Кунаева на пенсию, первым руководителем республики мог стать ты. Вот почему была организована эта травля на тебя. Я не буду называть конкретных фамилий, да и ты сам, наверное, догадываешься. Многие из них просто карьеристы, в самом плохом смысле слова“.

Д. А. Кунаев говорил, что по возвращении из ЦК Компартии Казахстана ему позвонил сам Горбачев и задал вопрос: „Что там у вас творится?“ На это Кунаев ответил, что надо спрашивать об этом у нового руководства. Тогда Горбачев сказал: „Вы с Асанбаевым организовали это“, — и повесил трубку. Следовательно, сам Горбачев М. С. организовал травлю.

Иногда, выбрав время, Димаш Ахмедович рассказывал о своей жизни, о событиях, имевших место в его политической деятельности. Надо сказать, что жизнь он прожил нелегкую. Что касается меня, то все-таки правда восторжествовала. Я окончательно реабилитирован. Это да. Но кто мне вернет моральный ущерб, незаслуженно нанесенный? Четыре с половиной года находиться на дне общества, большего унижения быть не может. Забыть это невозможно.

НЕТ ПРАВДЫ НА ЗЕМЛЕ, И НЕТ ЕЕ В КРЕМЛЕ

10 ноября 1982 года Кунаев уехал за город. Звонок из Кремля прозвучал в машине. „Немедленно вылетайте в Москву!“ — сказал зав. общим отделом ЦК КПСС. „Что случилось?“ — спросил Кунаев. „Немедленно вылетайте в Москву!“ — уклонился от ответа Боголюбов.

Нехорошее предчувствие охватило Кунаева: и в самолете, и в „членовозе“, который стремительно мчал его по улицам Москвы, он перебирал в мыслях всевозможные варианты и приходил к однозначному выводу — беда с Брежневым. Он или при смерти, или...

В „накопителе“, перед залом заседаний Политбюро молчаливые и угрюмые сидели главные руководители страны.

— Теперь все в сбore,— увидев Кунаева, сказал Черненко.— Можно начинать.— И первым в зал почтительно пропустил Юрия Владимировича Андропова. По неписанным партийным законам это означало: преемник — Андропов. Он и открыл заседание, сообщив о кончине Брежнева.

Воцарилось тягостное молчание. Его прервал Черненко и предложил безотлагательно решить, кто будет Генеральным секретарем ЦК КПСС и без паузы предложил:

— Я рекомендую избрать на этот пост Юрия Владимировича Андропова. Других предложений нет?

Не было. Все молча покивали головами.

Чуть более года минуло с того ноябряского дня и снова печальные члены Политбюро сгрудились в „накопителе“.

Первым в зал заседаний шагнул Константин Устинович Черненко. Без речей, без словопрений его по предложению Н. А. Тихонова единогласно избрали Генсеком партии.

Назначение Черненко главой КПСС Димаш Ахмедович, как занозу носил в своем сердце. Честно признавался: смалодушничали мы, по-крупному ошиблись.

— Но и выхода, дорогой мой, не было,— откровенно признавался Кунаев.

— Примелькался он рядом с Брежневым. Аккуратист, педант, решал все наши вопросы четко, сходу. Он был не-превзойденным исполнителем, но, как руководитель, увы, слабак.

— Димаш Ахмедович,— неоднократно спрашивал я,— ну хотя бы по-товарищески, на Политбюро вы могли ему высказать свои пожелания? Или просто спросить: „Как Ваше драгоценное здоровье, Константин Устинович?“

Димаш Ахмедович в раздумье прошелся по кабинету, остановился, засмотревшись на свою шикарную коллекцию зажигалок, и глухо проговорил:

— Не могли. Наверняка этот вопрос был решен заранее. И наверняка Черненко заручился поддержкой московской группы.

— А вы не пробовали когда-нибудь объединить усилия периферийных членов Политбюро?

По взгляду Кунаева я понял, что за время наших встреч и бесед я задал один из самых неумных вопросов. Поначалу я грешным делом думал, что людям ранга Кунаева, Щербицкого, Шеварнадзе все дозволено. И жестоко ошибался. Они находились под таким колпаком, что нам,

простым смертным, и не снилось. Когда во время октябрьского переворота (1964 год) Хрущева спровадили на пенсию, кое-кто из сильных мира сего пытался связаться с Москвой по самому „надежному“ телефону — ВЧ. И эти „кое-кто“ слышали в ответ металлически-незнакомый голос: „Положите трубку“. На площади Дзержинского не дремали.

Я и раньше, а после встреч с Димашем Ахмедовичем окончательно и бесповоротно перестал завидовать людям при больших должностях. Горький у них хлеб, горькая у них доля. Хотите подтверждений? Пожалуйста.

Например, я прилетаю в Москву. Что я делаю в первую очередь? Раскрываю блокнот и называю родным и друзьям: давайте встретимся, посидим-пооакаем, выпьем, закусим. И что может быть милее и краше дружеского общения?!

В Москву прилетает член Политбюро. У трапа черный лимузин. Везет в резиденцию, которая наверняка прослушивается. Его обслуживают сверхвежливые горничные и официанты, которые в свободное от службы время пишут подробные отчеты своим работодателям. Члену Политбюро и в голову не придет позвонить Рашидову или Романову и пригласить отведать национальных деликатесов — конские копчености. Со временем „папы Джо“, при Хрущеве, Брежневе и далее по списку неформальные встречи главных руководителей расценивались однозначно: готовят заговор. Так, кстати, оно и было, когда „повязали“ Берию, смахнули Хрущева, дождались кончины Брежнева. Только „москвичам“ позволялось без последствий общаться друг с другом. Поэтому они верховодили и „варили кашу“ на политическом Олимпе.

А наш периферийный член Политбюро в лучшем случае, побывав в театре (как правило, в гордом одиночестве), быстро-быстро возвращался в свою республиканскую столицу. Под надзор второго секретаря ЦК (как правило русского) и иже с ним. Ну чем не золотая клетка?

Надо сказать, что после смерти Сталина закулисные игры в высших эшелонах власти проводились и заканчивались для ее участников в щадящем режиме. Без расстрелов, тюрем, подстроенных катастроф. Проиграл — с глаз долой, из сердца вон. Занимайся, пенсионер, огородничеством. Но пропасть между прежней реальной властью и наступившей затворнической жизнью была столь велика, что руководители зубами держались за свое место. Под-

сиживали друг друга, писали доносы, плели интриги, сколачивали „свои“ группы.

Врезалась в память в этой связи история, рассказанная Д. А. Кунаевым за обедом. Вот в чем ее суть. Мы, рядовые коммунисты, сильно верили нашим партийным богам, восседающим в Политбюро. Зря верили. Там порой творилось такое, что и пером описывать тошно. Но надо.

Умер Черненко. Члены Политбюро рассаживаются строго по своим местам. Поднимается А. А. Громыко, предлагает на главный пост М. С. Горбачева. На этот раз члены Политбюро дружно и заинтересованно обсуждают кандидатуру Михаила Сергеевича. „Я выступил пятым,“ — вспоминает Кунаев. Заметим между строк, что для номенклатурной верхушки очередьность выступления служила верным индикатором: твой личный рейтинг повышался или понижался в зависимости от того, каким по счету ты произнес речь на съезде, пленуме или сессии.

Кандидатуру Горбачева поддержали единогласно. Но представляю, как изумились руководители республик, когда узнали, что это напечатанное и обнародованное решение Политбюро было сплошь фарисейским. Горбачева на этот пост назначили вчера. На сверхсекретном заседании Политбюро, в котором принимали участие только москвичи.

Об этом Кунаев узнал какое-то время спустя. Многоопытный, многомудрый аксакал и тот поразился коварству московских коллег.

— А чего они боялись? — спросил я Димаша Ахмедовича.

— По-моему, яснее ясного. Мы периферийные первые секретари обожглись на Черненко и могли предложить на этот раз другую кандидатуру. И даже, если бы она не прошла, об этом было бы сообщено Пленуму ЦК. А куда в этом случае повернулся Пленум — один Бог ведает.

— Такая кандидатура была?

— Да, Григорий Васильевич Романов. Из Ленинграда.

— А Гришин?

— Нет, на мой взгляд, его никто всерьез не принимал.

— Но ведь Черненко стал Генсеком?!

— Тут вышло по принципу: каждый в отдельности — против, а все вместе — за. Я признаю, что решение по Черненко подорвало авторитет Политбюро, да и всей партии в целом.

Но вернемся к спектаклю под названием „Заседание Политбюро“. У Горбачева была мощная поддержка в лице Громуко и нелишне напомнить, что в Москву Михаил Сергеевич перебрался благодаря стараниям и протекции Ю. В. Андропова. Но многие руководители благоволили и к Г. В. Романову — Брежнев, Косыгин, Суслов, Тихонов, тот же Андропов — но... мир их праху! Секретаря по сельскому хозяйству Горбачева поддерживали не умершие, а живые корифеи, и тем не менее он настоял на „репетиции“ заседания Политбюро. И заручился поддержкой москвичей. На другой день состоялось „настоящее“ заседание Политбюро, а 11 марта 1985 года прошел Пленум ЦК и очередной верный ленинец занял престол.

— В коварстве Горбачева я убедился еще раз,— сказал Д. А. Кунаев,— когда, придя к власти, он в том же, восемьдесят пятом отправил Романова на пенсию. „Чтобы не мельтешил перед глазами“ — цинично изрек генсек.

История взаимоотношений Кунаева и Горбачева — яркий пример того, как власть портит человека. Вначале, как и полагалось хозяину Ставропольского края, он почтительно и хлебосольно встречал члена Политбюро Кунаева у трапа, когда тот приезжал на отдых. Устраивал экскурсии, всячески развлекал чету Кунаевых. Переbrавшись в Москву, помнил: Димаш Ахмедович запросто входил к Брежневу и потому не уставал повторять, что „Малая земля“ — гениальная книга и по слухам юбилея Кунаева отстукал ему самую верноподданническую телеграмму. Вот она:

„Дорогой Динмухамед Ахмедович!

С чувством большого уважения и сердечной искренностью поздравляю Вас с семидесятилетием со дня рождения и новой замечательной наградой Родины!

По справедливости и во весь голос хочется сказать Вам сегодня, что Вы, крупный организатор и руководитель, показываете пример честного, беззаветного служения интересам нашей партии и народа. Свидетельство тому — крупные достижения и расцвет экономики и культуры Казахстана. Казахстанские миллиарды пудов хлеба наглядно отражают, как умело, настойчиво и творчески в условиях республики претворяются в жизнь аграрная политика КПСС, советы и указания Леонида Ильича.

От всей души желаю Вам, дорогой Динмухамед Ахмедович, доброго здоровья и счастья, новых творческих сил

и больших успехов в выполнении решений XXVI съезда КПСС.

Крепко жму руку и обнимаю. М. Горбачев".

Однажды Михаил Сергеевич приехал в Алма-Ату в свите Брежнева и ничуть не обиделся, когда местные руководители отсекли его от главного гостя и предложили ему программу пребывания, будто он иностранный турист.

Прошли годы и секретарь ЦК по сельскому хозяйству стал Генсеком. И вмиг преобразился. Часто, обращаясь к Димашу Ахмедовичу, сбивался на „ты“, строжился голосом при телефонных разговорах, да и при личных встречах в Целинограде, куда Горбачев приехал с Раисой Максимовной, всячески старался дистанцироваться от Кунаева: дескать, я всегда такой немногословный с выдвиженцами Брежнева.

На заседаниях Политбюро его члены откровенно скучали. Горбачев выхолостил самую суть свободного обмена мнениями между высшими чиновниками государства. Михаил Сергеевич располагался в кресле и начинал речь, посвященную повестке дня. Размечал, когда и кому что делать, как и где думать, что и у кого просить или требовать. Если в монолог встревал кто-то из докладчиков, то ненадолго. Генсек, поймав в себе мысль, перебивал его, вносил свои предложения, назначал сроки исполнения и ответственных и переходил к следующему вопросу.

По словам Димаша Ахмедовича, в первые месяцы правления Горбачева он весьма ему симпатизировал. Энергичен, речист, импонировали Кунаеву идеи о перестройке, гласности, правах человека и Кунаев со всех трибун поддерживал реформатора-Генсека. Спустя какое-то время Кунаев обратил внимание на то, что поток слов московского правителя усилился, но дела в стране явно покатались под гору. Четкой программы сдержать, приостановить инфляционный натиск Горбачев не высказывал, потому что ничего кроме путанных рекомендаций экономистов за душой не имел.

Окончательно и навсегда Кунаев разуверился в Горбачеве, когда тот предал партию (слова Д. А.) и полностью перебрался в кресло Президента. Но это — разуверился. А невзлюбил он Президента за то, что Горбачев, как бездарный шахматист, сдавал оппозиции, отправляя в отставку главные фигуры из своего окружения. Это противоречило сути идейных принципов Кунаева, его морально-му кодексу чести. Признаюсь, Димаш Ахмедович не

очень-то поощрял в своем присутствии ядовитые анекдоты о сильных мира сего. Но одна частушка ему понравилась, особенно последняя строка: „Жизнь настала горькая, жизнь сейчас не сладкая, что же ты наделала, голова с заплаткою?“

От знака „плюс“ до знака „минус“ претерпели отношения Кунаева и Горбачева. Как умные люди оба понимали, что Союзу, построенному на взаимонеуважении, рано или поздно суждено распасться. Горбачеву, понятное дело, не терпелось убрать с политической арены весьма авторитетного в КПСС Д. А. Кунаева. Но как это сделать? Он принял первую попытку вывести Кунаева из равновесия и дать ему понять, что дни его сочтены. И поэтому не вызвал Кунаева на Политбюро, где рассматривался народнохозяйственный план и бюджет на следующий год. Мол, не ему,— рассуждал Горбачев,— претворять эти планы в жизнь. Кунаев намек понял. Как понял и то, что это — вопиющая беспардонность — пустить республику в плавание с завязанными глазами. Приоритетные направления в экономике мог назвать лишь Кунаев и никогда ранее на Политбюро планы не рассматривались без первых руководителей республик.

А Казахстан трудился в поте лица и снова дал государству миллиард пудов хлеба. О выполнении обязательств полагалось докладывать в Москву. Кунаев доложил Горбачеву и Лигачеву. В ответ рассчитывал услышать: „Поздравляю!“ или: „Ждите телеграмму“. Не услышал. И в своем докладе по случаю 69-ой годовщины Октября Егор Лигачев ни словом не обмолвился о казахстанском миллиарде. Сказал лишь, что хорошо сработали труженики Кустанайской и Кокчетавской областей. Кунаев, слушая речь по телевидению, понимающе усмехнулся: Лигачев „лизнул“ кустанайцев и кокчетавцев потому, что в этих областях побывал Горбачев и, так сказать, воодушевил на трудовой подвиг.

Центральная печать об успехах в экономике Казахстана дипломатично замалчивала. Ждала развязки. И она вскоре наступила. Кунаева не просили и не заставляли написать заявление об уходе. Он сам пришел к Горбачеву, положил на стол заявление, в котором указал, что глубоко признателен ЦК за поддержку и помощь в практической деятельности, за высокое доверие (членом Политбюро состоял 21 год) и — в конце: „...в связи с преклонным возра-

стом (в январе исполнится 75 лет) прошу удовлетворить мою просьбу об уходе на пенсию".

Горбачев ждал этого шага от Кунаева и потому юлить не стал.

— Твою просьбу поддерживаю, — сказал он. — Заявление рассмотрим на Политбюро. Просьбы есть?

— Спасибо, нет.

— Переезжать в Москву не собираешься? Квартиру и дачу — в любое время. — С улыбкой добавил: — Почти все в Москву слетелись. Боятся, видать, на месте оставаться.

— Мне в моем Казахстане бояться некого и нечего, — сказал Кунаев.

— Ну-ну, решай, как знаешь.

— Михаил Сергеевич, если не секрет, кто придет на мое место?

Горбачев довольно сухо ответил:

— Решение этого вопроса оставь нам. В республику будет рекомендован и направлен хороший коммунист.

16 декабря 1986 года пленум ЦК КП Казахстана Первым секретарем избрал Г. В. Колбина. И, сами понимаете, единогласно...

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Б. М. АБИЛОВА, ГЕНЕРАЛЬНОГО ДИРЕКТОРА ФИРМЫ „БУТЯ“

Вся моя сознательная жизнь была связана с именем этого человека. Ничего удивительного в этом, конечно же, не было. Целые поколения советских людей воспоминались под сенью одного-двух великих имен, не сомневаясь в качестве и подлинности своего идеала.

Но в моем случае, и сегодня я понимаю это особенно отчетливо, срабатывал не только формат и заданность поведения. Было нечто другое, чего я не мог себе тогда объяснить...

Традиционно долгое, казалось, незыблемое пребывание этого человека на самой вершине власти закончилось сокрушительным обвалом. После такого, раньше не поднимались. Он же не только выстоял, но и сумел сохранить главное — свое имя. Конечно времена были уже другие. Но мне казалось, что дело не только в них. В облике этого человека, в его непривычной для советских времен высокой, стройной, легкой фигуре казалось мне, всегда сохра-

нялся, вне зависимости от его официального статуса, постов, должностей, некий элемент суверенного достоинства и значимости.

Во всяком случае, когда 19 апреля 1993 года в моей приемной раздался звонок, и мой секретарь слегка взволнованным голосом произнесла: „С вами хочет поговорить Динмухамед Ахмедович Кунаев”, я не поверил своим ушам.

К тому времени напор и энтузиазм нашей молодой команды, изматывающая сутками работа, тотальная реклама сделали свое дело, и в республике знали фирму „Бутя”. И сам я свободно общался в ту пору с представителями зарубежного бизнеса, с нашими высокопоставленными лицами, имел опыт ведения сложных представительских переговоров, а все же растерялся как мальчишка.

— Булат, сынок,— заговорил Динмухамед Ахмедович,— у меня к тебе небольшая просьба.

Необычное, почти отеческое обращение негромкий, с мягкой кардинальской голос привели в чувство. Остальную часть разговора я выслушал уже более спокойно... Просьба и в самом деле была исцелительной. Я и представить себе не мог, что у человека, та много сделавшего для своей страны, могут быть такие мелкие бытовые проблемы. Заканчивая разговор Динмухамед Ахмедович сказал: „Я давно хотел повидаться с тобой, поговорить”, и мы тут же договорились о дне встречи.

Она произошла в начале мая. Закрученный до предела делами я тем не менее с удовольствием думал о предстоящем событии и внутренне к нему готовился. Сейчас, рассказывая о тех памятных для меня минутах, когда я о том, что излишнее волнение и робость, охватившие меня, когда я переступил порог его квартиры, помешали взглянуться в какие-то конкретные вещи, наверное не случайно заполнившие этот дом, обратить внимание на подробности, запомнить все сказанное. Помню, что все в этой квартире было красиво и строго. В ней был годами и стилем жизни отработанный порядок, который не бросается в глаза, но чувствуется во всем: и в том, как открываются дверь, как тебе предлагают раздеться и пройти в гостиную...

В гостиной, кроме Динмухамеда Ахмедовича сидели гости. Я был представлен — это были — представители фирмы „Мерседес”, химического концерна „Херст” из Германии и два генерала из Москвы. Но внимание мое, конечно же, было приковано к Нему. Я и сейчас не могу ска-

зать, был ли он похож на свои портреты, соответствовал ли тому экстравагантному образу, к которому мы привыкли. Да я и не искал этого сходства. С первых секунд я был пленен особой энергией, исходящей от него, и, каюсь, каким-то пристальным интересом к моей персоне.

Ему шел тогда 82-ой год, но ничто не говорило о возрасте. Передо мной сидел царственной осанки человек, сидел очень прямо, жесты его были быстры, речь проста и естественна. Какая-то гармония присутствовала в его облике. „Человек — это стиль“, сказал кто-то из писателей. Эти слова были сейчас к месту. Старое, но какое-то величественное кресло, в котором, казалось, кроме него не сидел никто. Длинные пальцы рук, спокойно лежали на подлокотниках, лучи света сверху и немножко сзади освещали эту реально осязаемую картину.

Через несколько секунд общения я почувствовал себя легко и спокойно. Разговор носил вполне снетский характер. Вскоре хозяин легко поднялся и вышел, видимо, разузнать, готов ли стол. Появившись вновь в дверях, изящно поднял правую руку с сомкнутыми пальцами и произнес запомнившуюся мне фразу: „Пойдемте выпьем коньячку!“

Он не пригласил нас пообедать, перекусить, откушать, он сказал именно „выпьем коньячку“, и была в этом какая-то молодецкая удаль, озорство и некий шарм. Усаживая за стол, он выделил меня, посадив рядом с собой с левой стороны.

Первое слово произнес сам. Говорил, что ему довелось дожить до глобальных перемен, но, что принесут они его стране, человеку — вот вопросы, которые волнуют. Сложность происходящего нельзя осмыслить сразу. Казахстан — большая страна, и всегда ее главную основу, гордость составляли люди. Прошлое можно критиковать, но нельзя забывать. Жизнь сложнее и многограннее любых политических систем. В ней всегда есть непреходящие ценности, составляющие ее суть.

Как не допустить раскола общества, как сохранить разумное стремление поставить экономику страны на рыночные рельсы, не утратив нормального человеческого желания помочь ближнему, сохранить, и прежде всего, в государственной политике социальные приоритеты. Он говорил о будущем Казахстана с верой и надеждой, по-доброму отзывался о Президенте, говорил о его исторической миссии и ответственности перед народами Казахстана...

Слушая Динмухамеда Ахмедовича, я расслабился, никак не предполагая, что следующее слово он предоставит мне. Те, кто хорошо знает неписанные правила и традиции наших дастарханов, поймут мое замешательство. За столом сидели люди старше по возрасту и выше меня по положению. Но в этом нарушении, опять же, был какой-то смысл, который вкладывал Динмухамед Ахмедович во все свои действия по отношению ко мне с первых минут нашей встречи.

Я говорил долго и вдохновенно, говорил, что никогда не мечтал, что окажусь в этом доме и буду сидеть рядом с человеком, который стал символом страны, что, наверное, за этим столом всегда поднимали тост за здоровье хозяина, и это тот случай, когда я не был исключением. Я поднимал бокал за человека, который построил эту страну. И это не был просто „пафос“ тоста, приличествующий случаю, я и сейчас готов преклонить голову перед этим великим человеком, нашедшем в себе силы не обидеться на ту часть народа, которая отвергла его, дождаться прозрения и снова достойно принять бремя уважения и почестей.

Потом говорили гости, потом за чаем он показывал старые фотографии. Их было очень много, и передо мной снова текла история нашей и моей собственной жизни. Он много и хорошо рассказывал о людях, с которыми работал, о событиях, которые пережил. И я снова с изумлением почувствовал, что этот человек не просто живет, он радуется жизни и готов в нее еще поучаствовать.

А потом вновь настала моя очередь говорить. И во время того, когда он меня слушал, когда задавал вопросы, я понял — нет, не я — Булат Абильев — молодой казахстанский предприниматель, который кое-чего смог уже достичь в бизнесе, вызвал интерес этого человека. Новое время, представителем которого я стал, волновало его душу. Кто мы, что несем с собой, каким будет это время и страна, которой он так долго правил и которую так любил.

Наверное, на какие-то его непростые вопросы и мысли я, все-таки, смог ответить, потому что вскоре после первой вновь раздался телефонный звонок, и состоялась вторая последняя наша встреча.

Мы долго разговаривали наедине. Я держал его руку в своей, он не отказал мне в этой просьбе. Так, когда-то я разговаривал с отцом, когда он был еще жив. Мне казалось, что Динмухамед Ахмедович не просто хочет понять процессы, проходящие за стенами этой квартиры, но что-

то передать свое. Он понимал, что наступают жестокие времена, и как будто хотел меня и всех нас от чего-то предостеречь...

Мы расстались, уверенные обоюдно в новой встрече. Я отметил про себя, что в следующий раз приду непременно с подарком — новым телевизором, так как заметил в гостиной совсем старый. А вслух на прощание, больше желая сделать ему приятное, чем веря в это, сказал, если когда-нибудь у меня родится сын, я обязательно назову его Динмухамедом...

Жизнь понеслась своим чередом. Через два месяца, будучи далеко от дома, я узнал, что Динмухамед Ахмедович Кунаев скончался...

В квартиру, где я провел несколько незабываемых часов, я с опозданием передал свой подарок — новый телевизор. А ровно через год у меня родился сын, и я назвал его Динмухамедом.

Сын мой подрастает, ему недавно исполнилось два года. Ни разу за все это время я так и не осмелился назвать его полным именем.

Булат Абилов, 1996 год.

ТАКОГО СЫНА НЕ РОЖДАЛА ТЫ...

I

Димаш Ахмедович был цельным человеком, с твердым характером. Он неукоснительно следовал жизненным правилам, принципам, которые выработал для себя еще в юности.

— Поставить перед собой реальную цель,— поучал он своего племянника Диара Кунаева,— и кровь из носа, но достигни ее. Без цели нет человека.

— Чтобы взять намеченную высоту,— далее советовал он,— надо строго по минутам расписать свой день и стараться всегда соблюдать режим. Конечно,— добавил Кунаев,— правил без исключения не бывает.

Сам Димаш Ахмедович, став пенсионером, жестко соблюдал режим. В семь часов утра — подъем, физические упражнения на свежем воздухе — 30 минут, затем езда на велосипеде-тренажере — 10 километров по счетчику. До

восьми тридцати — легкий завтрак, работа с прессой, встречи с посетителями.

Ровно в тринадцать ноль-ноль — обед. Если кто из родных или близких опаздывал на пять-семь минут, то заставал Димаша Ахмедовича за столом, спокойно расправляющимся с овощными закусками, борщом или вегетарианским супом.

После обеда — прогулка в парке одного из пригородных санаториев. Потом работа за письменным столом над рукописью с привлечением статистических данных, личного архива, других документов. Отвлекался, встречая гостей, угощая чаем.

Ужин — в семнадцать ноль-ноль, на ночь — одно яблоко и горсточка кураги. Потом урывками чтение художественной литературы (в последние годы Димаш Ахмедович любил исторические романы), просмотр теленовостей на казахском языке, в десять часов — программа „Время“ (позже „Вести“), в десять тридцать Кунаев готовился ко сну.

Этого режима он неизменно придерживался до кончины. Шахматами или, упаси Боже, карточными играми не увлекался никогда. Но иногда любил раскладывать пасьянсы. ("Помогает сосредоточиться"). При должности, когда бывал в командировках, позволял себе расслабиться и партию-другую играл на бильярде.

Днем, не в пример Черчиллю, никогда не отдыхал и не спал. Для самых любознательных и въедливых сообщаю: с 1974 года Димаш Ахмедович не курил и был совершенно равнодушен к спиртным напиткам.

Но тут самым въедливым оказался, пожалуй, я.

— Димаш Ахмедович, я раз сто бросал курить,— жаловался я ему,— и почему-то не получалось.

Димаш Ахмедович улыбнулся:

— Потому что сто раз бросали,— сказал он.— Надо бросить один раз и навсегда.

— А как это сделать?

— Я курил сорок четыре года. Иногда выпивал. В 1974 году, после инфаркта, мой врач Ахат Аминович сказал: эти "удовольствия" Вам противопоказаны. Я все взвесил и принял решение: с этого дня я отказываюсь от этих привычек. И, как видите, отказался.

— И Вас никогда не тянуло хлопнуть рюмку или покурить?

— Нет, не тянуло. Потому что я принял решение.

А мы все долдоним друг другу: человек слаб. Слаб да не всяк. Без клятв и зароков в один день Димаш Ахмедович покончил с наклонностями, которые вредны для здоровья. Такую же решительность он проявлял в достижении цели: будь она личной или государственной.

Но цель должна быть не маниловской и не пустячной. В этой связи не могу не вспомнить реплику Олжаса Сулейменова. На здании артиллерийского училища он увидел громадный лозунг: „Наша цель — коммунизм!“ И прокомментировал: „Чем думали командиры?.. Привильно, не головой“.

II

Когда бы я не пришел к Димашу Ахмедовичу, ни разу не удалось застать его праздным. Он всегда был в работе. Аккуратной стопкой лежали прочитанные газеты (не меньше десяти), один-два журнала, всегда под рукой были свежие статистические отчеты и много другой справочной литературы. Я взял за правило: приходя к Кунаеву, обязательно просматривать периодику, потому что наш разговор начинался с вопросов: „А вы читали статью в „Правде“? (называлась статья и ее автор). А в „Комсомолке“? А в „Казправде“?“

Я отвечал впопад и невпопад, соглашаясь и не соглашаясь с мнением Димаша Ахмедовича. Отмечу, читателем Кунаев был не только дотошным, но и весьма проницательным. Умел, как дипломат, читать между строк, угадывал, чья „мохнатая рука“ или „группа товарищей“ дирижировала редакцией при публикации той или иной статьи, негодовал, когда газеты печатали скрытую или явную ложь.

А вообще отношение Кунаева к прессе, к эфирному слову было самое уважительное, если не сказать, почтительное. На своей редакторской шкуре я не раз испытывал (конечно, через посредников) недремлющее око Первого секретаря ЦК. Но известны случаи, когда он лично делал „втык“, реже хвалил редакторов республиканских изданий. Чтобы не задремали в своих просторных кабинетах. Не помню ни одного его доклада, в котором бы он забыл сказать „пару ласковых“ о средствах массовой информации. Журналисты по сей день благодарны Кунаеву, что он, как бы оставаясь в тени, строил мощные типографские корпуса, открывал новые издательства или изда-

ния, не жалел валюту на приобретение импортной техники и аппаратуры и, конечно, ни до, ни после труженики пера не получали столько квартир, как в „застойные годы кунаевщины“.

Я взял эти три слова в кавычки, ибо они, увы, из лексикона моих коллег-журналистов. Так сказать, отблагодарили за заботу. Впрочем, что взять с перевертышей, истинных представителей второй древнейшей профессии?

То были самые трудные дни в жизни Динмухамеда Ахмедовича Кунаева. Дом его обходили стороной, телефон, взятый на круглосуточное подслушивание, молчал, как отрезанный, на юбилей (75 лет) пришли самые близкие — по пальцам перечесть. Проект Указа о награждении Кунаева орденом Ленина (идея Горбачева) спрятали в самый глубокий ящик. (Повлияли декабрьские события).

— Димеке,— сказал на юбилее Олжас Сулейменов,— пишите книгу. Не для „колбинах“, для потомков. Поверьте, самыми правдивыми историками будут наши потомки.

Но ему тогда не писалось. Он был почти что в шоке: столь невероятным был перепад от великого почтения к Первому секретарю ЦК до разнузданного, оголтелого критиканства. Сильно переживал свои беды — он, ни с кем не делясь, хранил их при себе даже в те дни, когда арестовали его первого и верного помощника, упраляющих делами ЦК и правительства, первого секретаря Чимкентского обкома партии. Следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры СССР не скрывал, что его главная мишень — Д. А. Кунаев и что он, следователь, раскрутит в Казахстане „узбекское дело“. И все это под визг и улюлюканье нашей чересчур гибкой партийной прессы.

Не сломался в те дни и месяцы Димаш Ахмедович. Выстоял. И ничуть не озлобился на белый свет и коварных людышек. Более того, простил всех, кто, годы спустя, приходил в его дом и без смущения произносил в его честь тосты, которых он не слышал с „застойных времен“.

— Бог им судья,— великодушно отвечал он на недоуменные взгляды родных и близких.

Журналисты понемногу угомонились, а потом пачками потянулись в его квартиру, чтобы взять интервью, написать репортаж или очерк. И что удивительно. Димаш Ахмедович с прежним почтением относился к газетчикам и телевизионщикам, забыв и простив им колчаны ядовитых

стрел. Потому что верил в громадную силу публично произнесенного слова.

В этой связи вспоминается один характерный эпизод. В ту пору я помогал Димашу Ахмедовичу в работе над книгой „О моем времени“. Однажды, получив от Кунасева книгу рукописных страниц, я не без удивления прочел строки, посвященные журналу „Простор“ (В те годы я был главным редактором журнала).

„Например, в 1988 году, — пишет Д. А. Кунасев, — в № 9 журнала „Простор“ была опубликована статья Е. Букетова „Мой брат“. Приведенные в ней данные абсолютно далеки от истины. Автор выносит на страницы журнала ложные сведения и на их основании делает свои выводы.

Переходя конкретно к указанным в статье обвинениям, хочу заявить, что никакой неприязни к Е. Букетову не испытывал. С ним вообще я лично знаком не был и никогда не беседовал. На приеме у меня он никогда не был. Ссылка на мой разговор с Е. Букетовым — это сплошная выдумка автора.

Е. Букетова я заочно знал по его работе в должности ректора Карагандинского университета. Ради объективности надо отметить, что когда он баллотировался в академики в 1972 году, в то время, когда президентом был Ш. Есенов, Букетов на выборах не был избран. Академиком Е. Букетов стал, когда президентом был А. Кунеев — в 1975 году, который на выборах оказывал ему всестороннюю поддержку. О каких, в данном случае, может идти речь неприязнях, гонениях и преследований?..“

Прерву цитату. Мне, конечно, было неприятно, что журнал „Простор“ печатает „ложные сведения“. И еще я понимаю, что книга Димаша Ахмедовича — не газетная страница, которую сегодня прочли, а через неделю-другую забыли и поэтому решил сделать „тонкий“ ход.

— Димаш Ахмедович, как-то неловко получается, — начал я издалека, — в известной мере я помогаю Вам, а Вы вдрызг раскритиковали мой журнал.

— И что Вы предлагаете? — спросил Кунеев.

— Ну хотя бы убрать из текста упоминание о „Просторе“.

— Нет, дорогой, за свои ошибки надо отвечать.

В кабинете находилась Лейла Мухтаровна, жена брата. Она добавила:

— Это принципиально. В статье затронута честь нашей семьи.

Словом, никаких послаблений я от Кунаевых не добился и весь текст — слово в слово — оказался в книге „О моем времени“.

Коль скоро я коснулся темы об отношении Кунаева к прессе, то не могу не рассказать еще об одном случае. Однажды я опубликовал в „Известиях“ фельетон под называнием „Тень на базарный день“. В материале речь шла о дорожовизне продуктов на алма-атинских рынках. Димаш Ахмедович отдыхал в это время в Карловых Варах. Он прочел газету и, по словам начальника охраны, ужасно расстроился. Позвонил в Алма-Ату и потребовал навести порядок на рынках. Грозный звонок срикошетил и по мне. Второй секретарь ЦК учинил мне разнос, популярно объяснив, что я коммунист и, что негоже коммунисту выставлять на посмешище родную республику. „А если очень язык чешется,— присовокупил он,— то пишите фельетоны в местные газеты“.

Но нагоняй нагоняем, главное во всей этой истории то, что базары в то лето работали выше всяких похвал. Уважали прессу в застойные времена и... побаивались. А сейчас?

Эх, глянули бы Вы, Димаш Ахмедович, на сегодняшние разбойниччьи цены?!

III

Можно смело утверждать, что если бы не декабрьские события 1986 года и последующая трехлетняя травля Д. А. Кунаева, мы бы и сегодня видели Димаша Ахмедовича в добром здравии. Это было, повторяю, самое трудное и несправедливое время в его жизни. Оно крепко подточило его здоровье. И еще надо учесть, что Кунаев по натуре был интроверт, то есть человек, который все горести и обиды держал при себе и в себе. Ни жене, ни родным, ни друзьям — ни слова о том, как ему больно и обидно.

Поначалу все разыгрывалось по московскому сценарию. В Алма-Ату прилетел Разумовский, от имени Политбюро поблагодарил Кунаева за долголетнюю добросовестную работу, члены пленума бурными аплодисментами проводили Димаша Ахмедовича на пенсию. Но тут у партийной элиты вышла осечка. Вместо Кунаева она проголосовала за мало кому известного Колбина. Сам Колбин не удосужился выступить по телевидению или в печати, ни в день пленума, ни после. Его клевреты тоже ничего не сказали о причинах отставки Кунаева, в итоге — сумятица

в головах простого люда. Почему Колбин? Почему не наш, казахстанец? Пусть он будет казах, русский, немец, но наш.

С этими справедливыми интернациональными вопросами-требованиями молодежь вышла на площадь. „Разогнать!“ — последовала команда. Милиция приступила к делу и сразу же убедилась, что не в состоянии совладать с ситуацией. Тысячные колонны шли на площадь.

· Вспоминает Динмухамед Ахмедович Кунаев:

— Когда мне сообщили, что на площади собралась молодежь, я, признаться, не придал этому особого значения. Думал, пошумят и разойдутся. Где-то часов в одиннадцать позвонил Мирошхин и попросил приехать в ЦК. Я спросил: „Чем это вызвано? Ведь я на пенсии“. Мирошхин ответил, что, дескать, на площади собралась группа молодежи и она требует разъяснить решение вчерашнего пленума ЦК. Потом он предложил: не соглашусь ли я выступить перед молодежью? Я ответил: „Хоть на казахском, хоть на русском, хоть на уйгурском языках. Я согласен, но согласен ли Колбин?“ Мирошхин передал трубку Колбину и тот повторил предложение. Вызвал машину (я ведь пока еще оставался членом Политбюро) и поехал в ЦК. В кабинете Колбина сидели все члены Бюро ЦК. Поздоровался и молча просидел на совещании около двух часов. Бюро предложило выступить перед молодежью Назарбаеву и Камалиденову. Обо мне почему-то никто и не вспомнил. Тут раздался звонок из Москвы и все члены Бюро, кроме Мирошхина вышли в приемную. Через какое-то время Колбин снова пригласил всех в кабинет и, обращаясь ко мне, сказал: „Вы свободны, отдохните. Мы сами примем меры и наведем порядок“.

Я вернулся домой и вскоре мне позвонил Горбачев.

— Что там у вас на площади происходит? — спросил он.

— Молодежь требует разъяснить решение пленума ЦК.

— И это все?

— По-моему, да. Сейчас в ЦК идет совещание, я думаю, руководство Вам обо всем доложит.

— А кто за этим стоит?

— Понятия не имею. Полагаю, что это стихийный вслеск, вызванный просчетами наших идеологов.

— И все-таки без организаторов тут дело не обошлось, — убежденно сказал Горбачев. — Но мы разберемся.

На этом наш разговор закончился. В последующие дни и месяцы Колбин недвусмысленно намекал, что организатор событий я и действовал я через Олжаса Сулейменова. Чуть было не арестовали Олжаса, но потом разобрались. Ну, а обо всех перегибах, репрессиях подробно изложено в докладе Мухтара Шаханова. Одно знаю и твердо верю: разумные казахи по своему складу характера никогда не были и не будут националистами.

На этом мы и завершили с Димашем Ахмедовичем тему о декабрьских событиях в Алма-Ате. Но в конце июня 1987 года она получила неожиданное продолжение.

Олжас и я приехали в аэропорт встречать известного журналиста Аркадия Ваксберга. Через депутатскую комнату вышли на летное поле. Поразили безлюдье и необыкновенная тишина. Какая-то предгрозовая тишина. Приземлился и пополз к стоянке громадный „Ил-86“. Замер. Рядом с носом опустился трап и на бетонку сошли Димаш Ахмедович и его телохранитель. Увидев Олжаса, Кунаев улыбнулся и широко раскинул руки. Восхитился:

— Олжас! Кого встречаете?

— Вас, Димеке,— тактично ответил Олжас.

— Но я ведь, дорогой, даже не член ЦК,— затаенная грустинка прозвучала в его голосе.— Вывели. Прошу в машину.

У самолета сиротливо стояла „Волга“, а не привычный бронированный лимузин.

— Да мы не поместимся,— сказал Олжас.— Я позже заеду.

Попрощались. Димаш Ахмедович уехал. Из самолета стали выходить „обычные“ пассажиры.

Много позже один из сотрудников КГБ сказал мне:

— Если б ты знал, какое замечательное кино получилось!

— Какое кино?

— Когда ты с Олжасом встречал Кунаева. Помнишь?

— Да мы не его встречали.

— Это мы потом сами поняли. А тогда все укладывалось в схему: сняли Кунаева в декабре — начались события. Вывели Кунаева из ЦК — Олжас прибыл в аэропорт за указаниями.

— А я здесь причем?

— Ты? Ты для отвода глаз. А вообще-то, кто тебя знает? Выяснили бы.

Вот почему было безлюдно и тихо на летном поле. Да, в „хорошее кино“ я мог бы вляпаться...

ПРОСТОЙ И ОБАЯТЕЛЬНЫЙ

I.

После обеда Димаш Ахмедович имел обыкновение выезжать на прогулку в один из близлежащих домов отдыха. Место это было, конечно, райское и принадлежало оно раньше высшей партийной номенклатуре. Изумительный горный воздух, настоеенный на хвойных соснах и елях, яблоневых и грушевых ароматах, горная речка, пустынные тенистые аллеи и, спрятанные за густой зеленью, шикарные здания и аккуратные коттеджи.

Все это великолепие надо было содержать в образцовом порядке. Партия, хоть и располагала громадными средствами, но как рачительный хозяин была прижимистой и за работу в доме отдыха и на его территории платили гроши. Она бы и зэков использовала, но мудро решила, что от греха лучше держаться подальше. А вот доблестных солдат принимала с распростертыми объятиями: почти бесплатно и надежно. Поэтому солдаты тут на всевозможных работах роились почти круглый год.

Солдатам запрецдалось мельтешить на глазах отдыхающих и, тем более, вступать с чиновниками в переговоры. Но приказ часто нарушался: до чертиков хотелось курить.

Увидев однажды высокого, задумчивого казаха, в темных очках, с тростью, молодые воины высыпали ему на встречу и один, что побойчее, попросил:

— Дедуль, закурить не найдется?

„Дедуль“ остановился, смущенно улыбнулся солдатам и ответил:

— Не курящий я. Но мы сейчас что-нибудь придумаем.— Он оглянулся, увидев неподалеку шофера Сашу и попросил его принести сигареты.

Через три минуты, жмурясь от удовольствия, солдаты дружно задымили. Завязался разговор. Кунаев не представлялся, кто он, но столько уважения, ненапускной заинтересованности звучало в его голосе, что солдаты

наперебой, с мальчишеской откровенностью делились с пожилым человеком своими успехами и неуспехами, царапинами и болячками. И долго бы еще российские пареньки толковали за жизнь с Кунаевым, если бы внезапно на аллее не появился офицер, потерявший свою бригаду. Он сразу все понял, бросил руку за ухо и сказал:

— Товарищ Кунаев, извините. Денежное довольствие не поступило. Поэтому...

— Не надо извиняться. Мы тут хорошо поговорили и, думаю, к взаимному удовольствию.

— Это ведь надо, сам Кунаев! — ретириусь, шумели ребята, а тот, побойчее, добавил: — И как я его не узнал? Я ведь с его портретом на демонстрацию ходил.

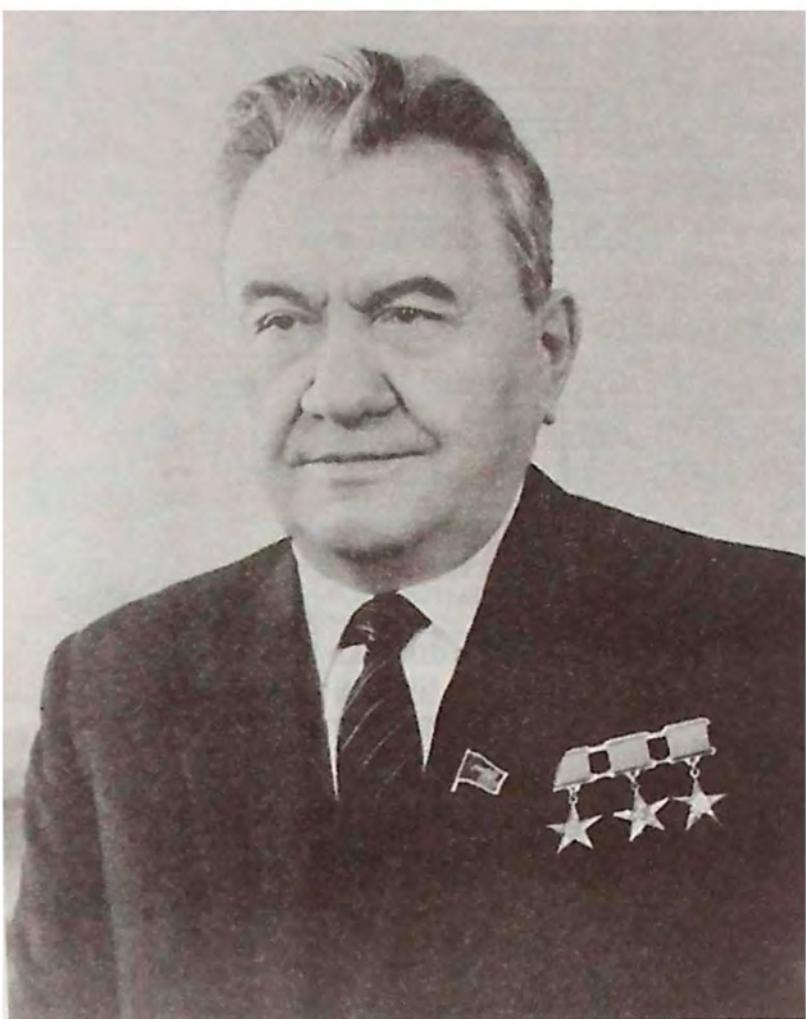
Как бы то ни было, но с той встречи Кунаев изменил своей многолетней привычке: перед тем, как отправиться на прогулку, он обязательно клал в карман пачку сигарет...

II

Кунаев любил охоту, но охотился редко: по рассказам близких ему людей три-четыре раза в год. Стрелял он метко и отдавался этому делу до самозабвения. Как впрочем любили побаловаться Хрущев и Брежнев, Гречко и Устинов, Гусак и Хонеккер. Что тут скажешь: и сильные мира сего имели свои слабости. Но, как мне рассказывал Димаш Ахмедович, все это враки про привязанных за ногу кабанов, или водолазов, которые держали за лапы диких гусей и уток.

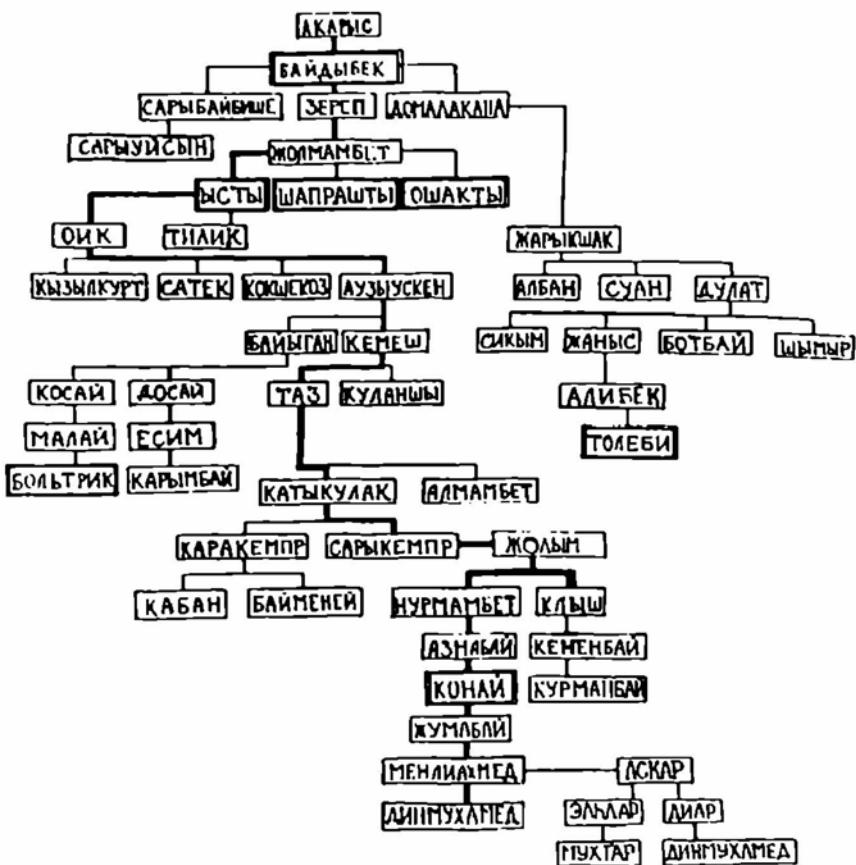
Я и сам пару раз бывал на охоте с Д. А. Кунаевым и могу засвидетельствовать: никаких „нечаянных“ трофеев или эскадрона загонщиков на лошадях, которые выталкивают на него дичь, я не видел. Свои трофеи он добывал сам. И притом с неутомимостью заядлого охотника, который не знает усталы, не чувствует ни жары, ни холода.

Размашисто идет вслед за коричневым, лопоухим сеттером, тот время от времени ныряет в камыши и иногда оттуда свечой взмывают фазаны. Кунаев вскидывает ружье и, как правило, хоть одна птица плюхается на землю. Я не ахти какой охотник и пятнической рейд по пересеченной местности мне был явно в тягость. Свою берданку я перестал снимать с плеча, сеттер, учуя мое охотничье убожество, переметнулся к более удачливому стрелку. А мы все охотимся и охотимся...

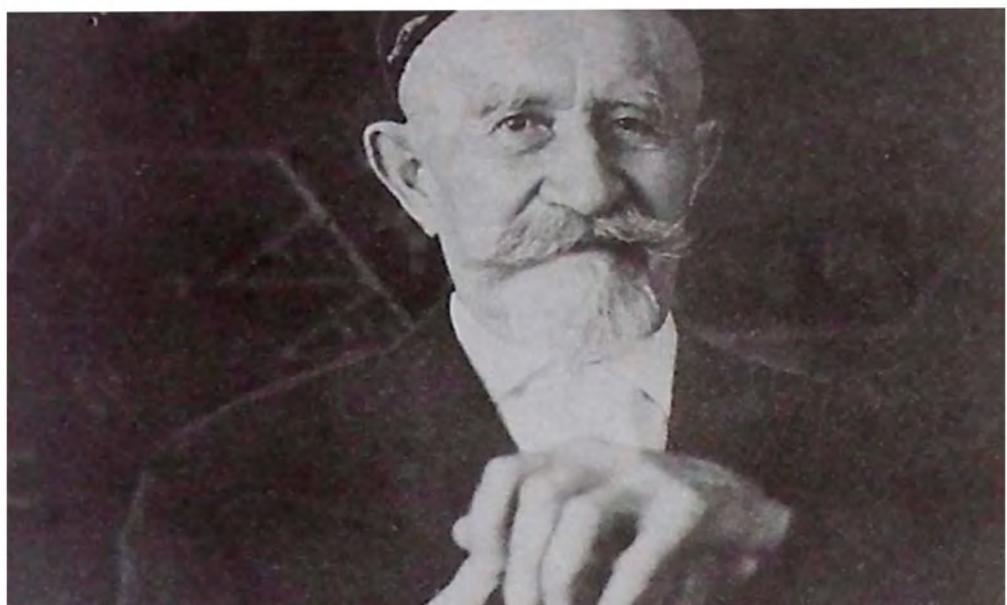


Динмухамед Ахмедович Кунаев.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДРЕВО Д.А.КУНАЕВА



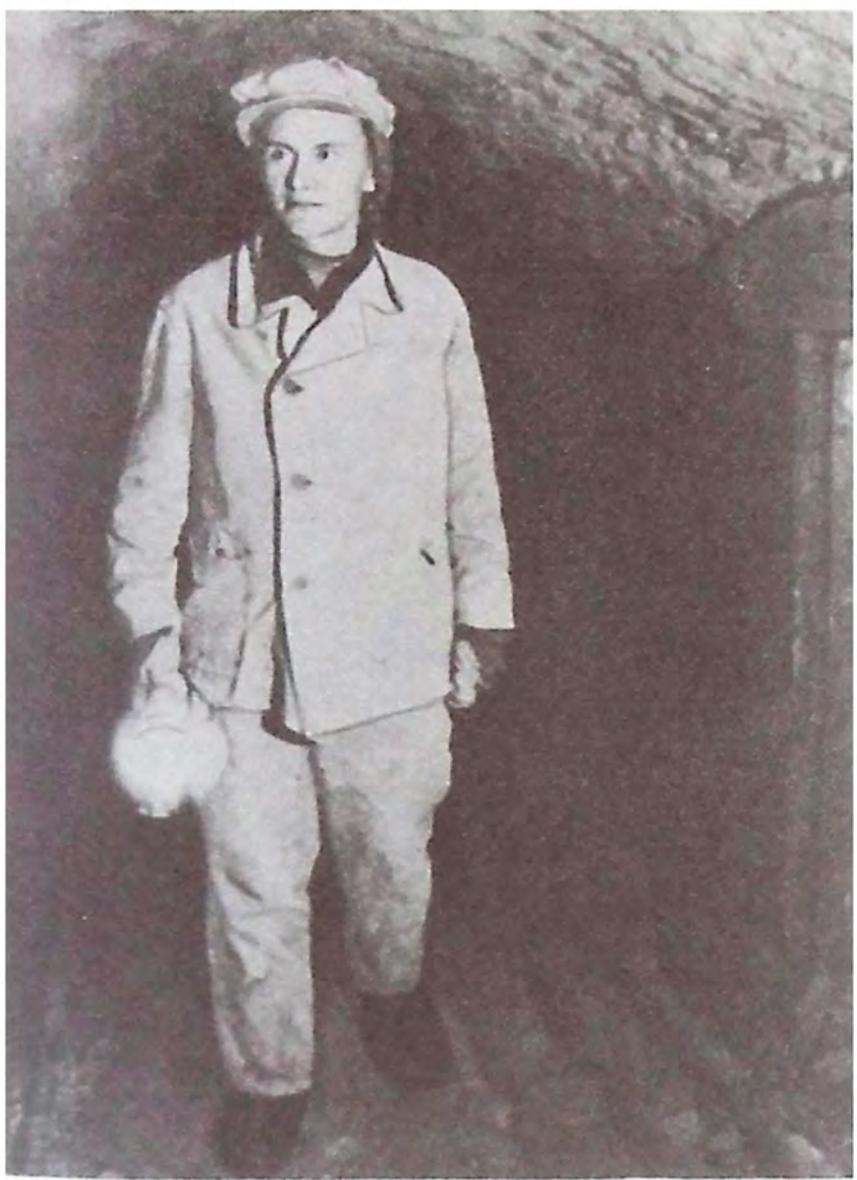
Генеалогическое древо Д. А. Купаева.



Отец Д. А. Кунаева.



Мать Д. А. Кунаева.



Помощник бурового мастера.

SOTSIJALISTIK QAZAQSTAN

9-YJIL

Одан
№ 101 шебе 1937-жыл
© ©

ДОСТАВКА НАДЫРДА
Одан жарында 1000 шт.
Одан жарында 1000 шт.

БК(а)РПН Өрталық Комитеті.
СТАЛИН ғолдаста
Партияның Мәдениеттің актілінің өміршілігінде
Малды 18-20 миллионда
жеккізүйдің қамті

SSSR-деги Өрталық Айдару
Комитеттің 4- sessijasында
Аудија заһын өзеттевін іске
гағысынан басталып етілген көрек



Статья о Д. Кунаве — стахановце (1937 г.)



Д. А. Кунаев в юности.



Д. А. Кунаеву 25 лет



Президент Академии наук Каз.ССР.



Все хорошо.



Один миллиард пудов.



У карты республики.



Слушать и слышать.



А годы бегут...



На пенсии.



Неумолимый бег времени.



Последняя прижизненная фотография.



Барельеф на доме, где последние годы жил Д. К. Кунаев.



А. А. Кунаев рядом с М. И. Калининым после вручения медали «За трудовую доблесть» (1938 г.).



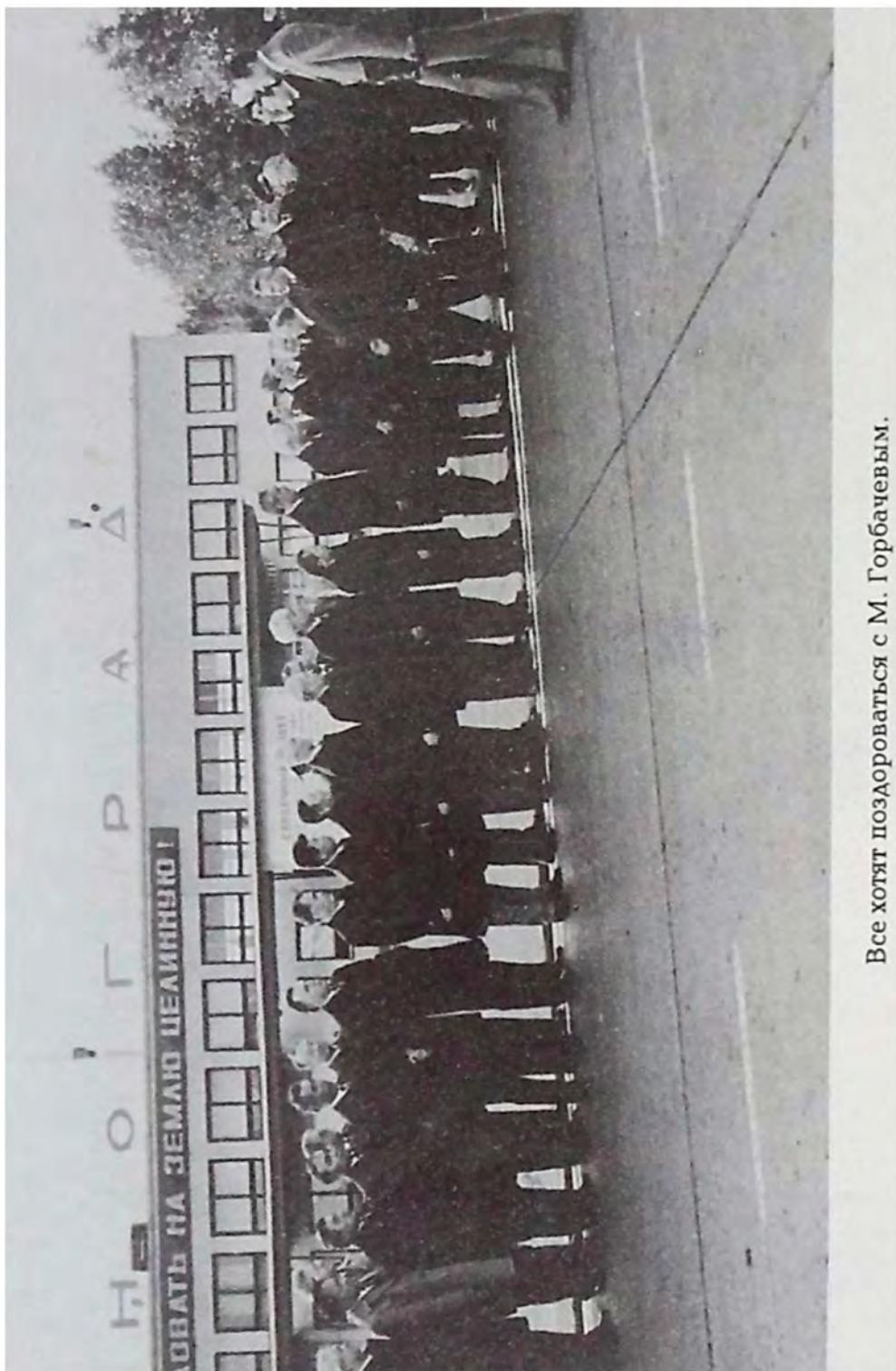
С Н. С. Хрущевым во время декады в Москве. (1958 г.)



Встреча друзей.



В резиденции Б. Ашимов, Л. Брежнев, Д. Кунаев.



Все хотят позадороваться с М. Горбачевым.



Директор Шортандинского института М. Сулейменов рас-
сказывает о своем хозяйстве М. Горбачеву, Д. Кунаеву,
Н. Назарбаеву и сопровождающим их лицам.



С Г. Романовым на крейсере „Аврора“.



И в самолете работа.



Встреча с лениногорцами (1982 г.)



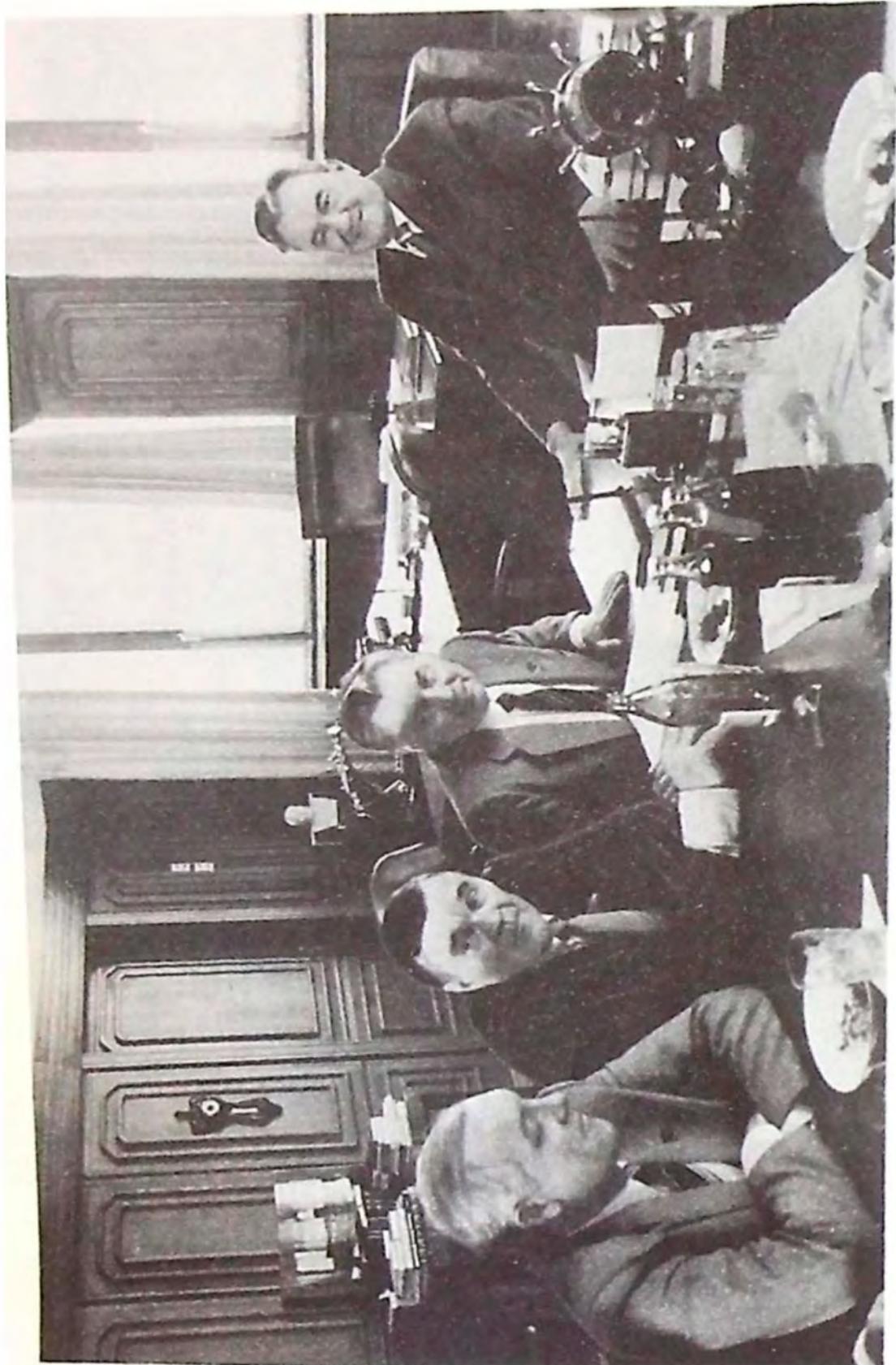
Встреча в Джамбуле.



Встреча с чимкентцами.



На празднике 60-летия Украинской ССР.



Встреча с деятелями литературы и искусства.



Бързина с артистки от МХАТа



На открытии музея.



Так встречали нас в Бишкеке. А. Н.



В доме у Шарафа Рашидова (г. Ташкент, 1992 г.)



Среди близких родственников.



Бывшие члены Политбюро...



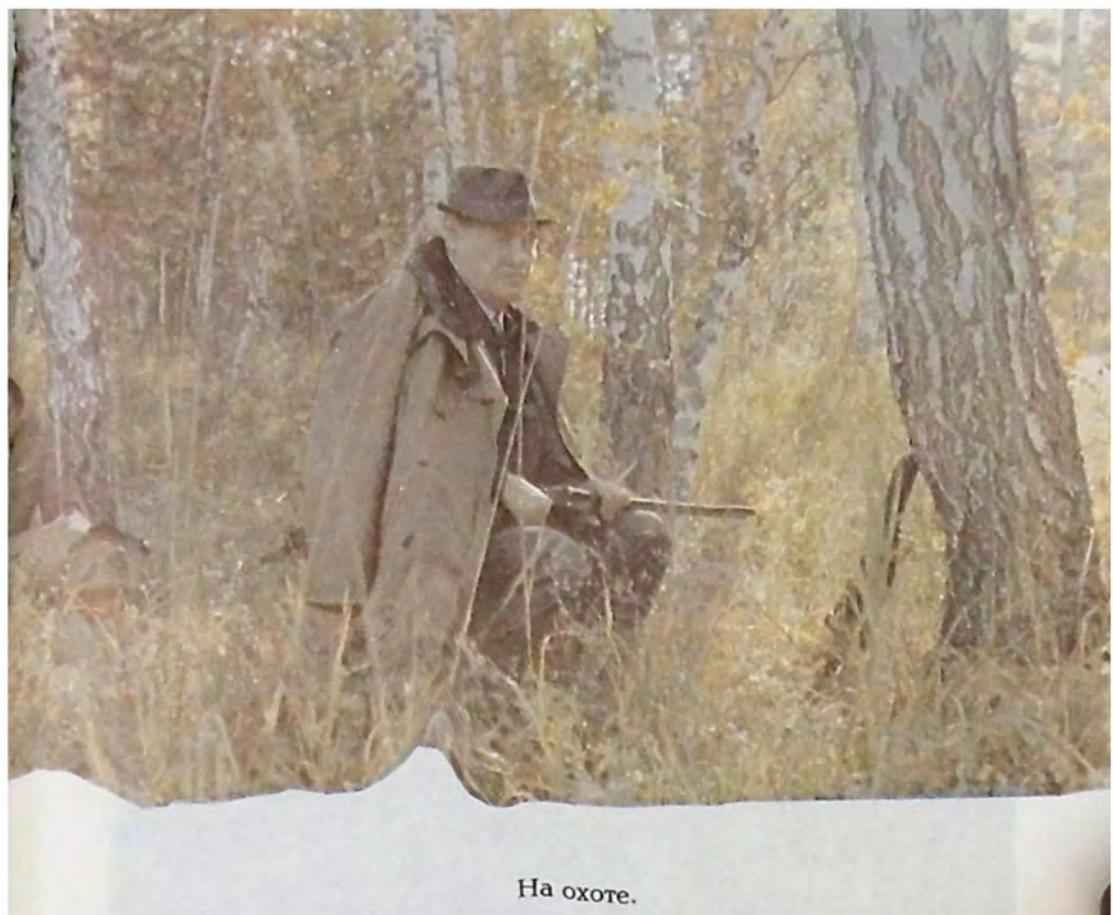
С Зухрай Шариповной.



С Зухрай Шариповной.



Встреча с полеводами.



Ha oxore.



Д. А. Кунаев и Г. И. Толмачев.



„Аллах акбар!“



Как молоды мы были... (1939 г.)



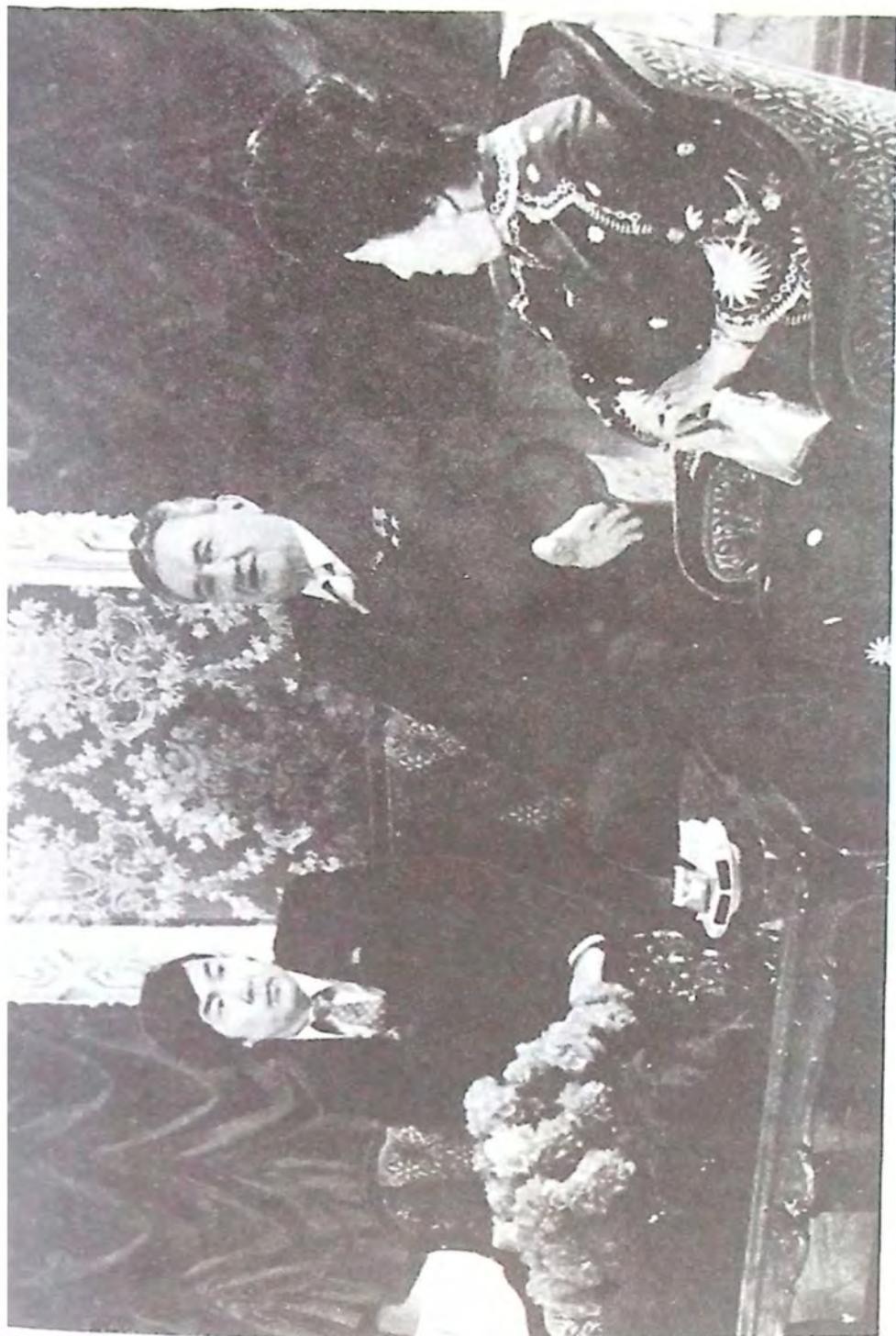
Среди родственников и друзей.



Зухра Шариповна Кунеева (любимый снимок Д. А.)



С племянниками Эльдаром и Диаром.



С О. О. Сулейменовы.



Вальс... Остановитесь, годы!



За работой с племянником Диаром.



Здравствуйте! Мы — Кунаевы.



Пусть вам всем, казахстанцам, будет хорошо!



Мы всегда ждали вас в гости.

По-моему, лишь по настоянию врача, Димаш Ахмедович с сожалением передал ему свое ружье и направился к машине. Скажу так: особенно мне понравилось в этой охоте то, что добытых им фазанов Димаш Ахмедович поделил поровну между теми, кто стрелял, или, как я, носил безмолвную берданку.

Раньше, когда Кунаев охотился в заповедных или полузаповедных местах, то убитым, например, кабаном или маралом, он распоряжался весьма оригинально. Вызывал егеря, просил взвесить добычу и говорил:

— Сегодня же отвезите в магазин „Природа“.

И еще об охоте. Он был явным противником шумных свит, многогодовых пикников. Охоту он считал активным и самым увлекательным отдыхом на природе. И выезжать табором за удовольствием он никому не позволял.

Однажды в Целинограде Кунаева пригласили на охоту. Он согласился. Под разными предлогами сопровождать его к озерам вызвались человек пятьдесят: вся местная поменклатура. Приехали на место, Кунаев добродушно обозрел пузатое войско, сжимающее в руках грозное оружие, и сказал:

— Прошу предъявить охотничий билеты.

Растерянные улыбки. Замешательство. „Видимо, товарищ Кунаев шутит?“ Но товарищ Кунаев не шутил и обратился к миллицейскому генералу:

— Проверьте, пожалуйста, охотничий билеты. Ну, а у кого нет — охота отменяется. Начнем с меня. Вот мой билет.

Кавалькада машин вернулась в Целиноград. И во всех разговорах: какой билет? Мы его и в глаза не видели.

На охоте с Кунаевым остались три или четыре человека...

III

Кунаев был очень открытым и душевным человеком. Одного он никогда себе не позволял: пожаловаться, что ему в какие-то дни или часы очень плохо. Даже самые близкие люди никогда не слышали от Кунаева жалоб на здоровье, на человека, причинившего ему боль, наконец, на удары судьбы. А они были и выпадали на его долю куда чаще, чем на простого смертного. Но он всегда был ровен, доброжелателен, невозмутим. И будто не над ним пронеслись враждебные вихри и бури.

Следует отметить и такую черту Димаша Ахмедовича: последнее слово он всегда оставлял за собой. Так было и на всевозможных совещаниях-заседаниях, так было, когда он став пенсионером, только по необходимости покидал свою квартиру.

— Через три дня я поеду в Турцию,— сказал он как-то за обедом.— Со мной поедет Диар (племянник) и Ахат Аминович (врач).

Как мне потом признавались его близкие, никому и в голову не могло прийти, чтобы возразить Димашу Ахмедовичу. Его слово — закон.

— Я приглашен в Чимкент и Узбекистан,— сказал он в другой раз.— Со мной поедут Эльдар (старший племянник) и, как всегда, врач.

И снова — полное согласие. Хотя все трое имеют постоянную работу, у кого-то из них могут возникнуть сложности с поездкой — никакие причины, простите, в расчет не принимались. Да они и никогда не высказывались.

Что это было? Строгость? Уверенность в своем непоколебимом авторитете? Наверное, и то и другое. И еще я думаю, пройдя через самые суровые испытания, (вспомним название его последней книги: „От Сталина до Горбачева“) Димаш Ахмедович разучился, а может, и не хотел показаться среди родных и близких сентиментальным человеком. Но это не значит, что он сохранил „командирские“ привычки по отношению к своим соратникам или даже ученикам. Многие из них, увы, в конце восьмидесятых предавали его устно и печатно. А потом, спустя годы, спокойно шли за гробом Кунаева, прикладывая к сухим глазам носовые платочки.

И это еще одна из причин замкнутости и в какой-то степени уединенности Кунаева в последние годы. Он знал: удар по открытой душе во сто крат болезнее. Потому и старался не раскрываться, кому не доверял. Поэтому и строжился среди самых верных и близких людей...

Министр иностранных дел Республики Казахстан Канат Саудабаев (сейчас он посол в Великобритании) рассказал любопытную историю. В ту пору он был послом Казахстана в Турции. Совершенно случайно из какой-то газеты он узнал, что в Анкаре находится Д. А. Кунаев. Посол примчался в гостиницу к Кунаеву и с обидой сказал:

— Как же так, Димаш Ахмедович, вы неделю в Турции и даже ни разу не позвонили?

— Стоило ли пенсионеру отвлекать посла от международных дел?

— Но ведь это несправедливо! Один из самых известных в Казахстане политиков и вдруг стороной обходит посольство.

— Значит, не захотели сообщить в посольство, что я приезжаю в Турцию. А мне не к лицу напрашиваться, годы не позволяют.

— Когда Вы улетаете?

— Завтра. Но не беспокойся, Канат, наши турецкие друзья были очень гостеприимны. Мы всем довольны.

Канат Бекмурзаевич умолк. И по этой недосказанности я понял, что он винит себя за то, что по чьему-то умыслу не смог достойно встретить Кунаева. А ведь то была последняя заграничная поездка Димаша Ахмедовича.

Человек, у которого были тысячи единомышленников и сотни учеников...

IV

Дружеских застолий, особенно в поездках, было много. Димаш Ахмедович с удовольствием принимал в них участие. Добрел за столом, расслаблялся. Сам спиртного практически не употреблял, (глоток — два коньяка), никого не заставлял пить до дна, но и никогда не укорял тех, кто рюмки опорожнял досуха.

Встречали Кунаева в городах и райцентрах с раннего утра. Раскладывалась аппетитная снедь на багажниках „Волг“ или легких столиках. Спиртного — на любой вкус. Никто, конечно, с утра не злоупотреблял. Нюхнут сопровождающие коньяк или „посольскую“ и почти нетронутыми ставят рюмки на стол.

Одна подставка, другая, третья... Время к обеду, пора бы и разговеться. Но я креплюсь и как Димаш Ахмедович смачиваю в рюмке лишь губы. Кунаев, разумеется, все видит и как бы между прочим говорит:

— Что-то я вас сегодня не узнаю, Геннадий Иванович!

Я бодро отвечаю:

— Димаш Ахмедович, как только вы начинаете меня узнавать — меня не узнает жена.

Вспоминаются случаи на днях рождения Кунаева. В последние годы гостей было великое множество. Столы накрывались в прихожей, на кухне, а за главным дастарханом, в зале человек сто. Много знаменитых людей: министров, академиков, артистов. И почти все под тосты

отхлебывают граммов по десять. Но ведь тостов, как минимум, пятьдесят. Умножьте-ка...

В перерыве ко мне подошел Димаш Ахмедович и негромко сказал:

— Геннадий Иванович, я хочу с вами выпить!

— С превеликим удовольствием, Димаш Ахмедович! — немедленно отозвался я, слегка удивившись его желанию.

Мы зашли в его кабинет, на столе два фужера, наполовину заполненные смирновской водкой, закуска. Поднимаем бокалы и...

— До дна, — советует Кунаев. — Здесь ваша жена не увидит.

Я не без удовольствия подчиняюсь. Кунаев отпивает глоток и ставит фужер на поднос. Когда все гости собираются в зале, Димаш Ахмедович интересуется:

— Как настроение, Геннадий Иванович?

— З-з-замечательно, — бодро отзываюсь я. Жена косится, удивляясь где это я изрядно хлебнул.

Но это так, в порядке исповеди. Любил он, чтобы всем с ним было хорошо. Главенствовал за столом, конечно, всегда Кунаев и тосты в свой адрес воспринимал без эмоций, почти равнодушно. Любил острую шутку, к месту рассказанный умный анекдот. Смеялся заливисто, чуть откинувшись в кресле. Часто и сам вспоминал забавные или курьезные случаи. Но если его персонажи представляли в невыгодном свете, никогда не называл ни имен, ни фамилий.

Мне самому приходилось слышать смешные истории, где одним из героев был Димаш Ахмедович. Ну, вот хотят бы такие.

В первые годы освоения целины Кунаев часто бывал в северных областях республики. Летит он однажды на самолете — не то „Ли-2“, не то „ИЛ-14“, высота не ахти какая, смотрит в иллюминатор и вдруг видит на земле явную несуразицу: с одной стороны золотится густая пшеница, а чуть дальше, через межу почти лысые поля. Сразу и не понять: или это граница между совхозами, или между районами. Кунаев поворачивает голову и бросает через плечо:

— Срочно. Карту.

По рядам понеслось: „Срочно, для Кунаева карты“.

Проходит минута-две и перед Кунаевым появляется фигура с застенчивой улыбкой.

— Извините, Димеке,— говорит он.— Карты нашел, но они не новыс.— И достает из кармана колоду игральных карт.

Димаш Ахмедович не понимающими глазами посмотрел на усмехливого исполнителя и спросил через плечо:

— Я что просил? А что принесли!

Сзади тихая паника и приглушенный голос:

— Ошибочка вышла.

А усмехливый исполнитель в полупоклоне держит потрепанную колоду карт. Но сыграть ему не пришлось. Не знал он, что Кунаев в карты не играет. И никогда не играл.

Другой случай пожестче.

В одной из областей пропал первый секретарь. Ищут день, еще день — тот, как сквозь землю провалился. По известным партийным каналам, наконец, находят пропажу. Загуляла эта пропажа да так лихо, что всей компанией счет дням потерял. Кунаев приказывает: „Завтра ко мне. В десять ноль-ноль”.

Представляю, какого страха натерпелся за ночь первый секретарь, какие кары ему мерешились, но в условленный час помощник доложил: такой-то в приемной.

— Пусть войдет,— разрешил Кунаев.

В кабинет бочком протиснулся первый секретарь и замер у двери. Кунаев долго смотрел на провинившегося. Тот опустил голову.

— Все понял? — спросил Кунаев.

— Все понял.

— Возвращайся в область.

Не знаю, так это или не так, но после той „взбучки” областная партийная голова и на дух не принимала спиртного. Впрочем, после ухода на пенсию, говорят, развязал. В Москве...

Меня вправе спросить: зачем я это рассказываю? Ну, наверное, для того, чтобы Д. А. Кунаев был не „небожителем”, а обычным человеком с трудной и счастливой судьбой. И что с ними, с великими людьми случаются ситуации, которыми полна наша необыкновенная жизнь. Наконец, это тоже штрихи к портрету Димаша Ахмедовича и они в известной мере отражают стиль его работы.

...Говорят, жизнью, судьбой человека управляет Его Величество Случай. Так ли это? По-моему, да. Примеров тому миллионы. В каждой судьбе. Однажды на глаза Куневу попалось сообщение из секретного вестника ТАСС. В нем говорилось: через десять дней через Атлантику поле-

тиг сверхзвуковой самолет „империалистов“ „Конкорд“. Кунаев подумал: „А наш“ ТУ-144 „где-то застрял“. В это время познакомил Брежнев. Поговорили о делах, о новостях и между прочим Димаш Ахмедович сообщил Брежневу о „Конкорде“.

— Наш-то почему застрял? — повторил Кунаев свою мысль.

— Это не плохая идея, — сказал Брежnev. — Разберем-ся.

Разобрались и через три дня „ТУ-144“ взмыл в стратосферу. И прямым ходом направился в Алма-Ату. „За не-плохую идею“. Это была первая регулярная линия сверхзвукового самолета. Между Москвой и Алма-Атой. А главное — угорели нос империалистам.

Кстати, руководителям государства и партии на этом самолете летать было запрещено. Еще грохнется, мол. Машинистка-то мало обкатанная.

Недолго бороздили в пятом океане и „Конкорд“ и „ТУ-144“. Но мы были первыми...

V

О государственных наградах, которых он был удостоен, Д. А. Кунаев в своих мемуарных книгах из скромности умолчал. А сказать о них, думаю, крайне необходимо. Тем более, что сам Димаш Ахмедович относился к наградам с должным почтением, но иногда в довольно едких выражениях рассматривал их, как должностную премию. Итак, всем известно, что Д. А. Кунаеву трижды присваивалось звание Героя Социалистического Труда. (Заметим, что он был единственным из пятнадцати руководителей республик, кто удостоился такой чести). Восемь раз Кунаев был награжден орденом Ленина. Далее следуют: орден Трудового Красного Знамени (1945), орден Отечественной войны 1 степени; медали: „За трудовое отличие“ (1938), „За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны“ (1945), „За трудовую доблесть“, три юбилейных медали.

Награждался Д. А. Кунаев и иностранными орденами: Чехословакии, Кубы, Монголии, Кореи, Болгарии.

А теперь расскажу о неизвестных доселе фактах. С удивлением я узнал, что Димаш Ахмедович дважды отказывался от высоких государственных наград: от ордена Ленина и ордена Октябрьской революции. И соответству-

ющими Указы, как положено, были подписаны, но Кунаев сумел убедить Москву, чтобы в эти разы награды прошли мимо. На мой вопрос „почему?“ Димаш Ахмедович невозмутимо ответил:

— Помните присказку: города берут генералы, а проигрывают сражения армии. Так вот, в Москве, я считаю, с какой-то лихой щедростью стали раздавать награды. Получил Казахстан миллиард пудов хлеба — держи, Кунаев, орден. На следующий год республика выполняет обязательства по мясу — опять награда. А руководствовались чем? Нельзя, дескать, обойти вниманием первого руководителя республики, в успехах и его заслуга. Как генералу за взятие города. Может, оно и так, но почему обязательно орден? — Он улыбнулся. — Подарили бы, к примеру, велосипед, как это делалось в довоенную пору, или ружье. Поэтому, дорогой, я и отказался.

В последнее время я не раз слышал версии о том, что мол, третья Звезда Героя пришла к Кунаеву какими-то окольными путями. Слухи слухами, но истину я решил выяснить у самого Димаша Ахмедовича. Он сказал:

— В день моего семидесятилетия (12 января 1982 года) по Алма-Ате, да и по всей республике разошлась новость, что Кунаева наградили орденом Октябрьской революции. Кое-кто бросился с поздравлениями. Я пожимал плечами, потому что по моим сведениям в Указе говорилось об ордене Ленина. После обеда мне позвонил Константин Устинович Черненко. „Поздравляю,— объявляет он на повышенных тонах,— сверли в пиджаке дырку для третьей Звезды“. „Как жс так? Мне сообщили...“ А он и слушать не стал. „Переиграли,— отвечает,— сам лично подписал“. Сам — это Леонид Ильич. Награде я обрадовался, но, скажу по секрету, в душе какой-то осадок остался. Из-за несогласованности, из-за ненужной суеты. Вот и все. Развеял я Ваши сомнения?

— Развеяли, Димаш Ахмедович...

VI

Ехали мы однажды в Чилик и где-то по середине дороги увидели стрелку-указатель, предлагающую свернуть направо, и надпись: „оз. Иссык“. Перед глазами сразу встала изумительной красоты полная водная чаша в обрамлении зеленых гор. Я ударился в воспоминания и рассказал Димашу Ахмедовичу и Олжасу историю,

приключившуюся со мной в Японии. Вкратце ее суть в том, что японские гиды решили удивить нас и показать восьмое чудо света. Привезли. Показали. Мы, алматинцы, обалдели от увиденного. Восьмое чудо света оказалось знаменитым японским озером Тюнџюэндзи. Но обалдели мы не от прекрасного видения, а потому, что это озеро — стопроцентный близнец нашего Иссыка. И голубизна воды, и очертания берега, и тысячи высоченных елей на горах, наконец, размеры озера — ну точь-в-точь наш Иссык. Мелькнула шальная мысль: не умыкнули ли шустрые японцы наше озеро? Нет, не умыкнули. Но как всякой дорогой жемчужине придали столько блеска и лоска — залюбушься. Более двадцати многоэтажных отелей, сотни ресторанов и кафе, несметное количество сувенирных магазинов и лавок. Вот вам, как говорится, и Тюнџюэндзи!

А наш Иссык в пору расцвета насчитывал всего один вечно забитый ресторан и гостиницу коек на двадцать. И это под боком с миллионом жителей Алма-Аты.

— Димаш Ахмедович, — объявил я в конце своего рассказа, — ну неужели Вы, бог и царь, и Первый секретарь в Казахстане не могли обустроить Иссык по мировым стандартам?

Кунаев улыбнулся необычному титулу, в который я его возвел, покачал головой и сказал:

— Конечно, была такая идея. И мы много ломали над ней голову. Протянули туда асфальтированную дорогу, линию электропередач и я, сказать по совести, с дальним прицелом пригласил на Иссык Алексея Николаевича Косягина. И случилось самое невероятное: в день, когда мы с Косягиным и его внуком Алексеем приехали на Иссык, на него обрушился сель тысячелетия и выплеснул озеро. Мы сами чуть не погибли. Случилось это 7 июля 1963 года...

День был ясный. Тысячи отдыхающих. Кортеж правительственные машин проследовал к пристани. Косягин вышел из „Чайки“ и, буквально, замер. Потом сказал: „Такого я еще не видел, Димаш Ахмедович!“

И еще долго стоял, не спуская глаз с озера, его окрестностей, обняв за тлечи внука. На противоположном берегу готовились шашлыки и другие яства, вот-вот должен был причалить белый теплоходик. Вдруг высоко в горах раздался грохот. Темное облако стремительно неслось к озеру. Гул нарастал и вот громадный и тяжелый коричне-

вый поток ворвался в озеро. Вспыхнула неимоверной высоты волна. Она подминала лодки с отдыхающими, как спичку переломила речной трамвай, летела к пирсу... А Косыгин — ни с места, стоит, как завороженный.

Секунд на двадцать высокие гости опередили страшную волну и через пять секунд после того, когда они на предельной скорости проскочили мост, он рухнул.

Иссыка не стало...

— Мы много думали, — продолжал свой рассказ Кунаев, — как восстановить Иссык. И набрали много идей. Но нужны время и деньги. А вообще-то я всегда был сторонником того, чтобы люди могли отдыхать не хуже богачей. И почти за бесплатно. Для любителей коньков — Медео, лыж — Чимбулак, для пловцов — Комсомольские озера, Сайран, Капчагай, зона Большого алма-атинского канала...

— Но ведь сегодня все это в плачевном, а то и в антисанитарном состоянии?!

Кунаев долго молчал, а потом приглушенным, негромким голосом сказал:

— К сожалению. У Казахстана сейчас другие заботы. Да и партии у вас такой нет, чтобы о людях думала. Я правильно говорю, Олжас?

Олжас в карман за словом не полез.

— Есть такая партия! Народный Конгресс Казахстана! — мгновенно ответил он и мы дружно рассмеялись его находчивости.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ А. Г. СТАТЕНИНА, БЫВШЕГО УПРАВДЕЛАМИ ЦК КП КАЗАХСТАНА

Десять лет назад ушел из политической жизни видный деятель Коммунистической партии и советского государства Димаш Ахмедович Кунаев. С его именем как бы закончился один из этапов становления и развития Казахской Советской Социалистической Республики Казахстан.

В последнее время, в минуты отдыха он частенько, как бы подводя итоги, вспоминая былое — перечислял сделанное для республики и для народа Казахстана. Предметом особой гордости назывались построенные гиганты индустрии — целые города.

Особой заботой у Димаша Ахмедовича всегда была целина, люди целинные. Он знал там многих по имени. Знал их нужды и проблемы, помогал.

С Кунаевым Д. А. мне привелось поработать около 20 лет. Сначала в должности первого заместителя председателя Алмаатинского горисполкома, а затем — управляющим делами ЦК Компартии Казахстана.

В то время Алма-Ата начала бурно строиться. Поднимался текстильный комбинат, строились первые микрорайоны, новые дороги, подземные переходы, для оздоровления воздушного бассейна ликвидировалось более 500 локальных котелен.

Работая в горисполкоме я знал, что для Алма-Аты в Москве ведется проектирование крупного объекта для проведения съездов и других мероприятий республиканского уровня.

Однажды позвонил Димаш Ахмедович и попросил зайти к нему в 14 часов. В кабинете никого не было, я увидел черные подрамники какого-то проекта с изображением большого купольного здания. Он сходу спрашивает: „Ну что, нравится?“ Я промолчал. Он тогда говорит: „Москвичи предлагают построить такой дворец для съездов, а наши архитекторы его забраковали и подготовили другой вариант, вот этот“. Рядом стоял схематический набросок другого здания. „Как считаешь, поддержим своих архитекторов?“ Поддержка со стороны горисполкома в этот момент заключалась в быстрой очистке участка застройки от строений, проведения работ с городскими коммуникациями. Так рождался Дворец им. В. Ленина — уникальное по тем временем сооружение.

За время работы управляющим делами ЦК мне в основном приходилось заниматься строительными вопросами. В семидесятых годах партийные органы республики размещались в приспособленных зданиях, не имели никакой своей обслуживающей структуры, как-бы квартировали у местных советских органов. В то же время в других республиках и областях начали создаваться комплексы зданий только для обслуживания работы партийного аппарата.

В одной из бесед Д. А. Кунаев попросил уточнить в Москве — может ли партбюджет поддержать строительство крайне необходимых зданий: речь шла о здании ЦК, партийной школе, архиве и Дома отдыха в Алма-Ате.

Д. А. Кунаев обещал сам поговорить об этом с Л. И. Брыжневым.

Прошло какое-то время, но из аппарата ЦК КПСС никаких указаний на этот счет не поступало. Дело в том, что наш партийный бюджет был всегда дотационным. В 70-е годы дотация из ЦК КПСС составляла 35 процентов всех расходов Компартии Казахстана. А между тем, в здании, где тогда находился аппарат ЦК КПК (Дом правительства) большую часть здания занимал аппарат Совета Министров и Президиума, поэтому приходилось пере- ликовывать под кабинеты подсобные помещения даже туалеты. Так возникло предложение о солидной пристройке к Дому правительства. Когда я сказал об этом Кунасову, он немедленно поддержал эту идею.

Совместно с проектировщиками в недельный срок мы подготовили макет и представили его членам Бюро ЦК.

Как всегда нашлись возражающие: что, мол, здание теряет вид, что аппарат придется куда-то переселять и на долгий срок, что это парализует работу не только ЦК, но и правительства и тому подобное.

В конце разговора Д. А. Кунаев спросил: „Сколько времени потребуется на пристройку? Год, два, три...“ Пауза затянулась. Тогда он говорит: „Сегодня 20 марта — пристройку надо закончить к 1 января, аппарат никуда не переселять“. Такое силовое решение тогда никого не удивило. В ЦК КПСС отнеслись к нему с пониманием, тем более, что денег из партийного бюджета для этого не искали.

На следующий день Кунаев пригласил меня и по-отечески сказал: „Кто вносит предложения, тот его и выполняет. Возьми стройку на ежедневный контроль. При малейшей задержке — докладывай лично.“

К новому году, как и планировалось, всего за 9 месяцев была завершена эта стройка, получившая в целом положительную оценку специалистов-градостроителей.

Потом пришел черед здания института истории партии с партийным архивом, здание высшей партийной школы. Эти градообразующие объекты, расположенные в центре города, на виду у всех, вызывали пристальное внимание специалистов: кто хвалил, кто ругал эти объекты, но в целом они украсили проспект Абая.

Построенные только за счет партийного бюджета, они сегодня не могут конкурировать с роскошным убранством современных офисов и представительств. Хочу лишь за-

местить, что партия в то время очень рачительно расходовало народные деньги.

В августе 1978 года мы приступили к строительству нового здания ЦК, объемом 100 т. м³. При его закладке Кунаев заложил под фундамент специальный диск. За 2,5 года строители и проектировщики воздвигли это монументальное здание, ставшее украшением столицы. Кунаев тогда находился в Барвихе, все время звонил, беспокоясь, сумеем ли мы перевезти аппарат без единого дня потери в работе и не придется ли ему на 6 этаж ходить пешком.

Мы понимали, что его прежде всего заботит „авторитет“ партийного здания. Не дай Бог, как говорится, не включится отопление или откажут телефоны, электроэнергия? Злые языки непременно скажут, что это, мол, за партия, которая и себе-то дом построить не может?

Но все обошлось как нельзя лучше. Переехали в новое здание за один день, практически без замечаний.

Когда творческая общественность Республики решила представить работу по сооружению новой площади (теперь площадь Республики) и здания ЦК в комплексе на Государственную премию СССР, Димаш Ахмедович пригласил меня и сказал, что он лично поддержал мою кандидатуру на включение в список кандидатов в лауреаты.

В погожие октябрьские дни 1986 года Кунаев изъявил желание осмотреть строящийся партийный санаторий в поселке Калкаман. Осмотрев жилой и лечебный корпуса, столовую, кинозал, Димаш Ахмедович сказал, что ничего подобного не ожидал. Выполнено на уровне мировых стандартов, не стыдно сюда приглашать самых высоких гостей. Я спросил Кунаева, как назвать санаторий? „Назови — Ала-Тау, видишь как горы сочетаются с местом, где ты построил этот санаторий?“ Мы стояли на балконе одного из 300 номеров санатория — впереди открывалась величественная панорама...

Я тогда и предполагать не мог, что это последний объект для партийного аппарата, последний и для моей работы с Д. А. Кунаевым.

Димаш Ахмедович любил созидать, строить красиво, быстро и качественно. На его счету сотни, тысячи благородных дел для республики и народа Казахстана. Своим участием он мог не заставлять, а зажечь любого человека на благородное дело — созидание для народа.

...В моем понимании Д. А. Кунаева заслуженно называли главным архитектором республики. Ни один сколько-

нибудь значительный проект в Алма-Ате и ли в других городах непременно представляли ему для ознакомления и благословения. Причем он принародно, в окружении архитектурных и крупных строительных боссов мог не возражать против представленных предложений, а потом после дискуссии высказывал критические замечания, причем иногда очень резкие. Так был предан, например, забвению проект москвичей о строительстве в Алма-Ате монорельсовой дороги взамен метро. Когда он принимал решение, его было невозможно пересубедить, даже если было очевидным ошибочность решения.

Многие природоохранные организации, писательские авторитеты, творческая интеллигенция встали, как говорится, „на дыбы“ против строительства Капчагайской ГЭС, перегородившей реку Или. Но Кунаев был непреклонен и последнее слово осталось за ним.

В другом случае его нерешительность чуть не привела к катастрофе. В 1974 году, когда только закончилось строительство высокогорной плотины на „Медео“, грянул сильный селя. Сель оказался очень грозным. Он быстро в течение 12 часов заполнил созданное за плотиной селехранилище, забил грязью построенные пропускные сооружения, грязекаменный поток быстро прибывал к верхней бровке плотины. Прибыв на плотину в 12 часов ночи, Д. А. Кунаев в окружении министров, других руководителей пытался на месте оценить обстановку и решить — что делать? Вода тем временем прибывала прямо на глазах. Кто-то среди присутствующих попытался внести „ценное предложение“, мол, давайте по верху плотины уложим лотки и пусть водичка скатывается вниз. А плотина в средней части ее тела стала промокать, сигнализируя о том, что еще напор и вся эта машина земли и камней рухнет. Последствия в случае обрушения плотины были бы настоящей катастрофой для Алма-Аты.

Вспоминая, как нам пришлось срочно сооружать гибкие резиновые сифоны для сбрасывания вод с ледниковых маренных озер в русло Малой Алматинки, я посоветовал собравшимся для откачки воды из селехранилища воспользоваться таким же способом, но сифоны сделать на этот раз из металла. Кунаев уехал, не приняв на месте никакого решения, за ним разъехались и все остальные. Только к концу следующего дня идея сооружения металлического сифона была принята, сделан расчет сечения труб, мощность земснаряда и закипела работа. Со

всех концов страны срочно подвезли стальные трубы, сотни сварщиков были брошены на плотину. Успели закачать воду в стальной сифон, сбросили и спасли таким образом плотину от неминуемого разрушения. Работа велась день и ночь. Многие принимавшие участие в этом аврале заслуженно получили премии и награды, а Димаш Ахмедович — инфаркт миокарда.

В минуты отдыха Д. А. Кунаев любил шутки, прибаутки, умел от души смеяться, заражая своим весельем других. Когда давал напутствие подчиненным на решение или исполнение какого-либо серьезного дела, полусерьезно, полушути любил приводить поговорку: „Не уподобляйся той невесте, которая на своей свадьбе пукнула“.

Димашу Ахмедовичу приходилось постоянно быть готовым к различного рода интервью, беседам, выступлениям. Справки и тексты к ним готовили помощники и все отделы ЦК. Однажды после выступления на очередном кремлевском мероприятии, он был сильно расстроен и угнетен. Оказывается, после выступления к нему подошел В. Щербицкий и сказал, что часть выступления Кунаева переписана из украинской газеты. Такая „подставка“ закончилась серьезными перестановками в аппарате ЦК.

Еще случай. Республика в очередной раз доложила о сдаче в закрома государства миллиард пудов казахстанского хлеба. Когда наша делегация прибыла в Москву на пленум ЦК, помощник Брежнева позвонил Кунаеву и сообщил, что до миллиарда не хватает 20 миллионов пудов зерна. И это факт станет достоянием участников пленума, если до конца суток не будет подтверждена дополнительная сдача. Трудно сказать, чем бы все это закончилось, если бы не... импортная зажигалка. Дело в том, что области отчитались по хлебу и им нечего было дополнительно сдавать. Кроме Кустанайской области. Тогда мы с помощником Кунаева пришли к А. Бородину — первому секретарю обкома партии с целью упросить его сдать эти недостающие пуды.

Бородин никак не соглашался, упирая на то, что у него в области хлебосдача завершена и хлеба больше нет. Было выпито немало спиртного, но результата пока не было. Бородин стоял на своем, видимо, ожидая и надеялся, что его попросит САМ. Время уже за полночь.

Я знал, что Бородин страшно любит разные зажигалки, особенно импортные. У меня была такая зажигалка. Уходя

я подарил ему ее. Ничего, кроме спасибо, не сказал Бородин. Но спасибо было сказано со значением.

Когда мы вернулись в гостиницу, Д. А. Кунаев спросил: как нам удалось уговорить Бородина. Я сказал, что помогла зажигалка!..

КАК РАБОТАЛО ПОЛИТБЮРО РАССКАЗЫВАЕТ Д. А. КУНАЕВ

Проекты решений Политбюро готовились в общем отделье ЦК и раздавались членам Политбюро заранее. Эти проекты глубоко и тщательно изучались, порой вместе с авторитетными специалистами, и лишь потом член Политбюро был готов аргументированно, со знанием дела отстаивать свою точку зрения. Отмечу, что на Политбюро практически не поднимались проблемы, при обсуждении которых можно было бы занять обывательскую позицию: мол, моя хата с краю. Страна была таким могучим и чувствительным организмом, что сбои, болячки в одном регионе незамедлительно отзывались потерями, а то и сокрушительными убытками в других. У Политбюро была главная функция — стратегическая. А это значит, — прогнозировать, просчитывать, предугадывать последствия того или иного решения. Были ошибки у Политбюро? Безусловно. И никакие академии, никакие компьютеры не могли дать стопроцентных гарантий в конечных положительных результатах.

От ошибок, конечно, никто не застрахован. Тем более, государство, партия, ее руководство, которые первыми на планете избрали путь социалистического строительства. На непроторенном пути много ужабов, препятствий, и тут важно не сбиться с намеченного курса, не шарахаться из стороны в сторону, а сверять каждый свой шаг с учетом исторических знаний и опыта. „Ну почему, — говорил я не раз и не два Брежневу, Косыгину и другим товарищам, — все наши программы, крутые повороты в экономике, партийной работе в тот же день и в тот же час начинают претворяться в жизнь сразу по всей необъятной стране? Создание и ликвидация совнархозов, промышленные и сельские партийные комитеты, та же борьба с пьянством... Чего, казалось бы, проще, если бы идеи внедрить для начала в двух-трех регионах страны, глубоко изучить все

плюсы и минусы нововведения и лишь потом голосовать на Политбюро "за" и "против". Дело не доходило бы до конфузов".

На заседаниях Политбюро, как правило, главенствовала уважительно-товарищеская атмосфера. Не было ни правоучений, ни демагогических заявлений — каждый говорил то, что думал и выступал без регламента и, конечно, никто не зачитывал заранее подготовленных речей. Генсек, Косыгин, Суслов, Громыко говорили, как правило, сидя. Во время выступлений с пониманием воспринимались реплики, как и везде, ценились здесь острое слово, юмор.

Рассматривались на Политбюро вопросы, которые затем попадали в папку с грифом „совершенно секретно“ и, понятно, для печати они не предназначались. Бывало и такое, что постановления, принятые на Политбюро, по разным причинам не выполнялись, хотя слухи о них будоражили общественное мнение. Так, например, произошло с принятым документом об образовании на территории Казахстана Немецкой автономной республики с центром в городе Ерментау (Целиноградская область). Это была очень острыя проблема, которая не потеряла свою актуальность и сегодня. Политбюро в ответ на многочисленные запросы, письма, предложения лиц немецкой национальности в итоге согласилось с их доводами и решило дать „добро“ образованию новой автономии. Но... Не успели, как говорят, просохнуть чернила на документе, как в ЦК Компартии Казахстана, в ЦК КПСС посыпались письма и телеграммы (и снова от лиц немецкой национальности) с просьбой не торопиться с образованием республики в Казахстане, ибо немцы намерены воссоздать свою автономию в Поволжье. Вспоминаю, что одним из инициаторов, требовавших приостановить решение Политбюро, был нынешний руководитель Акмолинской области Браун. Вот вкратце такая история приключилась с немецкой автономией. От себя добавлю: я всегда искренне и всем сердцем воспринимал заботы трудолюбивой немецкой нации, численность которой на территории нашей республики превышала в ту пору 800 тысяч человек.

Самым трудным и напряженным в Политбюро были дни, предшествовавшие очередному съезду партии. На заседаниях рассматривался будущий состав ЦК КПСС, ревизионной комиссии, предложенный республиканскими партийными комитетами и отделом организационно-партийной работы ЦК КПСС. Обсуждался на Политбюро и

отчет ЦК съезду партии. Не секрет, что этот основополагающий доклад готовился много месяцев. И конечно же, он не был личным творением генсека. Без преувеличения можно сказать, что к работе над докладом привлекались самые светлые головы нашей страны: ученые, специалисты, практики. Изучали его и мы, члены Политбюро. Вносили замечания, поправки, предложения, не обходилось и без острых споров. Потому что одна строчка в докладе могла решить судьбу отрасли, направления в науке, а то и целого региона. Затем доклад выносился на пленум, и только после его утверждения членами ЦК генсек поднимался на трибуну съезда.

В целом же, характеризуя деятельность Политбюро, отмечу: это было самое авторитетное и высококвалифицированное (несмотря на недостатки, ошибки, а порой, что греха таить, и интриги) содружество руководителей партии, правительства и государства.

Буквально две-три фразы о работе Секретариата ЦК КПСС. Подготовленные им вопросы, Секретариат выносил на рассмотрение Политбюро. При жизни Брежнева работой Секретариата всегда руководил М. А. Суслов, при Андропове Секретариат вели К. Черненко и М. Горбачев. Последний после смерти Андропова руководил им постоянно.

ВО ДНИ ТОРЖЕСТВ

У пенсионера много свободного времени. И особенно много его стало, когда каждый день в средствах массовой информации сообщалось, что причиной всех неурядиц в республике, безработицы, провалов был я, бывший первый секретарь ЦК КПК. Молчал телефон. Мои соратники, а то и ученики далеко стороной обходили квартиру, где я живу. Боялись, что их обвинят в сговоре с „бывшим“. Неприятно об этом вспоминать, но так было.

Если бы я вел дневник, когда возглавлял республику, то читать его было бы скучным занятием. Заседания, совещания, выступления, командировки... Изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год. Были, конечно, запоминающиеся и совсем нерадостные события. Например, в 1974 году после возвращения из Северного Казахстана сильно заболел (инфаркт). Через два месяца вошел в форму и

снова окунулся в работу. Опять пленумы, съезды, конференции...

В 1978 году, находясь на отдыхе с Зухрой Шариповой, мы получили известие, что в Алма-Ате, в оперативном (а точнее: в пожарном) порядке установили мой бюст, как дважды Герою Социалистического Труда. Как выяснилось позже, нас с женой хотели „приятно удивить и порадовать“ по возвращению из отпуска. Ну что ж, удивили...

Чтобы не возвращаться к этой теме, скажу так: если моя работа на благо и во славу Казахстана была оценена столь высоко — я счастлив. Значит, я был нужен, полезен своему народу. Другое дело, что я противник того, чтобы бюсты, памятники устанавливались при жизни. История, и только она, ставит памятники и все расставляет по своим местам. Мог я в то время воспротивиться установлению бюста? Конечно, нет. Это было бы, по меньшей мере, несерьезно...

Год 25-летия целинной эпопеи. Республика установила рекорд: продали государству 1 миллиард 262 миллиона пудов хлеба. Казахстан наградили орденом Ленина...

Последний раз Брежнев приехал в Алма-Ату в 1980 году, на празднование 60-летия Казахской ССР. Был он, конечно, не столь бодр и энергичен. Сказывались годы, болезнь. Но намеченная программа его пребывания была выполнена полностью: от возложения цветов к памятнику Ленина и мемориалу Славы до посещения объектов промышленности, строительства, быта... Провел он совещание в ЦК КПК. В один из дней он приехал к нам на дачу, где Зухра Шариповна угостила его вкусным обедом. Вечером он смотрел документальные работы киностудии „Казахфильм“. В какой-то момент я подумал, что вижу его в Алма-Ате в последний раз и, увы, оказался прав.

На наш праздник в Алма-Ату приехали Гришин, Романов, Щербицкий, Алиев, Машеров, Рашидов, Соломенцев, Бодюл, Усубалиев, Расулов... Был в делегации и М. Горбачев. Но он мне тогда не запомнился.

Глубоко убежден: у нас должно быть много праздников. Политических, государственных, народных, религиозных. (В последних, прямо скажу, мы никакого участия не принимали. Мы, коммунисты, сплошь и рядом были закоренелыми атеистами и наша вера коммунистическая не позволяла принимать другую. Сегодня я признаюсь: религиозные праздники — составная часть духовного совершенствования народа). Сейчас и слева, и справа раздается

критика: много, мол, во времена „застоя“ мы проводили юбилеев и праздников. Да, много работая, мы широко отмечали и праздники. И в наше время не было ни Нагорных Карабахов, ни Баку, ни Тбилиси, ни миллионов беженцев. Потому что каждый праздник ставил своей главной целью: служить сплочению народов.

Позволю себе маленькое отступление. В последние годы возродился прекрасный праздник — Наурыз. Вот только одного понять не могу: почему его празднует только казахское население? Неужели бы наши русские, немецкие, украинские братья отказались бы повеселиться на древнем мусульманском празднике? Нет, конечно. Но беда в том, что наши идеологи сидят в таких глубоких окопах, что у них нет времени и желания „подняться“ на этот праздник весь многонациональный народ Казахстана.

Вот, например, как праздновалось 250-летие присоединения Казахстана к России. Средства массовой информации, весь идеологический актив республики задолго до знаменательной даты провели колossalную работу среди населения и этот праздник стал желанным и близким для всех казахстанцев. Для участия в торжествах прибыли делегации со всех концов нашей Родины.

Торжественное заседание ЦК КПК, Верховного Совета с участием представителей партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций, воинов Советской Армии, космонавтов, делегаций Москвы, Ленинграда, всех союзных республик, а также Татарии, Башкирии, открылось во Дворце имени Ленина.

В своем докладе я отметил, что с высоты нашего времени особенно четко видна глубинная значимость присоединения казахского трудового народа к народам России. Историческая предопределенность этого единения идет от седой древности, от времен Киевской Руси, Дмитрия Донского, Ивана Грозного, Петра Первого. Только в лице прогрессивной России казахский народ видел надежную защиту и верного союзника. Только Россия могла, говоря словами Валиханова, „оказать реальную помощь и покровительство“. В докладе был показан исторический путь развития Советского Казахстана. В заключении было сказано, что вместе с русским народом мы прошли путь равный эпохам.

Юбилей завершился грандиозным праздником песни, танца и спорта на ледовом стадионе „Медео“ 12 июня, в котором участвовали 12 тысяч мастеров искусства и спор-

та, самодеятельных артистов, воинов Советской Армии, студентов, учащихся.

И могу с уверенностью сказать, что в республике не было ни одной сценической площадки, стадиона, парка, где бы в этот день не проходили торжества, концерты, массовые гуляния...

**ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ М.Ю. РАДЖИБАЕВА,
БЫВШЕГО ГЕНЕРАЛЬНОГО ДИРЕКТОРА
ОБЪЕДИНЕНИЯ „БАЛХАШМЕДЬ“**

Тесное общение с Д. А. Кунаевым у меня приходится уже на пенсионный период его жизни. Он живо и с глубоким пониманием интересовался делами Балхаша, где я в то время работал генеральным директором объединения „Балхашмедь“.

Особо в памяти сохранилась его поездка в Балхаш осенью 1993 года. Вылетели мы самолетом, который арендовало объединение, из Алматы утром. Откровенно говоря, первой моей мыслью было то, что самолет не отличался особым комфортом, неизвестно шумели двигатели, и я надеялся, что Димаш Ахмедович, учитывая его возраст, уснет, но надежда была напрасной.

Все два с половиной часа полета от Алматы до Балхаша Демике смотрел в иллюминатор, узнавал поля совхозов, фермы, поселки и подробно объяснял, кто и сколько чего производит, называя при этом фамилии и имена руководителей, вспоминал яркие события из их жизни. Тогда впервые я понял одну истину, над которой раньше не задумывался. Пролетая над бескрайними просторами казахской земли, я вдруг прозрел и понял, что все на земле живое, оно дышит, имеет свою неповторимую биографию, историю.

Когда самолет приземлился, первое, что мы сделали, — это посетили Коунрадский рудник — место, где начиналась трудовая деятельность Димаша Ахмедовича в качестве руководителя Удивительного было много, начиная со встречи Д. Кунаева со своими первыми коллегами — ветеранами Коунрада. Он их безошибочно узнавал, хотя не видел десятки лет. Поражало и то, что он каждого называл по имени или фамилии и при этом расспрашивал про де-

тей. И не общей фразой, а конкретно: „А ваш сын, по-моему, Александр, где он сейчас?“...

На борту карьера, который начинал вырабатывать Димеке, я почувствовал себя школьником-двоечником, так как он с удивительной точностью „нарисовал“ по горизонтали всю картину карьера. Его рассказ вызывал одобрительные взглазы комбинатовских горняков. Это какую же нужно, думал я, иметь уникальную память, не только фотографическую, а объемную, многомерную, которая сохранила и восхищала всех, кто знал Димаша Ахмедовича.

Много было в Балхаше интересных встреч, разговоров, воспоминаний — всего не перечтешь. Не раз и не два мне приходилось обращаться к Димашу Ахмедовичу за советами, и я всегда их получал. Советы были не казенные и давались они не менторским тоном, а доброжелательно, от души. Когда-нибудь, надеюсь, я подробнее расскажу о наших встречах.

Особо просится на бумагу случай, произшедший в этой поездке, когда мы посетили дом в Коунраде, где жил директор рудника Д. А. Кунаев. Он еще показателен и тем, что свидетельствует о высокой порядочности, интеллигентности Димеке, к тому же обладавшим исключительным чувством юмора.

Понятно, что перед приездом Д. А. Кунаева в Коунраде была проведена „определенная“ работа, как это было принято делать к приезду высоких чинов. Мы подкрасили дом, где жил Димеке, прибрались в поселке, подремонтировали дороги. Встреча в доме была живой и интересной, народу было полно. Были песни, был бесмармак, были нескончаемые воспоминания, шутки, смех...

Димаш Ахмедович, просветлевший, довольный, малость уставший, возвращался обратно, в Алматы. Он поблагодарил меня за увлекательную поездку и так, как бы между прочим, заметил, что дом, в котором он якобы „жил“ будучи директором рудника, это совсем не тот дом. В этом доме он никогда не жил. „Мой был неподалеку, совсем рядом“, — сказал он. — „Но все равно хорошо, что сделали ремонт, побелили, и люди, которые там живут, наверняка были довольны“...

После его слов, конечно, мне было и горько, и весело, и благодаря своему промаху, я убедился, каким величайшим тактом обладал наш Димеке. Я навсегда сохранию в па-

мяти встречи с этим удивительным человеком, сыгравшим в моей судьбе огромную, неоценимую роль.

*Благодарный за всю фамилию
Раджибаевых Марат Юнусович Раджибаев.*

МОЙ БРАТ ПРЕЗИДЕНТ...

Много всевозможных слухов, кривотолков вызвало в нашей республике избрание моего брата президентом Академии наук Казахской ССР. Дескать, не без моей помощи Аскар занял высокую должность. Отвечу кратко: без моей. Более того, при моем решительном возражении.

А дело было так. Секретарь ЦК КПСС П. Н. Демичев позвонил мне и заявил, что на президента АН Ш. Есенова поступает много жалоб и будет лучше, если мы его освободим от занимаемой должности. Семь лет Ш. Есенов проработал президентом, но и на выборах проходил со скрипом и дела в Академии порядком запустил. Демичеву я ответил, что указание ЦК КПСС выполним и будем думать, кого рекомендовать президентом АН.

— У нас есть мнение,— сказал Демичев,— что рекомендовать на эту должность следует доктора технических наук, профессора, республиканского академика... Кунаева. Да, вашего брата.

— Я — против.

— В ЦК КПСС обратилась группа известных ученых. Они настаивают на этой кандидатуре.

Телефонным разговором дело не кончилось. Я был приглашен в Москву, к Брежневу. Кроме хозяина в кабинете находились Суслов, Кириленко, Демичев, в ту пору зав. общим отделом К. У. Черненко, зав. отделом науки С. П. Трапезников и я. Разговор был долгим и присутствовавшие настояли на том, чтобы я не возражал против кандидатуры А. Кунаева.

— Не будь ему тормозом,— сказал Брежnev.— Он ведь не виноват, что твой брат.

А. Кунаева избрали президентом АН Казахской ССР... Он проработал на этом посту свыше 12 лет, три срока. Ему дважды присуждались Государственная премия СССР и Государственные премии Казахской ССР. Его избрали членом-корреспондентом, а затем академиком АН

СССР. Он организовал ряд новых институтов, направление работ которых отвечали самым современным требованиям. Президиум АН СССР положительно оценивал работу республиканской Академии.

На XVI съезде КПК он подвергся незаслуженной и необъективной критике. Это задело его самолюбие и он обратился с просьбой освободить его от работы. Просьба была удовлетворена.

Вот, пожалуй, и все что я могу сказать по поводу избрания моего брата президентом АН...

Я СОПРОВОЖДАЛ СВЯТОГО...

(Из воспоминаний М. Акуева, полковника МВД)

После службы в армии, по воле Божьей и судьбы я оказался в Алма-Ате и начал работать в МВД. Один раз начальник управления КГБ А. Г. Марченко вызвал и говорит: „Вы переводитесь на ответственную работу, назначаетесь моим заместителем. Заместителем... специального подразделения. Будете сопровождать великого человека, которого знает Союз, даже весь мир — Кунаева Д. А.— члена Политбюро. С сегодняшнего дня приступишь к работе, будь внимателен, четок и будь всегда готов, как пионер”, — напутствовал он.

Во-первых, я от неожиданности, от счастья чуть-чуть не подпрыгнул до потолка.

Во-вторых, я испугался важности моей новой службы.

Сам я родился в России в одном из селений Курганской области. Отец — крестьянин, мать — доярка. Даже живя в России, мы старались не забывать свой язык, традиции, обычай. И часто видели по ТВ Димеке на съездах, пленумах.

Отец всегда внушал: „Димеке Кунаев — Богом посланный сын казахского народа”.

„И безопасность, и бдительность, и Бог в помощь”, — сказал я себе и приступил к выполнению своих обязанностей.

Человек он был высокий, доброжелательный, вежливый, перед тем, как сесть в машину, всегда здоровался.

Мне позже на этой работе пришлось встречать и провожать, как сейчас говорят, „VIP-овских людей „особо важных персон“ союзного и международного масштаба.

Но Кунаев Д. А. в ряду знаменитостей занимал особое место.

Он был человек высочайшего интеллекта и я никогда не слышал, чтобы он обидел несправедливо кого-нибудь. Даже находящиеся в охране люди не замечали за ним сверхстрогости, мелочных придирок.

Несколько примеров. Один раз попал в неловкое положение. Обычно сложное сопровождение было после парандов 1 Мая, 7 Ноября. На четвертом году моей службы мы спускаемся по ул. М. Тулебаева, чтобы довезти Д. А. Кунаева до дома. Я предвидел это, начальству предложил маршрут проложить по ул. Мира. Но оно не прислушалось к моему предложению. Люди знали о единственном бронированном ЗИЛе Д. А. Кунаева. Запрудившие улицу люди — стар и млад — протягивали руки, хотели поздороваться с первым секретарем ЦК. Наконец, мы добрались до цели. „Зайдите ко мне,— сказал он. На его лице заметил некоторую озабоченность,— Вы что, хотели познакомить меня с народом и специально повезли по оживленной улице? Народ, кажется, знает, кто я такой!“ Моя спина вспотела, ноги ватные, я тяжело опустился в машину. „Один звонок к министру, и мне каюк. И забудь о дальнейшей работе в органах“, — подумалось мне. Но обошлось...

На этой службе мы никогда не считались со временем. Рано утром, поздно ночью, когда вся семья видят сны, приходилось выезжать на сопровождение. Я гордился, что нахожусь рядом со святым человеком, поэтому честно выполнял свой долг, старался, как мог...

В доме Динмухамеда Ахмедовича есть специальная комната, где вся служба коротала время, составляя план, либо советуясь о грядущей работе на день. Иногда читали газеты, журналы, смотрели телевизор. Однажды я увлекся интересным материалом в газете. Динмухамед Ахмедович, спускаясь по лестнице, через открытую дверь, увидев, что я читаю газету, не отвлекая, садится в машину. Водителю говорит: „Заводите тихо“. И трогается лимузин медленно. Я, заметив через окно, что выезжает Динмухамед Ахмедович, вскочил, как ошпаренный, и через некоторое время моя машина догнала его.

Все памятные события 17-18 декабря остались тяжелый след в жизни Динмухамеда Ахмедовича и в моей судьбе. В тот же день меня освободили от работы. В последний раз я сопроводил его до дома.

Зима 1993 года. Вдвоем поехали в сторону Чилика в его любимые места. Рядом врач. Тамошние лесники приняли хорошо. Слушали его интересные, умные рассказы. Охотились на дичь. Поразился меткости его стрельбы.

Другой раз, когда сообщил ему о новой поездке на охоту, у него в гостях была супруга Шарафа Рашидова. Поэтому поездка не состоялась.

В последний раз он уехал на юбилей Мухамеджана Тынышбаева. „Мырза, я открываю фонд своего имени, приходите во Дворец пионеров может, помочь понадобится,— сказал он...

Всегда был рад и до конца своих дней буду рад хоть чем-то помочь Великому Человеку.

„Я МОГ СДЕЛАТЬ БОЛЬШЕ...“

На другой день, после кончины Д. А. Кунаева, его квартиру до отказа заполнили родные, близкие, товарищи по жизни и по работе. Все были ошеломлены печальным известием. Хоть и ушел он от нас в преклонных годах, не верилось, что произошло это именно с ним, Димашем Ахмедовичем Кунаевым. Ведь еще полгода назад вот здесь, в этом холле он танцевал вальс; в гостиной сидел во главе стола и сам разливал в пиалы чай, угождая слов и министров, акимов и мэров, генералов и академиков, артистов и писателей, чабанов и рабочих,— всех, кто приходил с открытым сердцем за мудрым словом, пленительной улыбкой, искренним великодушием: вот в этом небольшом кабинете он помногу и плодотворно работал, а когда случались паузы, задумчиво перебирал зажигалки из своей богатейшей коллекции или перелистывал какую-нибудь из полюбившихся книг.

А народ все прибывал и прибывал, заполняя дворик перед домом. Потом откуда-то появились бравые молодцы с карманными рациями и всем стало ясно, что вскоре приедет Президент. Так и случилось. Приехал Нурсултан Абишевич Назарбаев, тогдашний Премьер-министр Сергей Терещенко, руководитель аппарата Президента Нуртай Абыкаев. Раньше, до 1986 года, Д. А. Кунаев и Н. А. Назарбаев были единомышленниками, дружили: вместе отмечали праздники, часто один на один вели доверитель-

ные беседы, а порой выезжали и на охоту. Потом их пути разошлись.

Нурсултан Абишевич приехал лишь однажды на квартиру Д. А. Кунаева, чтобы выразить ему соболезнование в связи с кончиной Зухры Шариповны. Другая встреча произошла в кабинете Президента, где беседа продолжалась более полутора часов. Говорили, как мне позже сказал Димаш Ахмедович, конечно же о судьбе республики: путях выхода из кризиса, надеждах, экстренных мерах по подъему экономики. Кое в чем мнения совпадали, но чаще — нет. Муталим и окушы.— Учитель и ученик. Увы, приходит время, когда наиболее толковые ученики по многим параметрам превосходят своих наставников. Это неизбежно. А иначе бы мы до сих пор жили в пещерах. Но помнит История, что из-за учеников случались и откаты, и провалы...

Конечно, всем хотелось услышать в какие слова облечет Президент соболезнование по поводу кончины Д. А. Кунаева, какими будут выражение лица, жесты. Кто ждал слез на глазах Президента — не дождался: церемония прошла, как говорится строго по протоколу, как издревле было заведено в народе. Разговор поначалу складывался тихо, мирно. Потом один из молодых авторитетов попытался нажать на Президента.

— Похороны надо провести через пять дней,— сказал он,— чтобы могли приехать делегации из других стран и краев.

— В этом нет необходимости,— сухо отозвался Н. А. Назарбаев.— Кто пожелает приехать, успеет и в эти сроки.

— Похоронить Димаша Ахмедовича нужно под его бюстом. (Неподалеку от пересечения улиц им. К. Маркса и им. Кирова. Сейчас улица К. Маркса носит имя Д. Кунаева).

— Насколько мне известно, и это могут подтвердить присутствующие, Кунаев хотел, чтобы его похоронили рядом с Зухрой Шариповной.

— Надо улицу им. Фурманова и площадь им. Ленина назвать именем Кунаева.

— Подумаем. Куда спешить?— ответил Президент.

— День похорон объявить в республике днем национального траура.

— В этом нет необходимости.

Вот тут, мне думается, Нурсултан Абишевич поспешил с ответом. Ладно, не день траура (хотя, на мой взгляд, Димаш Ахмедович, как никто другой, заслужил такой чести), но минуту молчания можно ведь было объявить по всей республике?

И еще запомнилось. Президент строго-настрого предупредил: „Никакие коммерческие структуры к участию в похоронах не подпускать“.

— Все расходы государство берет на себя, — подчеркнул он.

На том беседа и завершилась.

Близкая родня, друзья, как неприкаянные сливались в группы, расходились, завидев знакомых, с горестным вздохом здоровались и вполголоса обсуждали черную весть.

— У меня вчера целый день веко подергивалось, — услышал я голос Асанбая Аскаровича. — Раньше такого не бывало... И ведь не скажешь, что чувствовал беду.

В другой группе кто-то из памятливых рассказывал:

— Лет пятнадцать назад я прочитал где-то, что один шофер — таксист написал Кунаеву, что если, мол, у Вас, Димаш Ахмедович, начнет баражить сердце, то я готов поменять его на свое, молодое. И фамилия этого шофера запомнилась — Склянкин.

Я обратил внимание, что в эти часы совсем не было слышно птичьего гомона. А ведь для пернатых здесь было густозеленое раздолье. Но, видимо, столько тревожной печали исходило, поднимаясь ввысь, от собенных человечьих фигурок, что свой концерт птицы отменили или перенесли в другое место.

— Знаете, Геннадий Иванович, — много позже сказал мне Диар Кунаев, — у меня в этом году умерла мама. А снится по ночам только Димаш Ахмедович.

Я попытался объяснить без пяти минут доктору наук, что, дескать, коли он живет в квартире Димаша Ахмедовича, то здесь, конечно же, витает его дух. Потому и снится. Говорю, а сам думаю: „Господи, какую же ахинею я несу? При чем здесь дух?“ Вдруг вспомнил птичье безмолвие. И прикусил язык...

Рассказываю о тех днях подробно, потому как предвижу, что от нынешнего до далеко будущих поколений казахов (и не только) будет интересовать каждый час жизни великого человека. Ведь, посмотрите, как скучны и обрывочны сведения о легендарных людях даже XIX века. Бу-

ду счастлив, если эта работа заполнит даже крохотные пробелы жития Д. А. Кунаева.

Однажды на реке Или близ Баканаса Димаш Ахмедович и я сели в небольшой катер и отправились на прогулку. Время было предзакатное, небо чистое. Разговаривали мы мало. Когда катер по изгибу реки выносил нас к новым красотам, Димаш Ахмедович характерно, будто недоумевая, выворачивал ладони и с задором спрашивал:

— Ну зачем нам Швейцария? А, дорогой?

— Не был я там, Димаш Ахмедович.

— И я не был. Но знаю, красивее вот этой природы — ничего нет!

Когда по просьбе Кунаева заглушили мотор, и катер убаюкивающе закачался на некрутой волне, Димаш Ахмедович предстал как бы другим человеком: глубоко ушедшим в себя, отрешившимся от всего земного. Он почти неотрывно смотрел, как скатывается за горизонт неяркое солнце и... печаль его была светла. Неожиданно, спустя, наверное, минут десять, я услышал приглушенный голос Димаша Ахмедовича:

— Нет! — и через паузу: — Нет, нет!

— Димаш Ахмедович...

Он меня не слышал. А я не узнал его голоса.

— Я мог сделать больше... в этой жизни.

И снова долгое молчание. Простите меня, (почему-то верю, что Вы меня слышите) Димаш Ахмедович, за то, что я публикую Ваши слова и спасибо Вам за минуту отчаянного откровения...

РЕБУС КОСМОНАВТА

Однажды я зашел к Димашу Ахмедовичу и мне показалось, что радушный хозяин, как бы это поточнее сказать, задумчив по-особому. Нет, не печален и не грустен, но снедают его какие-то трудные мысли. Я сделал вид, что ничего не замечаю — мало ли забот и тревог у почтенного аксакала. Распаковал свой дипломат, извлек блокнот, диктофон...

Димаш Ахмедович неожиданно светло улыбнулся и сказал:

— Заходил в гости наш космонавт Тохтар Аубакиров. Подарил вот этого симпатичного верблюжонка, который побывал в космосе, и порассказал много интересного. Обаятельный и удивительно образованный человек.— Димаш Ахмедович поднялся из-за письменного стола, неспешно прошелся по кабинету и с улыбкой добавил:— А за чаем задал мне дорогой Тохтар головоломку. Вот скажите мне: вы верите в НЛО — неопознанные летающие объекты? А в параллельные жизни?

— Иногда верю, иногда — нет,— дипломатично ответил я.

— У Тохтара философский склад ума и он верит и в то, и в другое. Ну не странно ли?

— А доказательства?

— С этим у него не густо,— вздохнул Д. А. Кунаев.— Но логика у него прямо-таки железная.

— Димаш Ахмедович, помните, наш академик Тихов доказывал, что на Марсе проложены рукотворные каналы? И он верил до последнего дня, что жизнь на Марсе есть. А в итоге?

— Тохтар считает, что есть параллельная жизнь. И она не подвластна пока ни нашему разуму, ни нашей земной технологии.

— Любопытная гипотеза,— сказал я.

— Но это еще не все,— продолжал Димаш Ахмедович.— Он считает, что каждое живое существо должно занять на Земле свою нишу. И для этого ему надо убрать с дороги, а попросту лишить жизни другое живое существо. И тогда он будет жить.

— Действительно, головоломка.

— Тохтар рассказал случай. И я не могу не верить ему. А случай был такой. Тохтару было одиннадцать лет, но он помнит его как будто это произошло вчера. Соседская собака ни с того, ни с сего бросилась на его беременную сестру. От трагедии ее спасла собственная находчивость. В разинутую пасть, летящую к ее горлу, она изловчилась сунуть тапок. Тут подоспели родственники и отогнали собаку. Дядя достал ружье, подал его Тохтару и сказал: „Убей ее!” Самое поразительное, что собака не бросилась искать защиты у своего хозяина. Она дождалась Тохтара и мелко затрусила к логу. Иногда оглядывалась: не отстал ли пасынок? За аулом нырнула в ложбину и вылезла на другом берегу сухого русла. Вылезла и села мордой к Тохтару. Она не шевельнулась, когда Тохтар вскинул ружье, при-

целился и с первого выстрела засадил заряд в голову собаки. Та словно понимала (а, может, понимала?), что совершила величайший грех и прощения за него не будет.

Спустя года три в одной из компаний я напомнил эту историю Тохтару Аубакирову.

— Да, было такое,— просто сказал он.— И вот тогда я заполнил собой освободившуюся нишу.

На какое-то время космонавт и меня лишил душевного равновесия. Это ж надо: хочешь жить, хочешь быть человеком в этой и следующих жизнях — освободи для себя нишу. Убей кого-нибудь. Но кого? Муравья, мышь, кошку, оленя, человека, наконец? Тут и свихнуться недолго.

Теперь я понимаю, почему в тот уже далекий день Димаш Ахмедович был по-особому задумчив. Задал ему наш космонавт головоломку...

БЕСЕДЫ С Д. А. КУНАЕВЫМ

— Уважаемый Динмухамед Ахмедович, разрешите открыть первую страницу моего вопросника. Предполагали ли Вы в юношеские годы, что станете партийным работником?

— И в мыслях не держал. Я мечтал стать инженером и я им стал. Любил свою работу, мог сутками, как сейчас говорят, пахать без сна и отдыха. Да разве только я? В тридцатые годы наметился, а потом и устоялся жесткий потогонный стиль в обществе: работать до упаду. Потому и росло все вокруг, как грибы. И, как правило, в рекордные сроки.

— Молодость-то, наверное, пролетела, как пуля?

— Нет, не скажите. Хоть и жили мы по принципу: делу — время, потехе — час, но к вечерам в клубах, праздникам готовились тщательно и веселились от души. Нам не надо было подогревать себя спиртным, впрочем, комсомольцы и не помышляли об этом. Больше полувека с тех пор прошло, а я и по сей день помню каждый праздник и каждую вечерку. Так что нынешней молодежи по части досуга далеко до нас.

— Средства массовой информации в последние годы привели нас к мысли, что тридцатые годы сплошь были затянуты кровью. В действительности так было?

— Против фактов спорить трудно. После ХХ съезда партии многие коммунисты были в шоковом или почти в шоковом состоянии. Страшную картину открыл нам Хрущев. Что касается тех мест, где я работал, то массовых репрессий у нас не было. Аресты случались. Сотрудники НКВД через какое-то время объясняли активу: такой-то — враг народа. Мы верили. Да и как не поверить, если аресты проводились от имени самого, как в то время писал Джамбул, батыра Ежова. Это я не в упрек аксакалу, написавшему хвалебную поэму, а к тому, что все мы ни на йоту не сомневались в правоте органов. Чистили, как я понимаю, большие города.

— Несмотря на то, что Вы имели диплом с отличием об окончании высшего учебного заведения в Москве, стали горным инженером, но начали свой трудовой путь помощником машиниста бурового станка. Далеко не все знают об этом. Такой шаг Вами был сделан сознательно?

— Да, инженеру, необходимы глубокие знания, но без практики и опыта они полумертвые. Надо все пощупать своими руками и посмотреть своими глазами. Нет ничего важнее этого. Жизнь — великий наставник. Поэтому я начал свою деятельность с рабочего — машиниста бурового станка и об этом абсолютно не жалею.

— Судя по газетным публикациям тридцатых годов, Вы работали ударно, по-стахановски. Какие черты характера Вы вырабатывали в себе?

— Доводить начатое дело до конца. Компетентность. И едва ли не главное — умение слушать. Не говорить, а слушать. Ну и, конечно, верить в свое дело, осознавая, что если ты не сделаешь работу, никакой добрый дядя тебе не поможет. Ты и только ты в ответе за свое дело. Эти правила не я придумал. Я учился у старших товарищей и у самого мудрого наставника — жизни.

— Давайте вспомним военные годы.

— По апрель 1942 года я работал в Лениногорске. И вновь убедился: резервы человеческого духа, воли неисчерпаемы. Трудовые подвиги совершались каждодневно. К примеру, Георгий Хайдин за одну смену выполнил норму на 3322 процента. А спустя два месяца, его ученик В. Дементюк выполнил сменное задание на 5470 процентов. Но особо я хотел бы сказать о работе женщин. О немыслимо трудной женской доле. Взамен ушедших на фронт отцов и мужей мы приняли на работу 3700 женщин. Они водили электровозы, варили сталь, бурили породу и вос-

питывали детей. И сегодня поражаюсь: откуда они черпали силы? Когда я стал работать заместителем председателя Совета Народных Комиссаров, то пришлось много поездить по республике. И всюду героический труд, армейская дисциплина и святая вера в победу. На всю войну я запомнил сталинские слова: „Братья и сестры! К вам обращаюсь я, друзья мои...“

Мы работали, как братья и сестры, как одна семья. Поэтому и выстояли. В командировки мы выезжали не надсмотрщиками и привозили на предприятия самые передовые методы работы, свежие идеи.

Мне всегда доставляло особое удовольствие встречаться с великими мастерами своего дела, такими как Н. Алдабергенов, И. Жахаев, Н. Головацкий, Ж. Куанышбаев и многими другими. Нередко я предпочитал обедам в обкомовских апартаментах трапезу в домах и юртах заслуженных людей. Беседы наши проходили откровенно и, полагаю, ко взаимной пользе. Их громадный жизненный опыт, наблюдательность, искренность заставляли подчас под другим ракурсом посмотреть на ту или иную проблему, они всегда дарили гостю нажитые ими крупицы мудрости.

— В период освоения целинных и залежных земель в Казахстане было расплачено свыше двадцати пяти миллионов гектаров земли. Эксперты, взвешивая пользу и вред от этого, высказывают нынче разные мнения.

Например, говорится о том, что стремясь превратить республику в мощный зерновой цех страны, запустили и обеднили землю, что привело к уменьшению кормовой базы для животноводства. Интересно было бы узнать Ваше отношение к освоению целины.

— Целина поднималась вовремя, и притом это — дело государственного значения, в результате этого Казахстан превратился в регион страны, производящий во все возрастающем объеме товарное зерно и другие продукты сельского хозяйства и животноводства. Возможно в отдельных областях, районах вспахали земли сверх нормы. Это не исключаю. Давайте прежде всего, возьмем во внимание то, что в годы освоения целины вместо 85 миллионов пудов зерна государству мы несколько раз давали свыше миллиарда пудов высококачественного товарного хлеба.

Отдельные руководители и журналисты договорились до того, что республика ради миллиардов забирала в хозяйствах весь выращенный хлеб, не оставляя семена и фу-

раж. Это ведь полный абсурд. Республика с начала освоения целины только один раз в 1955 году обратилась за семенами к правительству страны. Кроме этого случая Казахстан всегда обеспечивал себя семенами за счет собственного производства. Фураж оставался в объеме, гарантировавшем нормальную зимовку.

Простой расчет показывает, что в те годы, когда государству сдавались миллиарды пудов зерна, производилось хлеба не менее 28 млн. тонн, в отдельные годы доходило до 34,5 млн. тонн. Из этого количества стране продавались 1 млрд. пудов или 16,4 млн. тонн, потребность в семенах составляла около 4 млн. тонн. Отсюда хорошо видно, сколько оставалось на нужды хозяйств республики. (Д. А. Кунаев раскрыл папку.)

Говорят и о том, что целина нанесла ущерб животноводству. Это неправильно. В 1916 году на казахской земле было 18 миллионов 364 тысячи овец. Позднее их число резко уменьшилось. Только в 1955 году мы приблизились к этому уровню. Скажу больше: если в 1955 году в Казахстане овец было чуть больше 17 миллионов, то в 1983 году стало 36 миллионов, рогатого скота было около 4 миллионов, а стало свыше девяти. Свиней, которые не учитывались, стало свыше 3-х миллионов. В результате строительства птицефабрик, во много раз увеличилось производство птицы и яиц. Республика стала полностью обеспечивать себя этой продукцией. Также увеличилось производство молока, мяса. Например, если в 1955 году производственный уровень мяса составлял 530 тысяч тонн, то в 1986 году он достиг 1 миллиона 300 тысяч тонн. К сожалению, за последние годы в результате неумелых действий руководства республики количество поголовья общественного скота, особенно овец, резко сократилось. Мясо импортное, куры, масло...

При всем этом не надо забывать о построенных на целине элеваторах, заново организованных свыше 2-х тысяч совхозов, воздвигнутых домах и дворцах культуры, клубах, школах и детсадах, интернатах, больницах, проведенном газе, электроэнергии и водопроводах.

Подъем целины вызвал бурное развитие промышленности. В эти годы только на карте Казахстана появилось 43 новых города, среди которых Рудный, Темиртау, Экибастуз, Кентау, Жанатас. Сложились крупные экономические регионы, как Павлодар — Экибастузский, Караганда — Темиртауский, Восточно-Казахстанский и другие.

Население Казахстана удвоилось, а численность коренного населения увеличилась в 2,2 раза. Целина открыла дорогу развитию нашей культуры и науки. Если до 1955 года в республике было всего-навсего 26 высших учебных заведений, то потом их число дошло до 56, было организовано множество научно-исследовательских и проектных институтов. Вообще за период с 1955 по 1986 годы республика получила самое бурное развитие за всю свою историю. Хотя некоторые руководители заявляют о том, что в эти годы работа не велась, а занимались только тем, что устраивали праздничные мероприятия и все время уделялось проведению юбилейных торжеств. Так могут говорить только люди, абсолютно не разбирающиеся в экономике и в других сферах народного хозяйства республики. Если опираться на сведения Центрального статистического управления Казахской ССР за 1986 год, то в 1956—1986 годах в республике возросли в целом: валовый общественный продукт — в 8,7 раза, общая продукция сельского хозяйства — в 6,2 раза, промышленное производство — в 8,9 раза. В целом, за этот период по своему экономическому потенциалу дополнительно были построены 5-7, а по промышленному производству — 8 советских Казахстанов.

Люди напряженно трудились и отмечали памятные даты. Эти мероприятия, на мой взгляд, приносили большую пользу. Самое главное, я считаю, что все это укрепило сплоченность, дружбу народов. Ведь, как теперь отмечается многими, Казахстан является стабильным регионом, в котором не происходят кровавые межнациональные столкновения. Дружба народов, населяющих Казахстан, была заложена еще нашими отцами и дедами.

Наряду с этим, были и, конечно, существенные недостатки. В отдельных случаях имели место: безответственность, воровство, стяжательство. Нет необходимости это скрывать. Однако, разве не наступило время, когда мы устали смотреть в последние годы на прошлое сквозь черные очки? Не надо забывать, что мы одинаково причастны и к хорошему, и к плохому.

Дело на этом не закончится. Для того, чтобы дальше поднять благосостояние жителей городов Казахстана, сел, удаленных районов, потребуется много сил. Надо уверенно идти вперед по пути реформ, не оплевывая прошлое, а опираясь на уже созданную мощную индустриальную базу и развитую культуру и науку.

— Динмухамед Ахмедович, есть еще один вопрос, который интересует очень многих людей. Это то, что наша земля стала местом испытания ядерного оружия. На Семипалатинской земле, начиная с 1949 года, происходили беспрерывные взрывы. О многих негативных, а порой жутких фактах, связанных с этими испытаниями, мы узнали лишь недавно, когда родилось движение „Невада — Семипалатинск“. Что вы думаете по этому поводу?

— Военные ведомства с интересами жителей республики не считались. Мне известно, что по указанию центра, миллионы гектаров земли были выделены для нужд министерства обороны.

Уверен, что Сталин и Берия не советовались с руководством республики, когда отводились земли под полигоны. Не то, чтобы выступить против них, даже высказаться по этому поводу никто не мог осмелиться. Когда это дело началось и позднее ни одна живая душа не поднимала своего голоса. Только в 1988 году такой разговор начал известный поэт Олжас Сулейменов.

— Известно, что во времена Хрущева в Темиртау поднялись рабочие, выступление которых было быстро подавлено. Подробности этих событий до сих пор для многих загадка. Не могли бы Вы изложить истину?

— Это произошло внезапно, против наших ожиданий. Положение выправилось при непосредственном участии специально прилетевшего из Москвы, работавшего тогда секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежнева. Я сопровождал его в поездке. Главная причина в том, что для вновь прибывших рабочих не были созданы нормальные бытовые условия. Этот вопрос был рассмотрен на Президиуме ЦК КПСС. За допущенные недостатки и за плохое решение социально-бытовых вопросов, секретарь областного комитета партии и начальник строительства были отстранены от работы.

— Какова подоплека Вашего понижения с Первого секретаря на должность Председателя СМ республики?

— Этому послужил ряд причин в моих взаимоотношениях с Н. С. Хрущевым. В целом мне довелось работать под его руководством немало лет. Он не умел слушать и подчиненным навязывал свое мнение. В конце 1960 года, будучи на приеме у Хрущева, я поставил вопрос об организации Тургайской области за счет нескольких районов Кустанайской и Целиноградской областей. Организация области была обоснована возросшим объемом сельскохо-

зяйственных работ на целине и отдаленности районов от областных центров. Хрущев мое предложение отклонил и сказал, что в настоящее время готовит предложение об улучшении руководства целинными совхозами Казахстана. Прошло небольшое время и мы получили решение Президиума об образовании бюро ЦК КПК по руководству пятью целинными областями, которое просуществовало недолго. Вскоре было принято новое решение Президиума ЦК КПСС об упразднении бюро и образовании Целинного края в Казахской ССР, имеющего двойное подчинение. Мои возражения, опирающиеся на то, что Кустанайская и Целиноградская области самые обширные территории, по своим экономическим потенциалам — самые мощные регионы, восприняты не были.

Прошло некоторое время, ко мне позвонил Хрущев и внес предложение об образовании еще нескольких краев в республике. По приезде в Москву я доложил Хрущеву свои соображения о нецелесообразности организации краев. Он не принял мои доводы, спор был бесполезным. Были организованы Западно-Казахстанский и Южно-Казахстанский края и готовилось предложение об образовании еще Восточно-Казахстанского края.

Затем Хрущев поставил вопрос о передаче ряда хлопкосеющих районов Казахстана в Узбекскую ССР. Я выступил категорически против и сказал, что не смогу объяснить целесообразность этого мероприятия своему народу. Южный Казахстан — самая густо населенная часть республики коренным населением и это решение может осложнить отношения между республиками. Но Хрущев не послушал меня и решение о передаче было реализовано. Впоследствии все было возвращено назад, кроме 500 тысяч овец и 2-х совхозов.

Много споров вызвал и вопрос о Манышлаке.

Разговаривая со мной, Хрущев сказал: „Манышлак — это родник несметного богатства. Освоить нефть там могут только туркмены. Надо его отдать им“. Я выступил против со своими убедительными аргументами, но он пропустил мои слова мимо ушей. Потом я попросил его переговорить с министром геологии Сидоренко. Он тут же связался по телефону с министром и тот меня поддержал. Сидоренко сказал: „У казахстанских геологов достаточно своих сил. По-видимому, нет необходимости передавать земли Туркмении“.

Хрущев вынужден был согласиться. Вот так мы отстояли Манғышлак.

В итоге, все перечисленные выше факты, вызвали у Хрущева ко мне недоверие и послужили причиной моего освобождения от работы Первым секретарем ЦК КПК. Был созван Пленум Центрального Комитета Компартии Казахстана и Первым секретарем был избран И. Юсупов. Мне была предложена должность Председателя Совета Министров. В разговоре с прибывшим для проведения пленума членом Президиума ЦК КПСС, секретарем ЦК Козловым, я настойчиво просил его: „Должностью Председателя СМ ни в коем случае не гнушаюсь. Я раньше там работал, но впредь я бы принес большие пользы в науке. Прошу отпустить меня на работу в институт горного дела АН республики". Видимо, как-то Козлов успел связаться с Хрущевым. В перерыве я прошел в свой кабинет. Меня вызвали по ВЧ. Звонил Хрущев. Сходу спросил: „С вами разговаривал Козлов?" Я ответил утвердительно и повторил свою просьбу о дальнейшей работе. Он меня, не торопясь, выслушал и в ответ сказал: „По нашему мнению, Вы, как руководитель правительства можете оказать большую помощь". После этих слов сразу же бросил трубку.

— А почему через два года Вас снова повысили?

— Новый Первый секретарь ЦК Исмаил Юсупов не нашел общего языка с активом республиканской партийной организации. В ЦК КПСС обрушился поток писем и заявлений о его неправильных действиях. Руководство партии вынуждено было рассмотреть этот вопрос и решило освободить от работы Юсупова.

Всех членов Бюро вызвали в Москву. В ЦК состоялся большой разговор. Брежнев беседовал с членами бюро ЦК Компартии Казахстана и секретарями некоторых обкомов. Там же он внес предложение в отношении моего руководства республиканской партийной организацией, которое все приняли единогласно. В декабре 1964 года в Алма-Ату прибыл секретарь ЦК КПСС Титов и принял участие в работе пленума. Юсупов был освобожден от работы и я был вновь избран Первым секретарем ЦК.

— Каково Ваше отношение к деятельности Брежнева?

— Я рассматриваю деятельность Брежнева, исходя из его отношения к Казахстану. В республику он приезжал 8 раз. И в каждый свой приезд решал острые вопросы, связанные с различными отраслями народного хозяйства.

У меня с Брежневым были хорошие, деловые, товарищеские взаимоотношения. Он не сковывал инициативу, проявленную мной и касающуюся жизни Казахстана, а давал возможность действовать самостоятельно.

— Как Вы относитесь к мнению Солженицына о северных областях Казахстана?

— Великий писатель, я думаю, здесь неправ на все сто процентов. Северные районы нашей республики были всегда истинными казахскими землями. Это наши ученые доказали документально.

— В чем причина того, что лопнула затея об организации немецкой автономной области в Казахстане?

— Решение об организации автономии было принято. Но это вызвало возражения со стороны самих немцев и поддержавшей их определенной части местных жителей. Нами был реализован ряд мероприятий по подъему немецкой культуры. Газета „Фрайндшафт“ была переведена из Целинограда в Алма-Ату, был образован немецкий театр в Караганде и было принято решение о реконструкции бывшего здания филармонии для перевода театра в столицу республики. Также на руководящую работу в партийных, советских, хозяйственных органах было выдвинуто много товарищей немецкой национальности, вплоть до первого секретаря обкома. По республиканскому радио начали вещание на немецком языке.

— Простой народ никогда не смотрит равнодушно на судьбу руководителей страны. Но, к сожалению, до него не доходит точная информация. Вы в свое время, как член Политбюро ЦК КПСС принимали непосредственное участие в избрании Генеральным секретарем Ю. В. Андропова, К. У. Черненко, М. С. Горбачева. Ходили упорные слухи о вражде и борьбе в Политбюро.

— Действительно, даже в печати, в опубликованных мемуарах отдельных бывших высокопоставленных лиц, на все лады, проигрывается ложная версия. Когда я был в Политбюро явных распри не было. Иногда, конечно, из-за интриг, личных интриг случались недорозумения, но в целом работали дружно и слажено. Когда избирались перечисленные люди на пост Генерального секретаря ЦК КПСС, то решения принимались единогласно.

— Насколько правда то, что доplenума в декабре 1986 года Вы сами подавали заявление об уходе с работы?

— Да, это правда. Заявление с просьбой об уходе я действительно подал и вручил его лично М. Горбачеву.

— Как Вы относитель к Горбачеву?

— У нас всегда были нормальные деловые отношения. За его избрание я выступал на Политбюро и голосовал на Пленуме в ЦК. Если руководителю страны дадут характеристику один-два человека, этого будет явно недостаточно. Поэтому оценку ему может дать только народ, с учетом того, что страна находится в глубоком кризисе.

— Мы до сих пор помним, как Вы на XXV съезде КПСС заявили: „Товарищи, пришло время рассмотреть проблему Арала и увеличения воды рек, впадающих в него”.

— Да, действительно, вопрос об Арале мною поднимался на самом высоком уровне. Об этом я говорил и на XXVI съезде, на заседаниях Политбюро и на других представительных собраниях. Наконец, было принято решение о повороте рек Сибири. Были составлены и проект, и план о переброске сибирской воды. Впоследствии, как известно, это решение потеряло силу.

— Динмухамед Ахмедович, Вы завершаете работу над второй книгой воспоминаний, которая называется „От Сталина до Горбачева”. Как и первая „О моем времени” она намного отличается от тех, которые вы писали к большим юбилеям страны и республики. Это что — второе издание расширенное и дополненное?

— Можно сказать и так. После выхода книги „О моем времени” прошло полтора года и каждый день был наполнен событиями, увы, чаще безрадостными. Я внимательно слежу за жизнью стран СНГ и Казахстана, много работаю с документами и поэтому счел необходимым значительно расширить заключительную часть книги, высказать свое мнение по текущим проблемам.

— Вы убежденный и непоколебимый коммунист, как яствует из Вашей книги. Но времена изменились. Деятельность компартии Казахстана хоть и со скрипом, но разрешена. И все-таки нет-нет, но и сегодня горячие головы требуют, чтобы КПСС привлекли к суду. Справедливо ли это?

— Я сейчас думаю — не поспешили ли мы похоронить партию, вместе с которой шли на великие дела и совершили их? Где, когда такое было, чтобы одним росчерком пера разгонялась — многомилионная партия и вершилось это на глазах Генерального секретаря? Не скрою, это бы-

ли едва ли не самые тяжелые дни для меня, для каждого честного коммуниста. Развалили партию сверху: Политбюро, пленум, побоявшийся, как того требует Устав, съезд. Даже, если он последний. У нас, в Казахстане, с партией покончили законно: сначала пленум, потом съезд... Здравые люди понимают, что судить партию, значит судить своих отцов, матерей, дедов...

— События Вашей книги „О моем времени“ завершаются июлем 1991 года. А в августе, как известно, на весь мир заявил о себе ГК ЧП. Они, как и следовало ожидать, проиграли. Ну, а если бы... Словом, вопрос такой: как бы Вы действовали 19 августа, если бы оставались членом Политбюро и Первым секретарем ЦК КП Казахстана?

— Сказать о том, что августовские события были для меня, для всего нашего общества полнейшей неожиданностью, значит, покривить душой. Экономическая, политическая обстановка свидетельствовали о том, что в стране есть силы, которые рано или поздно попытаются изменить существующее положение. Другими словами, захватить власть. И это не было секретом. Обстановку накаляли средства массовой информации, депутаты всех уровней, партийные и военные руководители. И тут важно отметить, что ГК ЧП не выскочил, как черт из табакерки, он сошел на почве непримиемых противоречий. Созрел и... лопнул.

Переворот, совершенный группой лиц из высшего эшелона власти, явился следствием грубейших промахов прежде всего самого Горбачева, который не имел за душой ни одного реального стратегического плана и поставил страну на грань катастрофы. В одном уверен: тайны, скрытые пружины этого неудавшегося переворота еще далеко не раскрыты. И вряд ли раскроются в скором времени.

Что касается второй половины вопроса — как бы действовал я — отвечу одним словом: законно. Наше государство наработало надежную систему защиты от подобных выступлений. Вспомните, хотя бы отставку Хрущева. Собрался Президиум ЦК, потом пленум — и судьба Хрущева была решена. В августовские дни я бы настаивал на немедленном созыве пленума ЦК (ведь Горбачев был Генеральным секретарем), чрезвычайной сессии и, думаю, вопрос бы решился законно и в самые короткие сроки.

— Апрель 1985-го года называют началом перестройки. Известно, что Вы горячо, с самых высоких трибун под-

держивали ее. Но вот прошли годы. Можно подводить какие-то итоги. На ваш взгляд, много ли позитивного сделано за эти годы?

— Не раз и не два я заявлял о том, что разделяю и приветствую идеи и концепции перестройки. Я был и поныне убежден, что партия и наша экономика нуждаются в серьезном обновлении, не декларативной, а истинной демократии, в необходимости демонтажа ряда эзентрализованных структур. Прошло время и сейчас все грехи сваливают на партию, напрочь позабыв о том, что именно КПСС выступила инициатором демократических преобразований в стране. Я не сомневаюсь, что партия, руководствуясь мировым опытом, со временем пошла бы и на то, чтобы создавались и другие, оппозиционные партии.

У перестройки, хотя это слово сегодня исчезло из лексикона, есть свои плюсы и минусы. Не хочу повторяться, об этом я подробно рассказал в своей книге. Но очень тревожит, что кризисные процессы углубляются, инфляция перерастает в гиперинфляцию, в ряде регионов анархия подминает под себя демократию, преступность захлестнула города и села.

— Наверное, Вы согласитесь со мной, что от новых партий просто рябит в глазах. У всех есть программы, платформы, все митингуют. Вам по душе такой плюрализм и такая гласность?

— Все эти партии ничто иное, как борьба за власть. И чувствуется, что этот митинговый ажиотаж вокруг партий многим набил осколину. Да, наверное, у нас будет две, три партии, но они вберут в себя не тех, кто громче всех кричит, а тех, кто лучше думает и работает.

— Динмухамед Ахмедович, однажды на встрече с капчагайцами Вы высказали мысль, что и перестройка, и переход к рынку пошли бы гораздо успешнее, если бы проводились под руководством партии. Вы и сегодня убеждены в этом?

— Убежден. И далеко за примерами ходить не надо. Возьмите Китай. Там никому и в голову не пришло разгнать КПК. Ведь это самая организованная и трудоспособная часть общества, она и возглавила работу по переходу к новым экономическим отношениям. Результат налицо. Я думаю КПСС смогла бы перевести на новые рельсы нашу экономику без чудовищных материальных и моральных затрат. Мы, коммунисты, были крепки дисциплиной, мы умели начатое доводить до конца, в наших рядах, а

тем более среди депутатов, не было ни бандитов, ни откровенных казнокрадов. А если такие выявлялись, мы их передавали в руки правосудия. Наша партия всегда боролась за чистоту своих рядов.

— В средствах массовой информации, особенно после Вашего ухода на пенсию, много писалось и говорилось о том, что в республике резко сократилось количество казахских школ.

— Было такое. Но эти, с позволения сказать, писаки дальше собственного носа ничего не видели. Мы закрывали пять полуразвалившихся школ в аулах, отделениях совхоза и открывали одну — на центральной усадьбе или школу-интернат на тысячу и более мест. Вот и вся арифметика.

— Ваше отношение к распаду СССР?

— Гигантский шаг назад. Несвоевременный и, простите, неумный. Сговор в Беловежской пуще имел одну-единственную цель: убрать с политической арены Горбачева. Вот так борьба за власть стала для миллионов людей драмой и трагедией. Беловежская троица отбросила великую державу СССР на десятки лет назад. Убежден, что и история осудит, а, быть может, и раньше Ельцина, Кравчука и Шушкевича привлекут к строгому ответу. За попрание Конституции, за антинародный тайный сговор. Ведь более семидесяти процентов населения СССР на референдуме высказались за обновленный Советский Союз. Десятки миллионов сказал „да“, три политика, наплевав на мнение народа, за считанные часы развалили великую страну. И до сих пор никто из правителей не знает какое общество нам строить.

— Да, беды на бывшие республики СССР сыплются со всех сторон. Миллионы беженцев, межнациональные войны, невиданное падение производства, нищета, утрата нравственных принципов... Прекратится когда-нибудь эта чехарда?

— У всякого глубокого кризиса есть причины. Развал СССР привел к тому, что, во-первых, резко упала государственная и трудовая дисциплина, отсутствует контроль за выполнением собственных решений, власти не могут и не умеют сохранить атмосферу гражданского согласия во многих регионах страны.

Во-вторых, почти полностью разорваны экономические связи между республиками, различными отраслями народного хозяйства, нет и в проектах не просматривает-

ся единый народнохозяйственный план развития. В свое время ведущие капиталистические страны учились у нас работать планово, стратегически обоснованно и грамотно.

В-третьих, упразднена, отдана на откуп многим нечестным бизнесменам и коммерсантам система материально-технического снабжения, в провале капитальное строительство, повсеместно закрыты или закрываются проектные и научно-технические институты и органы.

В-четвертых, обрублены связи со странами СЭВ, прекратились поставки оборудования и машин для многих отраслей народного хозяйства. И на селе рухнули годами складывающиеся экономические связи. Я читал, что где-то, чуть ли не Мичуринске, главный фрукт на базаре — бананы.

Среди главных причин нынешней чехарды я бы назвал и отсутствие конструктивной идеологии в обществе.

— Динмухамед Ахмедович, Вы — большой политик. Это исторический факт. А быть политиком, значит, обладать даром предвидения. Ваш прогноз на ближайшие годы? И в первую очередь, что будет с Казахстаном?

— Давать прогнозы — дело весьма рискованное. Но верю: тяжелейшие испытания носят временный характер. У Казахстана, например, есть все возможности первой из суверенных республик выйти из прорыва, благодаря гигантскому промышленно-сельскохозяйственному потенциалу, развитой науке, богатейшим недрам, высококвалифицированным кадрам специалистов и рабочих и другим факторам. Если все это умело задействовать — успех не за горами. Надо лишь иметь в виду, что успех придет только при тесном экономическом взаимодействии и взаимопонимании всех республик и прежде всего с Россией. Один в поле — не воин, — и это, как никогда, верное изречение.

— После ухода на пенсию Вы поддерживаете отношения с бывшими членами Политбюро, с другими руководителями? Или получилось так, как, к сожалению, нередко случается: сегодня человек ушел с высокого поста, а завтра его забыли?

— Что касается встреч или каких-либо других контактов с бывшими членами Политбюро, то их нет, да и надобности поддерживать с ними отношения ни у них, ни у меня нет. Но я бы не согласился с тем, что руководитель, уйдя с поста, прерывает все свои прежние связи. Был, правда, какой-то период, когда моего дома сторонились: кто-то

выжидал, кто-то беспокоился за свою карьеру, а кого-то вообще не пускали ко мне. В том числе и иностранных корреспондентов.

Сейчас обстановка в корне изменилась. В моем доме бывало сотни людей. Это деятели науки и культуры, активисты всевозможных движений, космонавты, рабочие, чабаны, студенты. Да я и сам с удовольствием встречаюсь с ними, когда выезжаю в колхозы и совхозы, на предприятия. Встречи эти приносят мне огромное удовлетворение и, можно сказать, придают большой заряд бодрости.

— И иностранцы, как я видел, у Вас частые гости?

— Гости в доме — всегда радость. И иностранцам я оказываю такой же почет и внимание. За последние месяцы у меня побывали послы иностранных государств, бизнесмены, ученые, туристы из Соединенных Штатов Америки, Германии, Швеции, Иордании, Монголии, Турции и других стран. Мой гость из Турции Алтай подарил мне очень памятный для меня сувенир: авторский экземпляр Корана, переведенного им на казахский язык. Трижды побывал у меня знаменитый Мустафа, с которым мы обсуждали проблемы физкультурного движения в мире. Встреч сейчас так много, что времени для праздности у меня нет. И это радует.

— В своей книге Вы очень тепло пишете о Вашей жене Зухре Шариповне. Нельзя ли рассказать о ней чуть поподробнее?

— Зухра Шариповна была удивительным человеком. Она мой самый близкий и добрый друг. По специальности она была счетным работником, но круг ее интересов, устремленный был удивительно разносторонним. Она отлично знала русскую, казахскую, зарубежную классику. Изучила арабский и английский языки, побывала во многих странах Ближнего Востока и Азии. Однажды я сделал вывод: моя Зухра Шариповна глубоко религиозный человек. Из-за рубежа она привозила только Кораны (целая коллекция накопилась), а в Египте или в Турции она приобрела медальон с изображением пророка Мухаммеда. С этим медальоном-талисманом она не расставалась до последнего дня — 30 апреля 1990 года... Сейчас живу один с племянником Диаром и его семьей.

— Встречаетесь ли Вы с нынешними руководителями республики? Интересуются ли они Вашим мнением? Вносите ли Вы свои предложения?

— Не встречаюсь. За пять лет у меня в моем доме лишь однажды побывал Нурсултан Назарбаев, чтобы выразить соболезнование в связи с кончиной Зухры Шариповны. Состоялась у нас и еще одна встреча с Президентом. На этот раз деловая. Он пригласил меня в свой кабинет и мы более полутора часов вели разговор о казахстанских делах. Диалог был откровенным и, хочется верить, полезным. Ну, а если говорить о двух встречах с Колбиным, то они остались и в памяти, и в сердце самый неприятный осадок.

— Динмухамед Ахмедович, Вы почти сорок лет академик. Известно, что академики получают ложизненное вознаграждение. Я отдаю себе отчет, что разговор на меркантильные темы не всегда уместен, но все-таки: академические сбережения могут противостоять любой инфляции. Не так ли?

— Когда я возглавлял Академию наук республики, то академическое вознаграждение мне выплачивалось. Но вскоре я стал Председателем Совета Министров Казахстана. И тогда решил: коли я непосредственно не занимаюсь исследовательской работой, то имею ли я право получать ставку академика? Написал заявление в Президиум АН и попросил использовать эти деньги на самые острые нужды: стипендии, пособия, оборудование. Так, по-моему, и было сделано. Кстати, по нынешним временам ставки академиков, да и всех ученых просто смехотворны. Они вдвое, а то и втрое получают меньше, чем водители грузовиков или рядовые служащие банков.

— Известно, что Вы с большой симпатией относитесь к писателю Александру Исаевичу Солженицыну, но его „рецепты“ из творения „Как нам обустроить Россию“ многих казахстанцев попросту возмутили.

— Иначе и быть не могло. Солженицын с необыкновенной легкостью „сдал“ северные области Казахстану России. А ведь они всегда — и это доказано учеными, историческими документами — являлись казахскими землями. Вопиющую неосведомленность проявил и Горбачев, когда по украинскому телевидению объявил, что в период освоения целины от России к Казахстану отошли северные области. Разве вдумчивый политик позволит себе разжигать территориальные притязания между народами, тем более, что эти рассуждения построены на песке?

— Неосведомленность, неграмотность, некомпетентность. Три „не“, три острых ножа для любого политика. И

ведь на нашем, казахстанском небосклоне появились такие метеоры.

— И самый „яркий“ из них — Колбин. Не хотелось бы ворошить прошлое, но мы вступили в эпоху перемен, у избирателей сегодня есть выбор и только от них сегодня зависит какие политики придут к власти. Колбин был назначен Москвой на должность Первого секретаря ЦК — и с первых дней допускал грубейшие просчеты. Это ведь он вместе с Разумовским на весь казахский народ навесил черный ярлык: „националисты“.

Политбюро допустило крупную ошибку, не посоветовавшись с республиканской партийной организацией, остановило свой выбор на такой кандидатуре малоавторитетного и неподготовленного для этой работы человека, как Колбин.

Для того, чтобы быть руководителем республики необходимо знать историю, природу, культуру, традиции, обычаи, язык народа. Не познав всего этого, невозможно повести за собой коренное население, всех казахстанцев.

Я дважды встречался и разговаривал с ним, и каждый раз убеждался, что в республику попал случайный человек, не обладающий ни эрудицией, ни большими познаниями. Колбин, попросту говоря, сел не в свое кресло. Тедействия, которые он предпринял в качестве руководителя республики, подтвердили мои опасения. Например, проблему снабжения населения мясными продуктами Колбин хотел решить за счет отстрела перелетных гусей, уток и другой живности. Это нанесло огромный ущерб природе Казахстана. Но главная вина Колбина была в том, что он противопоставил одну нацию другой, то есть казахов русским и подверг незаслуженному ох�иванию достигнутое за многие годы трудом всех казахстанцев. А его заявление о том, что он за два года изучит казахский язык и выступит на этом языке с докладом? И в Москве, на плenumе он сказал, что половину доклада читает по-русски, а вторую половину по-казахски. Какая беспардонная ложь?

— В 1987 году, да и позже, труднейшие и, как сейчас выяснилось, несправедливые испытания выпали на долю Вашего близкого окружения. Цель была ясна: устроить в Казахстане „узбекское дело“. Я встречался с Асанбаевым Аскаровичем Аскаровым и он мне рассказывал об узаках, физических страданиях в тюремных застенках. Чтобы не быть голословным, приведу отрывок из его книги: „Тюрьма — это страшное заведение. Она угнетает челове-

ка, лишает способности нормально мыслить; человек постепенно деградирует, тупеет и становится живым манекеном. Все его движения и поступки порой неосознанны. Те, кто считает, что возможно воспитание личности в этом холодном заведении, окованном металлом, грубо ошибаются. Жизнь сидящего в застенке, при подслеповатом свете лампочки, совсем иная, чем у тех, кто живет на воле. Воля дает человеку возможность обозревать окружение, глубже мыслить, анализировать явления и приходить к умозаключению. Видеть мир таким, какой он есть. Управлять своими поступками. А человек в неволе лишен этой возможности. Наверное, каждому приходилось видеть животных в зоопарке, как они обижены, оскорблены и терпят лишь потому, что не могут высказать свою боль, причиненную им другим животным, человеком, привыкшим выказывать свое превосходство перед ними. Тем не менее печать, лежащая на нравах и поведении животных, говорит о том, что они обижены и ненавидят людей. Примерно такая же ненависть таится в душе каждого невольника.

Нельзя оступившегося человека за малейшую провинность изолировать от общества и помещать в „другой мир“. Естественно, человек, преступивший закон, должен нести моральную и материальную ответственность. Но какими они должны быть? Это очень принципиальный вопрос. Только глубокое исследование может привести к радикальным переменам. Одно ясно, что существующие меры воздействия не дают желаемых результатов. Наблюдая за взаимоотношениями арестованных и тюремной администрацией, я задумывался и страшился. Пропасть, пролегавшая между людьми разного положения, путала меня.

Прямоугольная камера, как узкий коридор, тесно уставлена двухъярусными металлическими шконками. Вся постельная принадлежность состояла из выдавшего виды матраца, старого одеяла из грубого сукна, рваной подушки и двух простыней из грубой бязи. Трехразовое питание: черный хлеб особой выпечки, каша из сечки и „чай“, или кипяток. Это все, что положено арестанту. Спертый воздух. Солнечные лучи не проникают сквозь зарешеченные окна. Днем и ночью горит тусклая лампочка, пагубно действуя на зрение. Скука невозможная. Обитатели нервные, ждущие какого-то просвета. Следствия растягиваются на годы. Некоторые начинают терять надежду. Стоит рутань,

материцина. В камере едкий табачный дым. Люди разных характеров, разной психологии, разных нравов. Здесь все равны. Никто ничем не должен отличаться. Малейшее превосходство здесь не терпят. Словом, тюрьма. Тюрьма так же стара, как и человеческое сообщество. Поэтому она не освободилась от прошлого, хотя человеческое общество называет себя цивилизованным. Пропасть, лежащая между цивилизованным обществом и его дном, т. е. тюрьмой, огромна. В тюреме отсутствует главное — гуманное отношение к людям, оступившимся в жизни".

— Я очень тяжело переживал, когда выносились незаконные приговоры, доходили до меня вести и об издевательствах в местах заключения.

— Динмухамед Ахмедович, если преступника лишают свободы, то это совсем не значит, что его должны лишить элементарных человеческих условий. Тем более, пытать людей, причинять им боль, страдания, подрывать здоровье. Когда Вы руководили республикой, к Вам поступали сведения о нечеловеческих условиях для заключенных?

— Когда поступали, мы принимали решительные и строгие меры к тем, кто злоупотреблял властью. Хочу поделиться своими наблюдениями. Когда я приезжал на заводы, рудники, в совхозы, то мне, конечно, стремились показать все лучшее: и технику, и подлакированные бытовые условия, и самих людей. Эта хитрость всем хорошо известна. И по-человечески она понятна. Больших руководителей стараются оберегать от негативной информации: дескать, у них и так забот хватает. То есть отношения между подчиненными и руководителями часто складывались так, чтобы выдавать "наверх" положительные факты, а порой только те, которые будут приятны начальству. Я считаю такое положение одним из крупных промахов нашей системы. Мы вправе были требовать и добиваться полной и объективной информации. Не всегда получалось. Скажем, приезжает авторитетная комиссия в тюрьму или колонию. Газоны ухожены, стены побелены, заключенные опрятные, приличная еда — и ни одной жалобы. Возвращается комиссия, докладывает: все в рамках закона, жизнь там, конечно, не сахар, но заключенные не жалуются. А на самом деле там, по словам Асанбая Аскарова, если не ад, то что-то близко к этому. Какой выход? Проверки должны быть внезапные, оперативно-секретные,

если хотите, и в выводах со стопроцентной правдой. Горькой, но правдой. Особо болит сердце за детские колонии...

— Динмухамед Ахмедович, известно, что Вы хорошо знаете казахскую историю и литературу. Назовите любимых поэтов и писателей.

— Да, читаю много. Получаю большое удовольствие, когда прочитываю хорошее художественное произведение. А перечислять прочитанное, наверное, не стоит. Восток, Запад знаком с трудами многих русских и казахских классиков. Преклоняюсь перед Абасм. Обращаюсь часто к мыслителям. Мне нравятся произведения Ауэзова, Мусрепова, Мустафина и других. По душе исторические романы Есенberлина, в свое время не раз помогал ему в сборе материала в архивах, он часто приходил ко мне. Отстоял книгу „Аз и я“ Олжаса Сuleйменова. Он в моем понимании крупный поэт.

— Каковы Ваши бытовые условия? Есть ли у Вас дача?

— Четырехкомнатная квартира. Ни государственной, ни собственной дачи у меня нет.

— Есть ли у Вас обиды на прошлую жизнь?

— Ни обид, ни сожалений у меня нет.

— Какими человеческими качествами дорожите?

— Честность и отзывчивость. Если человек обладает этими двумя качествами, то зло его не возьмет.

— Ваше отношение к религии?

— Сложные вопросы. Как коммунист я обязан быть воинствующим безбожником, атеистом. Таким и был. В молодости. С годами все мы прозреваем. Не знаю есть ли Бог, но убежден — религия нужна. Для души, для успокоения, для добрых дел. Кое-что мы перетянули из религиозных заповедей в моральный кодекс строителей коммунизма. Увы... Я за то, чтобы было больше мечетей, церквей, синагог, молельных домов. Одним словом — я за религию.

— Наивный вопрос можно?

— Можно.

— Вы верите в загробную жизнь? Точнее, Вы верите, что человек может прожить не одну жизнь, а несколько?

— М-да... По-моему мы с вами заехали не в ту степь. И все-таки попробую ответить. Хотелось бы верить в последующие жизни. Но такие случаи науке не известны. Зато все религии проповедуют: достойно, по-совести, проживешь эту жизнь, — будут и последующие. Вспоминаю великого Льва Толстого. Он писал (попробую не ошибиться):

„... Та душа человека, которая проявилаась в его жизни, в теле — не была прежде и не будет после ее проявления в теле". Поразмышляйте на досуге над этими словами.

— Наша беседа подходит к концу. Вспомните, пожалуйста, случались ли в Вашей жизни события, случаи, о которых Вы, быть может, сожалеете до сих пор? Или так: повернувшись время вспять, когда бы Вы поступили иначе?

— Я прожил долгую и суровую жизнь: в ней было много хорошего, было и плохое. Но это моя жизнь. И цель, которую я ставил еще будучи „юношей, обдумывающим житье", я в меру своих сил и способностей выполнил. Я всегда преданно служил своему народу и буду служить ему до последнего дня. В моей жизни, как и во всякой другой, конечно, были и „черные" дни, но ни один из них я не вычеркну из памяти. И ни одного дня я не хотел бы заново прожить так, как я его прожил.

— Динмухамед Ахмедович, что бы Вы пожелали в эти трудные дни народу Казахстана?

— Спленченностии. Дружбы. Самоотверженной работы. И тогда Казахстан, да и не только Казахстан, выйдут из глубокого кризиса, в наши дома придет полный достаток, в семьях навсегда поселятся добро и радость. Счастья вам, казахстанцы!

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ НИКОЛАЯ МОРОЗОВА

(бывшего первого секретаря Семипалатинского и Акмолинского обкомов партии)

Мне выпала большая честь поделиться воспоминаниями о видном политическом и государственном деятеле, к имени которого с любовью относятся казахский народ, все народы, населяющие Казахстан. Он был большим авторитетом в Советском Союзе и у международной общественности — поистине великий сын своего народа — Динмухамед Ахмедович Кунаев.

Пишу и осознаю, какая ответственность у автора, как и у любого, кто пытается рассказать о нем. Димаша Ахмедовича знали миллионы людей, от рядовых тружеников: чабанов, механизаторов, шахтеров, металлургов, партийных, советских работников, до больших государственных деятелей с мировым именем.

Я родился и вырос в Семипалатинских степях на Абайской земле. Горжусь тем, что земляк великих казахов — Абая Кунанбаева, Мухтара Ауэзова, а также предков Димаша Ахмедовича, его продеда Коная.

Вся моя жизнь связана с Казахстаном, этим замечательным краем, страной масштабов и динамизма, радостей созидания и обновления, такого роста и возмужания, которые не поддаются сравнениям.

Тридцать три года мне посчастливилось работать под руководством Д. А. Кунаева. Вспоминаю это время, перед глазами проходит вся жизнь, по иному осмысливаешь происходящее.

Сын рабочего-грузчика, рано, после фронта, потерявшего отца, я с особой благодарностью отношусь к человеку, который мне заменил его, как и многих, бережно растил и воспитывал.

Богатым опытом видного деятеля партии, мудростью, отцовской заботой, строгой требовательностью в самых сложных ситуациях Димаш Ахмедович помогал выбрать и принять единственно правильное решение, умел поддержать, вселить уверенность.

Об этом человеке хочется говорить только в превосходных степенях. Сама жизнь и деятельность Кунаева Д. А. — яркий пример служения своему народу, образец для подражания целым поколениям.

Если в крупном плане оценивать „феномен“ Кунаева, то его прежде всего следует отнести к строителям основ национальной государственности. Это руководитель, который неизмеримо много сделал для казахской нации. При нем республика достигла расцвета, при его содействии она стала поистине лабораторией международных отношений и дружбы народов.

Академик, трижды Герой Социалистического Труда, награжденный восемью орденами Ленина, член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Казахстана, он сполна оправдал эти награды, звания и доверие, отработал все почести на три жизни вперед.

За годы его деятельности производительные силы республики выросли более чем на 700%. Иными словами, заново создано семь Казахстанов.

Объем промышленности вырос в 9 раз, сельского хозяйства — в 6 раз, капитальное строительство — в 8 раз. Кто еще из бывших и нынешних руководителей мог бы сравниться по результатам работы с Кунаевым?

Ярлык „кунаевщина“, который пыталась при克莱ить ему горбачевская команда, мы, соратники Димаша Ахмедовича, как и все казахстанцы, решительно отвергаем.

Если и была „кунаевщина“, то в самом лучшем понимании имени того, с кем и под чьим руководством работали.

Кунаев Д. А. навсегда останется в памяти народа как крупный организатор и политический деятель.

Димаш Ахмедович отличался простотой в общении, принципиальностью, отзывчивостью, чуткостью, спокойствием, терпимостью. Он никогда не принимал скоропалительных, непродуманных решений.

Десятки лет общаясь, мне довелось видеть его в работе, в быту, на отдыхе, в семье. В любой обстановке он оставался неизменным. Трудовая и общественная жизнь была и его личной. Все его помыслы подчинены желанию и стремлению сделать что-то еще больше и лучше для людей, для процветания республики.

Даже известную всем личную дружбу с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым он в полной мере использовал в целях развития экономики и культуры Казахстана.

У Кунаева не было „наших“ и „ненаших“, он одинаково внимательно относился к каждой области и людям, населяющим их.

Первый секретарь ЦК КП Казахстана отличался умением подбирать и воспитывать молодые кадры. Сам я попал в поле зрения Д. А. Кунаева, когда мне не было и тридцати лет.

Хорошо помню первую встречу и отцовские наставления по случаю избрания первым секретарем райкома партии. Димаш Ахмедович дал понять, какая это ответственная должность и каким преданным делу и людям должен быть человек на этом посту.

Позже он интересовался моим становлением, дважды побывал в районе, изучал, присматривался, за высокие показатели представил к званию Героя. Затем дал добро на выдвижение отраслевым секретарем обкома партии, членом ЦК. И только через 10 лет, проверив на практике деловые и личные качества, порекомендовал 40-летнего коммуниста для избрания первым секретарем обкома партии Казахстана.

Другой пример. Будучи уже в преклонном возрасте, его мучил вопрос преемника. Кому передать бразды правления республикой? В одной из бесед поделился своими

мыслями и спросил, знаю ли я своего соседа — второго секретаря Карагандинского обкома партии Назарбаева Н. А.?

— Вы, руководители областей, присмотритесь к нему. Вижу, — говорил он, в этом молодом, энергичном работнике заложены организаторские способности для больших дел, крупных масштабов. Родился в ауле, вырос из народа, начинал разнорабочим, горновым доменной печи, закончил два вуза, прошел комсомольскую, партийную школы, контактный в общении с людьми. Нам нужен руководитель, который обеспечит преемственность, сохранит ту спокойную, деловую, творческую атмосферу созидания, которая утвердилась в республике.

Через некоторое время Нурсултан Абишевич был избран отраслевым секретарем ЦК, затем назначен самым молодым в стране Председателем Совета Министров Казахской ССР. Нынче воспитанник Кунаева — первый президент Казахстана.

В своей книге Назарбаев Н. А. с большой благодарностью отзыается о своем „крестном отце“. И дай ему Бог вывести суверенное государство Казахстан на уровень, о котором мечтал Димаш Ахмедович!

Несмотря на сложности переходного периода, хочется верить, что так и будет. Ибо на просторах этого богатейшего региона живут замечательные труженики, готовые решать самые ответственные задачи.

Казахстан — это огромная страна, каждая из 19 областей по территории превосходит многие западные государства. Управлять таким хозяйством архисложно. Успех во многом зависит от тех, кто и как обеспечивает руководство на местах.

Без преувеличения можно сказать: при Кунаеве был сформирован самый сильный, самый опытный, деловой, авторитетный, работоспособный секретарский и председательский корпус единомышленников.

Димаш Ахмедович воспитывал нас личным примером. Он отличался обязательностью, твердостью в достижении цели и высокой работоспособностью. В любое время, в будни, выходные или праздники, он был на посту, открытым для решения вопросов.

В работе не позволял расслабиться ни себе, ни нам. Я не помню случая, чтобы наш лидер уехал отдыхать, как многие власть имущие, в середине года, в бархатный сезон. Пока республика не выполнит обязательств, пока не

уберем урожай, никто в отпуск не уходит, отдыхали зимой.

Политический портрет Д. А. Кунаева — это личность интернационалиста. Он всеми силами и средствами укреплял и сохранял дружбу народов.

Я русский человек, как и все мои братья-россияне, люди других наций и народностей, а их в Казахстане более 100, всегда и во всем чувствовали себя равными, свободными Щедрая казахская земля стала для нас родной, а казахи — братьями.

Взять к примеру, карту целинных областей. По национальному составу — это сборная СССР, модель Советского Союза. Сами названия районов, совхозов: Московский, Ленинградский, Киевский, Одесский, Днепропетровский, Астраханский, Бакинский, Минский, Полтавский, Шуйский, Ивановский и т. д. свидетельствуют об обширной географии населяющих их людей. Практически все коллективы совхозов интернациональные. Собравшись со всех уголков страны, со своими нравами, национальной культурой, навыками в работе и общении, люди обрели в Казахстане вторую родину. Новое образование — целинников-первоходцев объединяла здоровая атмосфера интернационализма.

При Кунаеве в Казахстане утвердился неписанный закон сочетания местных национальных кадров, их подбора и расстановки. Если первый руководитель — русский, украинец или другой национальности, то второй — казах и наоборот, это зависит от деловых качеств. Такая практика касалась областей, районов, трудовых коллективов, общественных организаций. Все умело сочеталось, национальный состав кадров выдерживался строго, поэтому никто себя не чувствовал обиженным, ущемленным.

Горбачев и его советники пытались обвинить Кунаева в национализме. С его именем связаны декабрьские, 1986 года, события в Алма-Ате. На самом деле трагические беспорядки имели корни, связанные с неправильным подходом Политбюро ЦК и лично Горбачева, в подборе первого руководителя республики.

Законный вопрос волновал всех нас, казахстанцев. Почему в других национальных образованиях во главе стоят местные кадры, а в Казахстан надо завозить руководителя из г. Ульяновска, товарища Колбина? Человека далекого от понимания местных условий?

Вместо разъяснения с молодежью расправились силой, пролилась кровь, а вину возложили на Кунаева Д. А.

Жизнь подтвердила ошибочность в оценке казахстанских событий. Народ не воспринял обвинений. Как и следовало ожидать, не оправдал доверия и Колбин.

Авторитетная правительенная комиссия в своих выводах осудила действия прежнего состава Политбюро за диктат при назначении высшего политического руководства без учета мнения народа.

Было также установлено, что демонстранты не настаивали на том, чтобы первым руководителем был обязательно казах. Они требовали поставить человека, хорошо знающего специфику республики, ее проблемы. В числе других, как рассказывал в ряде публикаций Назарбаев Н. А., называли и мою фамилию.

В 1990 году Политбюро ЦК КПСС вынуждено было отменить ошибочное решение, снять с Казахстана ярлык „националистов“.

Прожив от рождения до пенсии в республике, не понаслышке зная обстановку, я со всей ответственностью утверждаю, что Казахстан — самый интернациональный регион. Под руководством Димаша Ахмедовича была создана атмосфера национального единения и дружбы народов. Ни о каком национализме и национальных притеснениях не было и речи.

Все мы рука об руку трудились, ставили на службу советскому народу резервы этого богатейшего края, осваивали новые земли, создавали гигантский агропромышленный комплекс, строили города и села, неуклонно повышая благосостояние народа.

Люди оценивали человеческие качества друг друга не по национальным принадлежностям, а по отношению к делу, реальным проявлениям высокой нравственности, чувства долга и ответственности.

Так воспитывал нас Димаш Ахмедович, мы гордились дружбой. И нынче ее надо хранить как главную основу утверждения суверенной государственности. Национальные вопросы следует разрешать деликатно, решительно пресекая национализм, местничество, шовинизм.

Любой национализм — непродуктивен. К этому призывал нас Кунаев Д. А. Такой настрой во всех своих выступлениях дает Президент Назарбаев Н. А. Несомненно, от правильного решения этого коренного вопроса зависит

судьба суверенного государства Казахстан и населяющих его народов.

С Кунаевым Д. А. было легко работать. Основой стиля и методов его руководства было доверие кадрам на местах. Мы, руководители областей, имели полную самостоятельность, чувствуя при этом направляющую и контролирующую силу нашего лидера.

Димаш Ахмедович всегда поддерживал и поощрял разумные инициативы и предложения. В такой обстановке была потребность работать лучше, находить новые резервы, наращивать производство, строить, благоустраивать города и села, облагораживать быт и культуру людей. Арбитром в негласном соревновании был наш лидер! Он ежегодно объезжал все области, встречался с людьми, заинтересованно просматривал что за год сделано. Давал оценку, искренне радовался появлению новых заводов, жилья, объектов быта, торговли, культуры. Поддерживал, вселял уверенность. Семипалатинцы должны знать, что город этот преобразился благодаря вниманию правительства республики. Видя наше стремление облагородить один из старейших областных центров, Димаш Ахмедович поддерживал строительство так называемых престижных объектов.

В результате в городе были построены новый театр, кинотеатры, дома профсоюзов, политпросвета, современные гостиницы, вокзалы, новые проспекты, организована центральная площадь с административными зданиями. Поставлены памятники Ленину В. И., Абаю, Аузэзову М. О., Достоевскому Ф. М., Чохану Валиханову. По личному указанию Кунаева Д. А. профинансирано строительство набережной, Дворца бракосочетания, музеев Абаю, Достоевскому и ряд других объектов быта, торговли, культуры.

Целиноградцы знают, что все уникальные объекты, которые украсили город, строились при поддержке руководства республики и лично Д. А. Кунаева.

Дворцы, новые проспекты, гостиницы, комплексы вузов и техникумов, троллейбусные линии, теплоцентрали, универмаги и универсамы, площади, музеи, библиотека, Дворец обрядов — все это невозможно было профинансировать без поддержки первого руководителя. Госплан и Минфин на подобные объекты были скучны.

— Димаш Ахмедович сам конкретно занимался капитальным строительством и подавал нам пример архитектурно

грамотного градостроительства в Алма-Ате. Он уважал и поддерживал руководителей, которые умели строить.

Я всегда помнил его советы: „Работы и забот у первого руководителя всегда много, ответственность огромная. С тебя ежедневный спрос за план, за зерно, мясо, промышленную продукцию. Все это важно. Но если ты будешь заниматься только этим, твои годы секретарства останутся незаметными. До тебя были и выполнялись планы и после тебя будут. А вот построить уникальный объект, дворец, театр, гостиницу, выстроить проспект, поставить памятник, организовать музей, сдать школу, детсад, магазин — все это останется людям и о себе на долгие годы оставишь память“.

„Для людей, подчеркивал он, нельзя жалеть ни сил, ни средств. Характерный пример. В Целинограде мы соорудили несколько фонтанов, облагородили ряд площадей. Конечно, на фонтаны никто денег не выделял, такой графы нет в госплане. Зная это, любители жареных фактов, корреспонденты, опубликовали в газете „Правда“ острую критическую статью, обвинив местные власти и меня в расточительстве. За то, что применяли дорогостоящие материалы, мрамор и т. д.

На критику „Правды“ надо отвечать принятием мер. Димаш Ахмедович на партактиве принародно отхлестал писак: „Вы что хотели, чтобы Морозов фонтаны глиной облицовывал? Сделано для людей красиво, добротно. Целинники заслужили этого, чтобы жить в благоустроенном городе!“ Это и было ответом на критику. Он умел, когда надо, защитить. За его авторитетной спиной мы, руководители, чувствовали себя спокойно и уверенно.

Еще одна привлекательная черта у нашего лидера. Обладая огромной властью, Димаш Ахмедович не давил своим авторитетом, не был диктатором. Он никогда не приказывал и жестко не указывал, больше убеждал, советовал и советовался, добиваясь сознательной дисциплины кадров.

Только в одном наш лидер был неумолимый диктатор, когда речь шла о большом хлебе, о миллиарде пудов. Плановая дисциплина на заготовках зерна была высочайшей. Хлеб был мерилом всех ценностей.

Начиная с весеннего сева и до уборки последнего гектара, Димаш Ахмедович лично занимался зерновым хозяйством. Он жил мечтой о большом казахстанском хлебе,

стремился заготовить для государства зерна больше и лучшего качества.

Главный агроном целины, вдохновитель и организатор всех казахстанских миллиардов — так мы его называли. Он умел считать хлеб, глубоко освоил технологию его производства, радовался урожаям и выжимал из колхозов, совхозов, районов и областей максимально возможное количество зерна. Здесь были азартные перехлесты, перегибы, но цель благородная — поддержать страну большим караваем. По количеству сданного хлеба давалась оценка работы кадров, на этом поприще росли люди и престиж республики.

Сегодня, когда целина отмечает свое сорокалетие, хотелось бы пожелать целинникам, всем хлеборобам не расстерьтъ тот патриотизм, который многие годы создавали герои целины во главе с Д. А. Кунаевым.

В общении и в быту Димаш Ахмедович отличался простотой, доступностью, скромностью. Ни в чем не позволял себе излишеств. Его единственное увлечение для души и разрядки была охота. Раз в год, завершив обезд целинных областей, разрешив проблемы уборки и заготовок зерна, он оставался у нас на субботу и воскресенье пострелять на Кургальджинских озерах гуся.

Отстреляв вечернюю зорьку, собирались за столом, где он создавал настроение. Сам не пил, не курил, держал строгую диету, но товарищеское застолье поддерживал, умел пригласить выпить тех, кто мог, был хорошим собеседником, понимал и любил юмор, много рассказывал интересных историй.

Но не в каждый приезд он позволял себе и это удовольствие. Если в области случалась засуха, неурожай, он успокаивал хлеборобов, всех нас, говорил: не теряйтесь, держите ситуацию в руках, год на год не приходится, переживем. Предложение поехать на гуся с сожалением отвергал: „Нынче неурожай, люди переживают, а мы охотимся. Давайте, Николай Ефимович, отложим наше удовольствие до лучших времен“. Подавив страсть охотника, терпеливо ждал следующего, урожайного года.

Скромность, тактичность проявлялись во всем. Я никогда не слышал, чтобы он повысил голос. Димаш Ахмедович был одинаково вежлив со всеми, обладал феноменальной памятью, руководителей районов знал по имени-отчеству.

В любое время с ним было можно соединиться по телефону. Никогда не держал посетителей в приемной. Стремился вникнуть в суть вопроса и обязательно помочь, поддержать.

В его личности воплощалось все: ум, трудолюбие, широкая эрудиция, знание людей, душевные человеческие качества и товарищество.

Помню нашу последнюю встречу. Удовлетворена моя просьба об освобождении. Созван организационный пленум обкома партии. Прилетел Д. А. Кунаев. С трапа самолета сошел на костыле, распухла нога, ботинок заменен каким-то приспособлением, больной, лежать бы надо, а он прилетел на пленум сам.

„Я не мог не приехать, сказал он, мы с тобой проработали 33 года, хочу лично выразить признательность и по-человечески проводить на заслуженный отдых“.

На пленуме первый секретарь ЦК под бурные аплодисменты выразил благодарность, высоко оценил деятельность, пожелал молодому пенсионеру здоровья и благополучия. Проводы состоялись. По окончанию пленума Димаш Ахмедович пригласил меня в свою машину, предложил проехать по полям, посмотреть хлеба, уборку урожая.

Я понял, он хотел пообщаться, поделиться своими мыслями. Несколько часов мы ехали меж полей поспевшей пшеницы и говорили: он вспоминал наиболее памятные этапы работы, людей, успехи и неудачи. Критично отозвался о Горбачеве. „Его действия мне непонятны, эти „балаар“ (мальчики) заведут страну в тупик“.

В заключение сказал: Николай Ефимович, проведу уборку урожая, дадим миллиард пудов хлеба и подам в отставку. Пора на отдых. Мы оставляем хорошую основу. Сделано для расцвета Казахстана немало, пусть молодые продолжат. Очень хотелось бы, чтобы сохранилась здоровая, деловая, интернациональная атмосфера, на создание которой все мы затратили много сил.

У нас в республике, говорил он, есть все, чтобы создать высокоразвитую экономику, обеспечить высокий уровень жизни трудящимся. Важно, чтобы власть попала в надежные руки. В этой связи он вновь высказал свои намерения о Назарбаеве Н. А. как о своем преемнике.

Мы тепло расстались. К сожалению, больше увидеться не довелось. В декабре 1986 года состоялся пленум ЦК

КП Казахстана. Горбачев на пленум не приехал, подчеркнув этим неуважение к коммунистам, народу Казахстана и к его лидеру Кунаеву Д. А. Человек проработал 35 лет на посту руководителя республики, а его за 18 минут отправили на пенсию, не сказав доброго слова. Секретарь ЦК Разумовский, которого пригласили с этой миссией, не имел на то полномочий. Такова жестокая действительность.

Накануне своего 80-летия Димаш Ахмедович опубликовал воспоминания „О моем времени“. Для нас, его соратников, эта книга представляет большой интерес.

У меня есть возможность, пишет Димаш Ахмедович, назвать людей, которые плодотворно трудились на благо нашей республики и вложили огромный личный вклад в развитие Казахстана, дважды в этом плане он назвал и мою фамилию.

У меня немало наград за работу в Казахстане:— Герой, лауреат, три ордена Ленина, ряд других орденов, медалей, депутат, член ЦК, но ко всему этому личная оценка из уст уважаемого лидера Д. А. Кунаева — самая дорогая награда, она подтверждает, что я и мои коллеги не зря жили и трудились в Казахстане.

На 82-м году ушел из жизни большой человек, самородок, гордость казахского народа. Оставил он добрую память в сердцах миллионов людей.

В день похорон мы, ветераны партии, казахстанцы, проживающие в Москве, собрались в Казпредставительстве почтить память нашего многоуважаемого лидера, друга, отца, наставника, воспитателя. Каждому было что сказать. Свои мысли изложили в послании президенту Назарбаеву Н. А. и родным.

Главное, что нам всем хочется, это видеть родной Казахстан таким, каким мечтал и стремился его сделать Д. А. Кунаев — свободным, могучим, масштабным в свершениях, с высоконравственным, интернациональным климатом, при котором легко дышится, хорошо работается и живется.

В центре Алма-Аты, в тихом сквере, среди цветов и фонтанов заслуженно сооружен бронзовый бюст трижды Герою Социалистического Труда, видному деятелю партии и государства Динмухамеду Ахмедовичу Кунаеву. Моя мечта побывать в столице и низко поклониться своему учителю, наставнику за все, что он сделал для своего

народа и каждого из нас. Думается, назрел вопрос организации музея Кунаева. Эту задачу мог бы решить ныне действующий в Казахстане фонд Д. А. Кунаева. Имя Димаша Ахмедовича, чья жизнь и деятельность — славная история Казахстана, должно быть увековечено и другими памятными атрибутами.

В ТЕ РОКОВЫЕ ДНИ

Передо мной последняя прижизненная фотография Димаша Ахмедовича Кунаева. В элегантном темном костюме, с непокрытой головой он стоит у микрофона и, поверьте, от самого снимка веет раскаленным зноем. Перед выступлением он снял шляпу, потому что не мог говорить с народом неуважительно, свысока.

Все мы крепки задним умом, но „почему, — спрашивали мы друг у друга на похоронах, — никто не предостерег Димаша Ахмедовича, никто не сказал ему, что далекое путешествие по августовской страшной жаре, десятки встреч под палящим солнцем очень опасны для пожилого человека.

Если бы, да кабы... Но все равно Димаш Ахмедович не внял бы этим благим советам и поступил бы по-своему. Таков у него был характер: пообещал — выполняй, принял решение — иди к цели. В те августовские дни его пригласили на юбилейные торжества знаменитого земляка Мужамеджана Тынышпаева. И он поехал.

Не знаю, согласятся ли со мной его близкие родственники, но мне показалось, что в последние месяцы Димаш Ахмедович словно почерпнул дополнительную энергию извне и всю ее расходовал на то, чтобы еще и еще раз побывать в дорогих его сердцу местах, встретиться с добрыми и всегда преданными друзьями. Будто предчувствовал что-то, торопился...

Баканас, Чилик, Капчагай, Арасан-Капал — в эти края Д. А. Кунаев бывал довольно часто. Сохранились записи Димаша Ахмедовича, в которых он рассказывает о посещении Джамбулской, Чимкентской областей, Узбекистана, города своей юности — Балхаша и первой зарубежной поездке, будучи пенсионером, — Турции. Примечательная деталь, свидетельствующая о широчайшем кругозоре и

глубоких исторических познаниях Д. А. Кунаева. Для него дорога — это не просто асфальтированная лента, а книга, где, отступив от шоссе сто или двести шагов, он безошибочно находил древние памятники, могилы великих мыслителей, ханов и батыров. В Таласском районе он поклонился праху Болтырыка Алменулы, в Туркестане побывал в мавзолее святого Ходжа Ахмеда Яссави, на могилах Абылай, Жолбарыса, Тауке, после Туркестана — на могиле знаменитого Байдыбека, святой Домалак-ана, хана Толеби, похороненного в Ташкенте, в Мерке — Сыпаташибатыру, в урочище Алтын Эмель — великому Чокану Валиханову.

Волнующие своей правдой записи: „поклонился праху“, „попрощался“...

20 августа 1993 года в восемь часов утра Димаш Ахмедович Кунаев в последний раз перешагнул порог своей квартиры и, спустившись со второго этажа, сел в поджидавший его автомобиль „Понтиак“. За рулем, как всегда, сидел Саша Гойков, сзади — врач Ахат Аминович Мулуков. Капчагай, где, кстати, открылся лицей им. Д. А. Кунаева, миновали часа через два. Димаш Ахмедович был задумчив, разговаривал мало, изредка подавал шоферу реплики: „Сейчас будет кругой поворот“. Или „Сбавь скорость, на спуске глубокая выбоина“. Саша не переставал удивляться памяти Кунаева: „И как это он все помнит?!"

Разговорился Димаш Ахмедович, когда поъезжали к селу Черкасскому.

— Казачьи места, — сказал он. — Здесь проходила знаменитая Черкасская оборона. Против атамана Анненкова воевали почти 50 тысяч казаков. Выстояли они. И по первое число всыпали атаману.

Вдруг, как в кино, на горизонте появился отряд конных казаков. Завидев машину они спешились и почтительно дожидались ее приближения. Кунаев вышел из лимузина.

— Кого встречаете, орлы?

— Вас, Димаш Ахмедович.

— Но я ведь пенсионер.

— Вы — Кунаев.

В сопровождении конного эскорта машина въехала в село. Здесь бурлил праздник. Чувствовалось, что готовились к нему загодя. По-снежному белели дома, улицы, как умытые. И сотни разнаряженных казаков и казачек, ватаги пацанов и скорбных старух на завалинках и скамейках.

Димаша Ахмедовича здесь ждали. Почти все жители сгрудились на площади. Как всегда, Кунаев узнавал в толпе местных начальников и передовиков, вспоминал минувшие встречи, шутил. Затем его пригласили к накрытому столу (человек на триста) и усадили на самое почетное место. Димаш Ахмедович, как водится, сказал первый тост и пригубил рюмку с коньяком. Хозяева в порыве чувств забыли про свой праздник и искренне, иногда со слезами на глазах посвящали свои речи высокому гостю. И во всех тостах: здоровья, здоровья, здоровья...

Никто, конечно, не знал, не ведал, что времени Димашу Ахмедовичу на этом свете отпущено двое суток с небольшим...

Димаш Ахмедович не признавал застольй без музыки, песен, танцев. И в этот раз звучали для гостя гармонь и домбра, лихие казацкие пляски сменяли плавно-искрометные танцы джигитов с подругами, далеко уносились в степь раздольные песни.

Ахат Аминович не спускал глаз с Кунаева. Отмечал: хорошо, что сидит под тентом, весел, слегка перевозбужден. Картина в общем-то привычная: Кунаев всегда в центре внимания и он мгновенно реагирует на острую шутку, реплику, задает тон в разговоре. И хоть создается впечатление, что Димаш Ахмедович молниеносно оценивает ситуацию и реагирует соответствующим образом, врач знает, что перед тем, как сказать слово, Кунаев много-кратно прокручивает его в голове и лишь потом высказывает его слушателям. Не страдая манией величия, Кунаев тем не менее ясно осознавал, что слово его, оценка ситуации, мнение о тех или иных событиях, персонажах вездесущий узун-кулак разнесет по всей республике. Потому так жадно его всегда слушали, вминая в свою память жесты и интонацию, чтобы об увиденном и услышанном рассказать детям и внукам.

Врач со спины подошел к Димашу Ахмедовичу, прикоснулся к его плечу и, когда тот повернул голову, незаметно вложил ему в руку две таблетки. Сказал: „Пора“. Кунаев незаметно переправил таблетки в рот и запил их минеральной водой. Кивнул врачу: „Скоро поедем“.

Здесь я позволю себе маленькое отступление. Есть на нашей грешной земле неведомые силы, которые слившись воедино, излучают вокруг нас и в нас самих тревогу, не-доброе предчувствие. Непомерная радость, великое везе-

нис — всегда неожиданны. Беда обволакивает издали. Чудные, добрые, веселоазартные часы провел Кунаев в селе Черкасском, а расставание с жителями получилось, как прощание навсегда. Хотя Димаш Ахмедович был по-прежнему энергичен, улыбчив, щедр и слова его были меткими, добрыми.

— Приезжайте к нам еще, Димаш Ахмедович!

— Обязательно приеду, обязательно,— пообещал он напоследок.

Машина плавно тронулась, сопровождаемая конным эскортом. В прощальном приветствии замерли сотни рук.

Необычным, пожалуй, впервые было то, что многие женщины прикладывали платки к мокрым глазам...

До урочища, где проходили торжества в честь Мухамеджана Тынышпаева, доехали почти не разговаривая. В молчании Димаш Ахмедович выдавливал из себя усталость, копил силы, высветлял мозг, чтобы здесь, в урочище, находясь в самом эпицентре людского моря, быть именно тем Кунаевым, которого знал и любил народ. В долине белели сотни юрт и они вмиг опустели, когда на горизонте появилась галопирующая кавалькада, подковой прижавшаяся к машине.

Хотите верьте, хотите — нет, но я глубоко убежден, что когда Д. А. Кунаев был Первым секретарем ЦК, ему было гораздо легче и морально, и физически. Да, мы знаем, что он никогда не чурался прямого диалога с любой аудиторией. Но почти всегда эта аудитория просеивалась через сито компетентными органами, штакетниками окруженная органами безопасности и милицией, и попробуйка в этих условиях поговорить по душам. О здоровье Кунаева спросить было боязно. Потому что потом, после встречи, у любопытного спросят: „А ты что, сомневаешься в добром здравии Первого секретаря ЦК?“ И еще. В любой момент стоило лишь врачу Кунаева многозначительно посмотреть на часы, как встреча прекращалась. Чуть ли не на полуслове.

Пенсионера Кунаева охранял только народ. Свою невысказанную и недосказанную любовь люди в послесекретарские дни выплескивали неистово, порой многословно, никого не боясь и ни на кого не оглядываясь. Просили совета, ждали мудрого слова, с жаром рассказывали о своих радостях и невзгодах. В одну из поездок, помню, Кунаев побывал в шести местах, поговорил по крайней мере с

тремястами человек. А он, Кунаев, был один. И ему было восемьдесят лет. И его врач не мог передать ему тонизирующие таблетки, потому что на людях Кунаев лекарства никогда не принимал.

А ведь сколько наболело, накипело обид за последние годы в людских душах?! И не только своих. Они наперебой поносили тех продажных политиков и писак, которые изо дня в день чернили его имя с трибун и в печати.

— Мы никогда им не верили, Димеке! Никогда.

— Я знал это,— с улыбкой отвечал Кунаев.— Чувствовал. И поверьте, дорогие мои, мне было бы в тысячу раз труднее без вашей поддержки.

У любви нет границ и она, к сожалению или к счастью, слепа. Люди готовы были часами слушать Кунаева, по наивности забывая, что почтенному аксакалу, как и всякому смертному в его годы, необходимы также покой и уединение. Забывали, всегда забывали. В разговор вступали новые персонажи, спрашивали, мотали на ус ответы, пересказывали разговор родичам, навсегда уверенные, что и через сто лет про него скажут: „Наш прапрадед разговаривал с самим Кунаевым!”

Прав поэт: большое видится на расстоянии...

Но вернемся в урочище. Здесь прозвучала последняя публичная речь Димаша Ахмедовича. Посвятил он ее ярко-му государственному деятелю, творцу Турксиба Мухамеджангу Тынышпаеву, безжалостно уничтоженному в 1937 году. Говорил Кунаев веско, вдохновенно, а, коснувшись сегодняшних дней, удрученно заметил, что правители республики работают без компаса, впотьмах, и, забравшись в туннель, не видят из него выхода.

— Но я верю, верю в расцвет моей республики,— сказал он в заключение.— Верю в счастье многонационального Казахстана.

Чуть позже у подножья гор развернулось фантастическое представление. Это был и театр, и спортивный праздник — тысячеголосое ликование потрясло всю округу. В последний раз видел Димаш Ахмедович байгу и кыз-куу, в последний раз в его честь состязались в айтысе остроумные акыны.

И снова дорога. Кунаев побывал в совхозе Аши-булак, в Сарканде и на третий день — 22 августа! — приехал в Уч-Арал. Димаша Ахмедовича пригласили в кумыс-хану, где он неторопливо, степенно и долго беседовал с местными

аксакалами. Потом Кунаев со своими спутниками (директором совхоза, начальником райотдела милиции и врачом) отправился на озеро Алаколь. Путь был недалекий, но впервые за последние годы Кунаев заснул в машине, склонив голову на плечо директора совхоза. Врач не подал вида, но встревожился и ни на минуту не спускал глаз со своего подопечного. Было ветрено, штормило, когда Димаш Ахмедович поднялся на борт прогулочного катера. В какой-то момент он зябко поежился и врач Мулюков велел немедленно рулить к берегу.

В коттедже, предоставленном Кунаеву и его спутникам, готовили ужин. Среди всего прочего — отменную рыбакскую уху. Димаш Ахмедович зашел в бильярдовую, где его водитель Саша Гойковов тщетно пытался закатить шар в лузу.

— Дорогой мой,— с улыбкой сказал Димаш Ахмедович,— нет никакой необходимости держать кий, как винтовку перед штыковой атакой. Ты лишь слегка придерживай его правой рукой. Смотри!

Димаш Ахмедович взял кий, склонился над столом и двумя хлесткими ударами загнал два шара в лузы. Сказал:

— Видишь, как это просто!

Потом он зашел в гостиную и сел у телевизора. Передача была скучной, Кунаев поднялся с кресла и, обращаясь к врачу, негромко проговорил:

— Отдохну немного.— И направился в спальню. Ахат Аминович следом. А минут через пять Саша услышал взволнованный голос врача:

— Саша, срочно!

Когда Гойковов вбежал в комнату, Димаш Ахмедович лежал на кровати с закрытыми глазами.

— У него приступ,— пояснил врач.

Уколы, лекарства, массаж, капельница. Прямой укол в сердце. С кровати Кунаева положили на пол, на ковер. Искусственное дыхание. Минута, две, десять... Врач поднялся с колен и, проведя рукой по потному лбу, глухо сказал:

— Это все, Саша.

— Не может быть!— не поверил Гойковов и еще минут, наверное, десять пытался вдохнуть жизнь в своего Великого Учителя.

22 августа 1993 года, в 19 часов 22 минуты Динмухamed Ахмедович Кунаев скончался...

Скорбный кортеж в сопровождении машин ГАИ ночью отправился в Талды-Корган. По дороге случилось навероятное. В „Понтиаке“, где, завернутое в ковер, лежало тело Д. А. Кунаева, и на максимальный „холод“ работал кондиционер, врач и водитель явно услышали вздох. Они переглянулись и Саша немедленно остановил машину. Бережно они извлекли тело (и откуда только силы взялись?!) и уложили его близ дороги. Врач распахнул свой чемоданчик...

Все напрасно. Показалось...

В 2 часа ночи 23 августа специальный самолет „Як-40“ отбыл из Талды-Коргана в Алматы.

ДИНМУХАМЕД АХМЕДОВИЧ КУНАЕВ

22 августа 1993 года на 82-м году жизни скоропостижно скончался крупный государственный и общественный деятель, организатор, ученый Динмухамед Ахмедович Кунаев.

Д. А. Кунаев родился 12 января 1912 года в городе Алматы. Трудовую деятельность начал в 1936 году после окончания Московского института цветных металлов и золота. Работал на ряде предприятий цветной металлургии Казахстана, пройдя путь от машиниста бурового станка до директора крупного рудоуправления.

В 1942 году Д. А. Кунаев назначается заместителем Председателя Совета Министров Казахской ССР. С 1952 по 1955 годы он — президент Академии наук республики. До 1960 года работал Председателем Совета Министров. В 1960 году Д. А. Кунаева избирают Первым секретарем ЦК Компартии Казахстана. Он возглавлял республикансскую партийную организацию с небольшим перерывом почти четверть века до ухода на пенсию в 1986 году. Д. А. Кунаев был членом Политбюро ЦК КПСС, депутатом многих созывов Верховных Советов СССР и Казахской ССР. Он трижды Герой Социалистического Труда, награжден орденами и медалями СССР, зарубежных государств.

Каким бы ни было сложным и противоречивым минувшее время, неоспоримы заслуги Динмухамеда Ахмедовича Кунаева перед многонациональным народом Казахстана в деле развития экономики, социальной сферы, науки, национальной культуры.

Д. А. Кунаев являлся подлинным интернационалистом, для него первостепенную важность имели вопросы укрепления дружбы народов, духовной жизни человека, сохранения и приумножения культуры и традиций всех народов, проживающих в республике. Он многое делал для упрочения дружеских связей Казахстана с Россией,

братскими государствами Средней Азии и другими советскими республиками.

Динмухамед Ахмедович Кунаев обладал глубокими знаниями, эрудицией, хорошо знал народные традиции. Его отличали высокая культура, такт, обаяние. Отойдя после выхода на пенсию от государственных дел, он проявил глубокую мудрость, во многом осознал недостатки прошлой системы, поддерживал курс реформ, необходимость демократизации общества. Оставаясь верным сыном своего непростого времени, преданным его идеалам, вместе с тем он был лишен честолюбивых и конъюнктурных устремлений, что всегда вызывало к нему уважение окружающих.

Мы глубоко скорбим в связи с кончиной Д. А. Кунаева. Его имя сохранится в памяти народа.

Н. А. Назарбаев, Е. М. Асанбаев, С. А. Абдильдин, С. А. Терещенко,

Н. А. Абыкаев, Б. А. Ашимов, Р. Т. Багланова, Ш. Х. Бекбулатов, К. Б. Бозтаев,

В. А. Гребенюк, В. Н. Девятко, С. С. Джиенбаев, К. Ж. Ережепов, А. С. Есимов,

О. И. Желтиков, Б. В. Исаев, Н. И. Искалиев, С. К. Кенесбаев, К. К. Кужамьяров,

С. М. Мукашев, С. О. Мукашев, Ш. Муртаза, В. В. Ни, З. К. Нуркадилов.

А. К. Нурпеисов, Е. Р. Рахмадиев, М. Р. Сагдиев, А. С. Сарсенбаев,

Е. Б. Серкебаев, Д. Ф. Снегин, К. Ш. Сулейменов, О. О. Сулейменов,

У. М. Султангазин, К. С. Султанов, В. Б. Темирбаев, Б. А. Тулеевова,

К. Т. Турысов, И. П. Щеголихин.

ОБ ОБРАЗОВАНИИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ КОМИССИИ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ПОХОРОН Д. А. КУНАЕВА

Распоряжением Президента Республики Казахстан Н. А. НАЗАРБАЕВА для организации похорон Д. А. КУНАЕВА образована правительственная комиссия в составе: Асанбаев Е. М. (председатель), Абыкаев Н. А., Девятко В. Н., Джиенбаев С. С., Ережепов К. Ж., Есимов А. С., Желтиков О. И., Ни В. В., Нуркадилов З. К., Сагдиев М. Р., Сар-

сенбаев А. С., Султангазин У. М., Султанов К. С., Сулейменов К. Ш.

**ОТ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ КОМИССИИ ПО ОРГАНИЗАЦИИ
ПОХОРОН ДИНМУХАМЕДА АХМЕДОВИЧА КУНАЕВА**

Гроб с телом Д. А. КУНАЕВА будет установлен в Казахском государственном академическом театре оперы и балета имени Абая.

Для прощания с покойным доступ открыт 25 августа с 10 до 13 часов.

**МЕДИЦИНСКОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ О БОЛЕЗНИ И ПРИЧИНЕ
СМЕРТИ КУНАЕВА ДИНМУХАМЕДА АХМЕДОВИЧА**

Кунаев Д. А., 1912 г. рождения, страдал ишемической болезнью сердца. Смерть наступила в результате остро развившегося инфаркта миокарда с последующей сердечно-сосудистой недостаточностью.

В. Н. Девятко — министр здравоохранения, А. Ю. Яхимович — начальник ЛОО при Кабинете министров, А. Ж. Рысмендиев — директор Казахского научно-исследовательского института кардиологии, Ю. Ф. Ломакин — заведующий отделением патологической анатомии ЦБ ЛОО при Кабинете министров, Л. П. Царевский — заведующий кафедрой патологической анатомии Казахского института усовершенствования врачей, А. А. Мулюков — лечащий врач, Г. Р. Избасарова — заместитель главного врача ЦБ ЛОО при Кабинете министров.

СЫН СВОЕЙ ЭПОХИ, СВОЕГО ВРЕМЕНИ

Динмухамед Ахмедович Кунаев был сыном своего времени — со всеми его противоречиями, просчетами и достижениями, прорывами и тупиками. В конце жизни ему не могла не претить радикальная однозначность оценок прошлого как беспросветного „застоя“, фальши и разложе-
жения. Встречаясь с людьми, в беседах с журналистами он высказывал свою точку зрения, и с ним трудно было спорить.

Разве не создан в Казахстане мощный промышленный потенциал, благодаря которому республика без всякой опеки со стороны прежнего „центра“ ведет активную торговлю на мировом рынке, формирует собственный золотой и валютный запас?

Разве не стал крепким экономическим „тылом“ Казахстана его хлеб, которым мы не только с лихвой обеспечиваем внутренние потребности, но и имеем возможность торговать с ближним и дальним зарубежьем?

Есть у нас и своя наука, свои технологии, есть, наконец, самое главное — грамотный, образованный народ. Образовательный уровень населения республики — один из самых высоких в Азии. Это — важнейшее условие того, что без шапкозакидательства можно назвать лучшим будущим.

Вклад Д. Кунаева в экономическое, культурное, научное развитие Казахстана бесспорен. Бесспорна и его роль в формировании особого духа интернационализма в республике, терпимости и уважения, которые и сегодня гарантируют нас от социальных потрясений.

Характерным было поведение Динмухамеда Ахмедовича в нелегкую для него пору ухода от государственных дел. Как человек большого ума, он не унился до мелочных обид, проявил выдержку и достоинство.

Время все расставит по своим местам, вынесет историческую оценку каждому лидеру. Вряд ли „непредсказуемость“ нашего прошлого, порой столь зависимого от сиюминутных политических событий, способна коснуться имени Д. Кунаева. Он был государственным деятелем, и плоды этой деятельности будут очевидны и для следующих поколений казахстанцев.

ЦК СМ Казахстана, редакция газеты „Экспресс К“.

Болат Казиев:

— Д. А. Кунаев — сын своего времени. В нелегкой и суровой истории Казахстана именно на этот относительно длительный, скажем так кунаевский период конца 50-х — середины 80-х годов приходится время, когда, говоря образно словами легендарного Асан-кайы (конечно, в наших понятиях), на спине овцы птицы вили гнезда, т. е. было определенное благополучие. Если бы я эти строки написал несколько лет назад, большинство читателей возмутились бы. Немало таких и сейчас. И я сам не считаю этот период пределом совершенства. Была и колониальная зависимость от метрополии, превалировало экспансионное губительное развитие народного хозяйства, изъяны в языковой политике и т. д. Но все же согласитесь, что для того времени господства тоталитарной системы в Казахстане была найдена все же весьма оптимальная модель развития, позволившая народу постепенно восстановить свой потенциал, создать предпосылки для нынешнего независимого и рыночного этапа исторического развития.

Динмухамед Ахмедович Кунаев по складу своего характера никогда не был ортодоксальным коммунистом. Наоборот, он был больше либералом, или, как нынче говорят, человек с плоралистическим, широким мышлением. Этот стиль управления как нельзя лучше вписался в унисон казахстанской реальности и дал свои плоды. Будем справедливы: в переходе на новую колею прежний добрый задел нам очень кстати.

Берtrand Фессар де Фуко,

**Чрезвычайный и Полномочный
Посол Франции в Казахстане:**

— Счастьем и великой честью для себя считаю встречи с Динмухамедом КУНАЕВЫМ.

С самого порога его дома я оказывался в обстановке изумительной утонченности, любви к искусству, гармонии и спокойной души. Меня поразила доброта его взгляда и вопросов. Совершенное в своем благородстве лицо, руки человека с большим достоинством и большими делами. Фотография его жены, столь дорогой его сердцу и рано ушедшей из жизни. Прекрасный портрет его отца, истинного казахского аксакала. Книги по искусству и литературе. Знаменитая коллекция зажигалок.

Мы заговорили о моих первых впечатлениях о Казахстане, за которыми последовал увлекательный рассказ основателя современного казахстанского государства. Очень просто и вместе с тем очень глубоко были сделаны им психологические портреты крупных советских руководителей, и даже генерала де Голля, с которым он встретился на Байконуре. Мне стало понятно, что этот государственный деятель старался защитить свой народ от перегибов различных кампаний, способных нанести ему неизлечимые раны: депортация народов, освоение целинных земель.

Динмухамед Кунаев обладал свойством распознавать и притягивать к себе людей. Так он открыл ставшего впоследствии Президентом Республики Казахстан господина Назарбаева, так он защищал великий талант Олжаса Сулейменова в трудное для него время.

Перед ним не стоял вопрос внутреннего равновесия в Казахстане: между национальностями, религиями и областями. Первостепенной своей задачей он считал создание для своего народа экономического наследия, и он достиг своей цели. И сегодня политические и духовные деятели стараются, чтобы мир и стабильность способствовали экономическому развитию.

Он пригласил меня в годовщину моего вручения верительных грамот. Мы выпили чаю. Мне подарили прекрасный чапан. Олжас Сулейменов был с нами. Мы должны были встретиться еще раз с великим человеком, которого я считал своим учителем в Казахстане, каковым он был

для своего народа до понедельника 23 августа, когда его не стало.

В ту ночь, когда он скончался, мне приснился кошмарный сон: будто умер мой брат, а я безутешно плакал. Это был Динмухамед Кунаев. Франция и ее посол разделяют скорбь Казахстана, его Президента и его народа.

Владислав Исаев, служащий:

— Прежде всего хотелось бы, наверное, отметить большой вклад Динмухамеда Ахмедовича в градостроительство республики. При его жизни наш город значительно приукрасился: были построены гостиница „Казахстан“, любимый казахстанцами и гостями столицы спортивный комплекс „Медео“, баня „Арасан“. И вообще при нем нам всем жилось лучше. В моей памяти он останется видным общественным политическим деятелем и просто хорошим человеком.

Иван Максимович Рубайло, пенсионер:

— Кунаев был хорошим человеком и достойным руководителем. Я работал в 70-80-х годах в одном из учреждений госаппарата, когда он был первым секретарем ЦК Компартии Казахстана. И с уверенностью могу сказать, что Динмухамед Ахмедович был в почете у простого народа. Мы все скорбим.

ТЕЛЕГРАММЫ СОБОЛЕЗНОВАНИЯ

В связи с безвременной кончиной Динмухамеда Кунаева в адрес Президента Нурсултана Назарбаева поступают телеграммы соболезнования из многих регионов нашей республики и стран ближнего зарубежья. В частности, их прислали президенты Узбекистана — Ислам Каримов, Кыргызской Республики — Аскар Акаев, трудовые коллективы, где в разные годы работал и бывал покойный.

В телеграммах высоко оценивается пройденный этим крупным государственным и общественным деятелем, талантливым организатором и ученым жизненный путь, отмечаются его лучшие человеческие качества. И прежде всего такие, как преданность идеалам интернационализма, чуждость честолюбивых и конъюнктурных устремлений. Так, в телеграмме, подписанной Исламом Каримовым, говорится, что „в благодарной памяти жителей Узбекистана навсегда сохранится светлый образ Динмухамеда Ахмедовича Кунаева, много сделавшего для укрепления братской дружбы между казахским и узбекским народами“. Авторы телеграмм передают самые искренние соболезнования родным и близким покойного.

КазТАГ.

ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН АБДИЛЬДИНУ СЕРИКБОЛСЫНУ АБДИЛЬДАЕВИЧУ

Примите соболезнование в связи с кончиной Динмухамеда Ахмедовича Кунаева.

Передайте родным, близким и друзьям нашу искреннюю скорбь и печаль.

В. К. МЕСЯЦ.

ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Скорбим по поводу безвременной кончины Динмухамеда Ахмедовича Кунаева, неутомимого труженика, интернационалиста, истинного патриота своей страны.

Годы совместной работы навсегда останутся в нашей памяти.

Просим передать наши глубокие соболезнования родным и близким Динмухамеда Ахмедовича.

ЯКОВЛЕВ, ГРЕБЕНЮК, ПРОТАЗАНОВ,
МОРОЗОВ, ЕРПИЛОВ, СТЕПАНОВ,
ЛИВЕНЦОВ, ВОЛКОВ.

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРЕСС-СЛУЖБЫ
ГРАЖДАНСКОГО СОЮЗА
В СВЯЗИ С КОНЧИНОЙ Д. А. КУНАЕВА

Пресс-служба Гражданского союза распространила в Москве заявление, в котором говорится: „Ушел из жизни Динмухамед Ахмедович Кунаев — бывший руководитель Коммунистической партии Казахстана, видный политический деятель СССР времен “застоя”.

Оценка деятельности Д. А. Кунаева, сказано в заявлении, не может быть однозначной, как не поддается однозначному изображению весь исторический период, в который она проходила.

Его отставка с руководящих постов в республике вызвала массовые беспорядки, тогда истолкованные как межнациональный конфликт. По сути же это стало одним из первых сигналов, свидетельствующих о высокой готовности народов СССР отстаивать свое право на выбор самостоятельного пути.

Имя Д. А. Кунаева связано с водоразделом истории. Мы твердо верим, что и на новом ее этапе Россия и Казахстан найдут способы экономической и политической интеграции, соответствующие их государственным интересам и не ущемляющие национальные достоинства”, — подчеркивается в заявлении.

ТАСС — КазТАГ.

ПРЕДЛАГАЮ!

В эти дни народ нашего молодого суверенного государства скорбит в связи с кончиной видного политического и государственного деятеля Д. А. Кунаева. Несомненны его заслуги в становлении экономики республики, развитии науки и культуры, межнациональных отношений. Всю

свою жизнь Димаш Ахмедович посвятил служению народу. Теперь его имя принадлежит истории. В целях увековечения памяти Д. А. Кунаева предлагаю переименовать площадь Ленина в столице республики в „Площадь Купаева”, присвоить его имя Казахской государственной академии управления.

И. ИСЕРГЕПОВ.

зам. председателя Комитета Верховного
Совета по делам женщин, охране семьи,
материнства и детства.

АУЛИЕ-АГАШ

В один из осенних дней я поехал на кладбище Кенсай, где рядом с Зухрай Шариповной похоронен Динмухамед Ахмедович Кунаев. Два памятника, высеченные из коричневого камня, у подножья которых два букета неярких живых цветов. Рядом, на скамейке сидит пожилая русская женщина — тихая и печальная.

Три высоких ели над могилами Кунаевых. Они зеленеют и над другими захоронениями, где памятники намного богаче и помпезнее. Но только здесь, у Кунаевых на всех трех деревьях развешаны сотни и тысячи разноцветных тесемок. Никакие постановления и указы не имеют на кладбищах силы. Народ и только сам народ определяет место, где похоронен святой человек. Таким святым народ назвал Димаша Ахмедовича. Потому и дерево, расцвеченное шупереками (тесемками) носит имя Аулие-агаш.

**В ЭТОЙ ЖИЗНИ ДИНМУХАМЕД
АХМЕДОВИЧ КУНАЕВ ПРОЖИЛ 81 ГОД
8 МЕСЯЦЕВ И 10 ДНЕЙ.**

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Прощайте, Великий Человек	5
Умершие открывают глаза живым	12
Партбилет № 00000011	15
Из воспоминаний Президента Республики Казахстан	
Н. А. Назарбаева	19
Он завещал — гордитесь Казахстаном	24
Дома и в поездках	27
Из воспоминаний Б. А. Ашимова	32
Секретный циркуляр	37
Единогласно освободили. Единогласно избрали	39
Из воспоминаний О. О. Сулейменова	45
25 лет дружбы с Л. И. Брежневым	48
Из воспоминаний А. А. Аскарова	55
Нет правды на земле. И нет ее в Кремле	60
Из воспоминаний Булата Абилова	67
Такого сына не рождала ты	71
Простой и обаятельный	79
Из воспоминаний А. Г. Статенина	89
Как работало Политбюро	95
Во дни торжеств...	97
Из воспоминаний М. Ю. Раджибаева	100
„Мой брат — Президент...“	102
„Я сопровождал святого...“	103
„Я мог сделать больше“	105
Ребус космонавта	108
Из бесед с Д. А. Кунаевым	110
Из воспоминаний Н. Е. Морозова	130
В те роковые дни	141
Официальная хроника. Документы, телеграммы, письма	148
Аулие-агаш	158

**ГЕННАДИЙ ТОЛМАЧЕВ
50 ВСТРЕЧ С Д. А. КУНАЕВЫМ**

**Ответственный за выпуск Г. Толмачев
Художник Н. Нурмухалбетов
Технический редактор Ж. Сейтенова**

**Сдано в набор 5.08.96. Подписано в печать 20.01.97. Фор
84×1081/32. Бумага офсетная № 1. Гарнитура „Балтика“. Пе
офсетная. Усл. печ. л. 8 + 2,52 вкл. Уч. изд. л. 7,35 + 4,34 вкл.
раж 30 000. Заказ 4297. Цена договорная.**

**Республиканское производственное объединение „Кітап“
ционального агентства по делам печати и массовой информа
Республики Казахстан, 480009, г. Алматы, пр. Гагарина, 93.**



Булат Абилов — Генеральный директор фирмы „Бутя” — один из тех, которые сегодня представляют „новое поколение”. Это напористые трудоголики, удачливые бизнесмены. Но богатый богатому рознь. Булат Мукишевич — щедрый богатый. Он один из первых в Казахстане, кто войдет в историю, как последователь известных российских меценатов таких, как Третьяков, Морозов, Мамонтов. Медицинская аппаратура в Семипалатинске, активное участие в детском благотворительном фонде „Бобек”, помочь инвалидам и престарелым — это заметные, но пока еще первые шаги „Бути”. Если бы не солидная материальная поддержка Б. Абилова, то эта книга еще долго бы не увидела свет. За что ему сердечно благодарны автор и другие заинтересованные лица.